

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

№ 4 (2011)

«СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА»

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

«Дело В.Кононова в Европейском Суде по правам человека» 3

* Мезяев А.Б. – Фальсификация истории в международных судах и дело «Кононов против Латвии».....	3
* Иоффе М.Л. – адвокат В.Кононова в Европейском Суде по правам человека, «Права человека в политическом процессе Кононов против Латвии»	5
*Заявление Государственной Думы РФ	10
*Заявление МИД РФ	12
*Заявление Министерства юстиции РФ.....	13
*Совместное мнение заведующих кафедрами международного права России по решению ЕСПЧ 2010 года (принято 28 января 2011 года).....	14

«ГЛАВНАЯ ТЕМА»

СИТУАЦИЯ В ЛИВИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО..... 22

* Мезяев А.Б. , Агрессия против Ливии: <i>некоторые международно-правовые вопросы</i>	22
* Mezyaev A. , Aggression against Libya and International Law.....	29

«ДОКУМЕНТЫ»..... 36

Официальные документы правительства Ливийской Джамахирии в Совет Безопасности ООН в 2011 году.....	36
--	----

«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»..... 41

Богуш Г.И. , О международном уголовном праве: размышления пеналиста-международника	41
---	----

«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»..... 51

Корендясов Е.Н. , Российско-африканские отношения в контексте глобализации.....	51
--	----

«ИНТЕРВЬЮ»..... 58

Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Государства Палестина в РФ доктора Фаед Мустафа для «Казанского журнала международного права».....	58
--	----

«ЖИВАЯ ИСТОРИЯ»	61
Беседа с бывшим представителем СССР в Совете Безопасности ООН, Чрезвычайным и Полномочным Послом академиком В.Г. Солодовниковым.....	61

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 72

* Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. , Босния и Герцеговина: 15 лет после Дэйтонских соглашений	72
* Милошевич Б. , <i>Посол Югославии в России (1997-2001)</i> , К вопросу о причинах разрушения Югославии в 90-е годы прошлого века	79
* Михайлов Н.Г. , Трибуналы в Нюрнберге и Гааге: некоторые общие черты ..	91
* Ибрагимов А.М. , Банковские гарантии и урегулирование проблем международного банковского права	96
* Луппова А. , Международное спортивное процессуальное право: некоторые аспекты решения МСА по делу российских легкоатлетов	103
* Камнев Р.Г. , Международная обстановка и международное право: содержание, значение и виды международной обстановки	109
* Рафалюк Е.Е. , Двухсотлетие Декларации Независимости Венесуэлы.....	117
* Аль-Ахмад А. , Международно-правовые основы мирного урегулирования Ближневосточного конфликта.....	121
* Ястребова А.Ю. , Международно-правовые аспекты миграционного сотрудничества стран евразийского пространства: опыт и перспективы.....	126

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА..... 131

* Толстых В.Л. , Международные гибридные суды и трибуналы: обзор	131
*Решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные по делам из Российской Федерации в 2009-2010 году	143

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ..... 167

*Библиография статей по международному праву в юридических журналах, опубликованных в 2010 году	167
*Защищенные диссертации по международному праву в 2009-2010 годах	183

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА:
ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
«ДЕЛО В.КОНОНОВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА»

*Мезяев А.Б. – Фальсификация истории в международных судах и дело «Кононов против Латвии»
*Иоффе М.Л. – адвокат В.Кононова в Европейском Суде по правам человека, ДЕЛО В.М. КОНОНОВА В ЕСПЧ. *Права человека в политическом процессе Кононов против Латвии*
*Заявления Государственной Думы РФ по поводу решения ЕСПЧ 2010 года
*Заявление МИД РФ
*Заявление Министерства юстиции РФ
*Совместное мнение заведующих кафедрами международного права России по решению ЕСПЧ 2010 года (Принято 28 января 2011 года)

Фальсификация истории в международных судах
и дело «Кононов против Латвии»

А.Мезяев

17 мая 2010 года Европейский Суд по правам человека вынес давно ожидавшееся решение по делу «Кононов против Латвии». Дата была выбрана не случайно. Решение было явно приурочено к очередной годовщине Великой Победы СССР над нацизмом. Впрочем, такое изуверство международных судей отнюдь не редкость – международные трибуналы это делает довольно часто. Так, например приговор в том же году по делу «Прокурор против В.Поповича и других» был вынесен к очередной годовщине якобы судебно установленного геноцида бошняков в Сребренице. Эта дата является постоянным днем «подарочных» приговоров со стороны МТБЮ. Аналогичный ритуал соблюдается и в Международном трибунале по Руанде. Однако в отличие от решений международных трибуналов *ad hoc* решение ЕСПЧ по делу В.М. Кононова прямо затрагивает Россию. Еще в 2004 году российские власти совершенно обоснованно воспользовались правом государства – члена Совета Европы вступить в любое дело как третья сторона, если затрагиваются его интересы.

Особо обращает на себя внимание правовая несостоятельность решения Суда. Юридическим основанием уголовного преследования и осуждения В.М. Кононова в Латвии стали УК Латвийской ССР 1961 года и Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года. Обратим внимание: оба эти акта были приняты после событий, то есть ретроактивное применение права – что запрещено Европейской конвенцией – налицо. Однако Европейский Суд не счел это важным. Более того, начал придумывать самые разнообразные объяснения для того, чтобы оправдать преследование антифашистов в Латвии. Однако такой уровень юридической нечистоты решения ЕСПЧ еще ярче очерчивает реальную сущность и самого Суда, и всей современной системы «международной юстиции».

О том, какие бои велись за кулисами благочестивого Европейского Суда, говорит много фактов. Один из главных – то, что решение 2010 года полностью пересмотрело решение малой палаты 2008 года, хотя и последнее было принято большинством всего в один голос. (Решение было принято голосами судей из Словении, Армении, Нидерландов и Румынии против голосов судей из Латвии, Швеции и Исландии.)

В создавшейся ситуации Министерство иностранных дел России совершенно справедливо назвало данное решение ЕСПЧ попыткой «поставить под сомнение целый ряд ключевых политических и правовых принципов, сформировавшихся по итогам Второй мировой войны и послевоенного урегулирования в Европе, в том числе по привлечению к ответственности нацистских военных преступников». Данное решение является, по сути, «оправданием нацистов и их пособников и будет способствовать дальнейшему росту влияния в Европе реваншизма, пронацистских и крайних национал-радикальных сил». Не прошел МИД РФ мимо того факта, что решение от 17 мая означает полную смену правовых подходов Суда к оценке событий и итогов Второй мировой войны.

Можно только приветствовать вывод МИДа, который заявил, что Российская Федерация «после всесторонней оценки постановления и его юридических последствий сделает соответствующие выводы, в том числе относительно построения наших дальнейших отношений как с Судом, так и с Советом Европы в целом».

Еще более жестко высказался заместитель министра иностранных дел России А.В. Грушко. За неделю до оглашения решения ЕСПЧ на сессии Комитета министров Совета Европы в Страсбурге он заявил, что если не принять решительных мер по четкой фиксации субсидиарного характера Европейского Суда и полностью не исключить возможность какой бы то ни было политизации его деятельности, то Суд «превратится в серьезную проблему для всей нашей Организации».

Впрочем, для России Европейский Суд по правам человека проблемой уже стал. Решение по данному делу стало не первым решением, вынесенным против России как государства. До этого самым скандальным было решение ЕСПЧ по делу «Илашку против Молдовы и России», где наша страна была признана виновной за военные действия, проходившие в Приднестровье. Не станет оно и последним: на рассмотрении «самого справедливого суда в мире» сейчас находятся межгосударственные жалобы на Россию из Грузии (дело о событиях августа 2008 года) и из Польши («Катынское» дело). Все дела – как на подбор – в русле фальсификации истории. Наступление на Россию по всему международно-правовому фронту развивается...

Сегодня «Казанский журнал международного права» публикует материалы по делу «В.Кононов против Латвии». Здесь и статья адвоката Василия Коконова известного юриста Михаила Леонидовича Иоффе, и официальная реакция них высших государственных органов России – Министерства иностранных дел, Министерства юстиции, Государственной Думы РФ. Публикуем также официальное мнение заведующих кафедрами международного права российских высших учебных заведений по поводу решения суда 2010 года – первый прецедент подобного рода.

Дело В.М. Кононова в ЕСПЧ***Права человека в политическом процессе «Кононов против Латвии»******М.Л. Иоффе¹***

Для российских граждан уголовное преследование ветеранов Великой Отечественной войны, проводимое правительствами прибалтийских государств, вызывает боль и справедливое негодование ввиду явной незаконности таких действий. Однако детально с обоснованием правовых мотивов таких действий в отношении гражданина России – партизана Кононова Василия Макаровича широкая общественность едва ли знакома.

Для наиболее достоверной картины событий с В.М. Кононовым обратимся к их описанию, как они приведены в уголовном деле.

29 февраля 1944 года при активном участии 9-ти жителей деревни Малые Баты Лудзенского района Латвии, находившейся во временной оккупации гитлеровской Германии, была уничтожена разведывательно-диверсионная партизанская группа майора Красной Армии Чугунова, остановившаяся на отдых в овине Мекула Крупниекса. При этом старший подразделения айсаргов Бернард Шкирмантас организовал вооруженную охрану места отдыха партизан, направил ночью Мекула Крупниекса в немецкий гарнизон Гольшево, а Текла Крупниекса, Вероника Крупниекса и Хелена Шкирмантаса специально сообщили партизанам об отсутствии в округе немецкого воинского гарнизона и уговорили партизан остаться, т.к. после перехода по заснеженным лесам нужно было сушить одежду.

Утром 29 февраля 1944 года партизаны были окружены немецкими войсками в овине Крупниекса. Трое женщин сообщили немцам, где находятся огневые позиции партизан, кто спит и кто находится на охране помещения. Братья Шкирмантасы, Крупниексы и Бульс показали выгодные на местности укрытия для операции по уничтожению партизан. После ожесточенного вооруженного сопротивления группа майора Чугунова из 13 человек была уничтожена, в том числе две женщины и грудной ребенок. После боя женщины сняли одежду с убитых и грудного ребенка, а все 9 пособников были поощрены немецким командованием деньгами, сахаром, спиртным, семья Крупниекса Миксула еще и лесом, т.к. его овин в результате боя сгорел.

Проведенным дознанием в партизанском отряде были установлены вина и причастность к уничтожению этой группы вышеназванных пособников, проживавших в селе Малые Баты, и по приговору трибунала партизанского отряда предатели были приговорены к расстрелу.

27 мая 1944 года приговор трибунала партизанского отряда исполнила группа с участием Кононова. 18 человек, переодевшись в немецкую форму, днем зашли в село, разделившись на группы по 3 человека, зашли в каждый дом предателей, обнаружили у каждого винтовку, большое количество патронов (более 100) и гранаты, после чего все пособники были уничтожены (застрелены), тела четверых брошены в две сгоревшие избы. Лично Кононов никого не застрелил, во время операции находился на окраине села, потому что его могли опознать другие жители села, он был родом из этих мест, и у него в соседнем селе жили родители. Кононов оправдан латвийским судом в попытках и поджоге домов и личном уничтожении Буля и Шкирмантаса.

За руководство партизанской группой, как «представитель оккупационной власти бывшего СССР», спустя 60 лет Латвийским судом он признан виновным.

¹ Иоффе Михаил Леонидович – представитель В.М. Кононова в ЕСПЧ.

17 мая 2010 года Большая Палата ЕСПЧ признала, что Латвия при осуждении Кононова не нарушила ст. 7 Европейской конвенции прав человека и основных свобод.

Основным доводом (их всего 5) в признании законности вынесенного в Латвии обвинительного приговора ветерану Кононову В.М. Большая Палата ЕСПЧ указала, что он достоверно знал на 27 мая 1944 года, что совершает военное преступление.

Большая Палата указала, что жители Малых Бат были захвачены партизанами в плен, при этом сопротивления им не оказывали, поэтому превратились в военнопленных, их надлежало привести в отряд и там предать суду и наказать, а не расстреливать дома.

ЕСПЧ признал за коллаборационистами новый статус военнопленных или «мирных жителей, принимавших участие в боевых действиях», которого не было даже в приговорах национальных судов. Исходя из их статуса, они имели право на справедливый, а не заочный суд, право на жизнь, на гуманное обращение. Нарушение этих прав Большая Палата признала военным преступлением.

По мнению ЕСПЧ партизаны не имели права нападать на деревню, т.к. у них не была организована работа трибунала, не было места содержания арестованных и т.д.

Выдержка из постановления: «1. Большая Палата отмечает, что ни на национальном уровне, ни в Суде не оспаривался тот факт, что заявитель и его отряд во время нападения на жителей деревни были в форме Вермахта, таким образом, не был соблюден один из вышеупомянутых критериев. Это могло означать, что заявитель утратил статус комбатанта¹ (таким образом, утратив и право на нападение²) и что факт ношения вражеской униформы во время боя уже сам по себе мог составлять преступление.³ Однако национальные суды не выдвигали против заявителя обвинений в совершении отдельного военного преступления на этом основании. Тем не менее, данный фактор имеет некоторое значение для других военных преступлений, в которых заявитель был обвинен (в особенности вероломное убийство и нанесение ран мирному населению – см. пункт 217 выше). Таким образом, Суд исходит из того, что заявитель и его отряд были «комбатантами». Что касается самих жителей деревни, то одна из гипотез – это то, что они также могли считаться «комбатантами» (см. пункт 194 выше)».

Кодекс Либера, на который ссылается суд, не является международным документом. Он действовал в США в 1863 году во время гражданской войны и ни одним государством мира не признавался как обязывающий. Рассуждения Суда о совершении группой Кононова военного преступления ввиду ношения ими немецкой формы одежды недопустимы, т.к. Гагская конвенция 1907 года допускает применение военной хитрости в отношении противника. Не оспаривался данный факт сторонами, потому что не вменялся.

Так, ЕСПЧ решил в п. «2. В заключение, если имелись основания подозревать, что мирные жители, которые участвовали в военных действиях, нарушили *jus in bello*, совершая такие действия (например, военное предательство для передачи информации немецкой военной администрации, см. пункт 194 выше), они подлежат аресту, справедливому суду и наказанию военным или общегражданским трибуналом за такие действия, а суммарные казни без суда противоречили бы законам и обычаям войны».

Почему то ЕСПЧ «забыл», что партизаны пришли в деревню Малые Баты исполнить приговор партизанского трибунала предателям, а не пленить «мирных жителей».

¹ Кодекс Либера 1863 г. (ст. 65).

² Кодекс Либера 1863 г. (ст. 57).

³ Среди прочего Кодекс Либера 1863 г. (ст.ст. 16, 63, 65 и 101); проект Брюссельской декларации 1874 г. (п/п «b» и «f» ст. 13); Оксфордское руководство 1880 г. (п/п «b» и «d» ст. 8); Положение, приложенное к Гагской конвенции 1907 г. (п/п «b» и «f» ст. 23). См. также: Дело Отто Скоржени и других (*Otto Skorzeny and Others*), упомянутое в п. 129 выше, процитировано судом с подтверждением, *Oppenheim & Lauterpacht* (1944 г.) на стр. 335.

Следуя их логике, партизанский трибунал был несправедливым судом для предателей, а его исполнение есть нарушение законов и обычаев войны.

«3. Хотя можно заметить, что понятие военных преступлений возникло несколько столетий назад, именно на середину XIX века приходится период основательной кодификации действий, которые составляют военное преступление, за которое физическое лицо могло бы быть привлечено к уголовной ответственности. Кодекс Либера 1853 г. (см. пункты 63-77 выше) описывает значительное количество преступлений против законов и обычаев войны и предписываемые наказания, и индивидуальная уголовная ответственность предусмотрена во многих статьях Кодекса Либера. Несмотря на то, что данный кодекс является американским кодексом, он стал первой современной кодификацией законов и обычаев войны и оказал влияние на позднейшие конференции по кодификации, в частности, в Брюсселе в 1874 г. (см. пункт 79 выше). Оксфордское руководство 1880 г. запрещало многие действия как противоречащие законам и обычаям войны и прямо предусматривало, что «преступники подвергаются наказанию, указанному в уголовном праве». Данные ранние кодификации, и, в частности, проект Брюссельской декларации, в свою очередь, привели к принятию Гаагской конвенции и Положения 1907 г. Данные последние документы из ранних кодификаций оказали наибольшее влияние и в 1907 г. объясняли законы и обычаи войны: они определили, среди прочего, ключевые понятия (комбатанты, народное ополчение, выведение из строя), содержали подробное описание преступлений против законов и обычаев войны и предоставляли дополнительную защиту, посредством оговорки Мартенса, жителям и участникам военных действий в отношении случаев, не указанных в специальных положениях Гаагской конвенции и Положения 1907 г. Ответственность за это возлагалась на государства, которые обязаны были выдавать соответствующие распоряжения своим вооруженным силам и выплачивать возмещение ущерба, если их вооруженные силы нарушали указанные правила.

Влияние Первой мировой войны на гражданское население привело к появлению в Версальском и Севрском договорах положений об ответственности, судебном разбирательстве и наказании предполагаемых военных преступников. Работа Международной комиссии 1919 г. (после Первой мировой войны) и КВП ООН (во время Второй мировой войны) внесла значительный вклад в разработку принципа индивидуальной уголовной ответственности в международном праве. «Женевское право» (в частности, Конвенции 1864, 1906 и 1929 годов, см. пункты 53-62 выше) защищало жертв войны и предоставляло гарантии раненым и покалеченным военнослужащим и лицам, не принимающим участия в военных действиях. «Гаагская» и «Женевская» сферы права были в высокой степени взаимосвязаны, последняя дополняла первую.

Все это лекция, доклад юриста, а не правовое обоснование виновности Кононова. В отношении Кононова ни один из указанных документов не применим, т.к. ратифицирован государствами на 1944 г., кроме того, латвийскими судами нарушение этих конвенций не вменялось как преступление.

Большая Палата применила исследование вопроса об истории развития понятия военного преступления как доказательство его признания в международном праве и закрепления в общих принципах права, признанных цивилизованными странами, что не соответствует действительности, т.к. эти нормы не имели международно-признанного статуса и, соответственно, не действовали в отношении Кононова.

«В качестве комбатантов сельчане также имели бы право на защиту как военнопленные, находящиеся под контролем заявителя и его группы, и последующее плохое обращение с ними и их суммарная казнь противоречили бы многим правилам и обы-

чаям войны, защищающим военнопленных (отмечено в пункте 202 выше). Соответственно, плохое обращение, ранение и убийство жителей деревни составляли военное преступление».

Предатели из числа жителей Малых Бат никогда не рассматривались как военнопленные и не могли иметь этого статуса, т.к. для партизан была другая цель – уничтожить их по приговору трибунала партизанского отряда, а не их пленение. Эти жители были военной целью и должны были быть уничтожены при любых обстоятельствах. ЕСПЧ изменил суть действий партизан, отошел от исторических событий, поэтому получил неправильный вывод.

4. Во-вторых, Суд считает, что национальные суды обоснованно полагались на пункт «b» статьи 23 Положения, приложенного к Гаагской конвенции 1907 г., при обосновании отдельного осуждения в отношении вероломного ранения и убийства. Концепции предательства и вероломства были тесно связаны в соответствующее время, так что ранение или убийство считалось вероломным, если осуществлялось одновременно с противоправным убеждением врага в том, что он не находится под угрозой нападения, например, посредством ненадлежащего использования вражеской униформы. Как отмечено в пунктах 16 и 201 выше, заявитель и его группа, в частности, были одеты в немецкую униформу во время операции в деревне Малые Баты. Пункт «b» статьи 23 однозначно применяется, если жители деревни считаются «комбатантами», а также мог бы применяться, если бы они считались гражданскими лицами, участвующими в военных действиях. В этом последнем случае текст пункта «b» статьи 23 относился к вероломному убийству или ранению *лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля*, которые могли толковаться как включающие любых лиц, находящихся под какой-либо формой контроля вражеской армии, в том числе гражданское население на оккупированной территории.

Гаагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. запрещает ряд средств нанесения вреда неприятелю. В частности, запрещено предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к **населению неприятеля**. Речь идет именно о населении противоборствующей стороны, а не о собственном населении.

Положения Гаагской конвенции 1907 г. не применимы к Кононову, т.к. он не был оккупантом, родился в Латвии, жители Малых Бат были вооружены нацистским режимом и не являлись мирными, а также не были населением неприятеля по отношению к Кононову.

5. В-третьих, латвийские суды полагались на статью 16 Женевской конвенции (IV) 1949 г., утверждая, что убийство беременной женщины путем сжигания составляло военное преступление, нарушающее положение об особой защите, предоставляемой женщинам. То положение, что женщины, в особенности беременные, должны быть объектом особой защиты во время войны, входило в законы и обычаи войны, зафиксированные еще в Кодексе Либера 1863 г. (статьи 19 и 37). Далее оно было разработано посредством «Женевского права» в отношении военнопленных (женщины считались особенно уязвимыми в такой ситуации)¹. Суд считает данные формулировки «особой защиты», понимаемые вместе с защитой по «оговорке Мартенса» (см. пункты 86-87 и 215 выше), достаточными для установления того, что существовало надежное правовое основание для осуждения заявителя за совершение самостоятельного военного преступления в отношении сожжения гражданки Крупникс. Суд считает, что это мнение подтверждено многочисленными специфическими и специальными видами защиты для женщин, включенными непосредственно после Второй мировой войны

¹ См., в частности, ст. 3 Женевской конвенции 1929 г.

в Женевские конвенции (I), (II) и (IV) 1949 г., в частности, в статью 16 последней из них.

Указанная Женевская Конвенция 1949 г. не действовала в 1944 г. Фактически ЕСПЧ сам придал уголовному закону обратную силу, что характеризует политические основы такого решения.

6. В заключение Суд хотел бы добавить, что даже если считать, что деревенские жители совершили военные преступления (в независимости от того, каким правовым статусом они обладали), то в соответствии с обычным международным правом в 1944 г. заявитель и его отряд могли иметь право только арестовать деревенских жителей, обеспечить справедливый суд над ними и только после этого применить какое-либо наказание (см. пункт 204 выше). Как отметило государство-ответчик, по версии событий, представленной заявителем Палате (см. пункты 21-24 выше) и повторно Большой Палате (см. пункт 162 выше), заявитель фактически описывает, что ему следовало предпринять (арестовать деревенских жителей для проведения суда над ними). В любом случае независимо от того, имел ли место партизанский суд (п. 132 постановления Палаты), судебный процесс над обвиненными сельскими жителями без их участия, без уведомления их об этом, с последующей казнью не может считаться справедливым.

ЕСПЧ, вопреки приговору Нюрнбергского трибунала, оспаривает суровость приговора трибунала партизанского отряда в отношении предателей.

Суд полагает, что, принимая во внимание вопиющее противоправное обращение с девятью жителями деревни и их убийство при установленных обстоятельствах операции, проведенной 27 мая 1944 г. (см. пункты 15-20 выше), даже наиболее поверхностное размышление заявителя показало бы, что оспариваемые деяния, по меньшей мере, содержали в себе риск вступить в противоречие с законами и обычаями войны в понимании того времени, а также, в особенности, риск того, что эти действия представляли собой военные преступления, за которые Кононов как командир мог понести индивидуальную уголовную ответственность.

Описанные новые правила ведения Второй мировой войны Большой Палатой в 2010 г. явно не были прописаны в 1944 г.

Фактически по одним и тем же обстоятельствам уголовного дела Кононова первый раз палата ЕСПЧ признала факт придания закону обратной силы национальными судами Латвии, при пересмотре – нет.

Пересмотр дела в Большой Палате не имел законных оснований в соответствии с регламентом Суда.

Большая Палата указала, что политические и исторические аспекты дела Кононова не относятся к компетенции Суда, однако пересмотр всего решения от 24 июля 2008 г. происходил по заявлению Правительства Латвии именно по этим основаниям.

Фактически ЕСПЧ осудил Кононова за то, что они со своей группой не сделали, – не привели жителей в отряд для судебного разбирательства, но за несовершенно совершенные действия Кононов не осужден.

Изучение и проведенный анализ решения Большой Палаты ЕСПЧ от 17 мая 2010 года по делу ветерана В.М. Кононова выявили правовые моменты для составления прошения о пересмотре дела в ЕСПЧ на основании ст. 80 Регламента Суда – единственно возможного для отмены постановления.

В качестве вновь открывшихся обстоятельств имеется довод об использовании Большой Палатой неправильного перевода с латышского на английский и французский языки приговоров, в результате которого ЕСПЧ указал обстоятельства, не установленные в приговорах латвийских судов и не вмененные Кононову как преступление.

Эти обстоятельства в силу своего характера имеют решающее значение, но не были известны суду при вынесении постановления.

Стороне заявителя это обстоятельство о применении неправильного перевода стало известно только после оглашения постановления 17 мая 2010 г. (Кононов никого не сжигал 27 мая 1944 г., во время операции находился на окраине села, он оправдан в пытках жителей и расстреле Буля и Шкирмантаса, поджоге строений, не признавался виновным и в расстреле военнопленных и т.д.)

Например, факты, на которые может ссылаться ЕСПЧ, изложены в приговоре от 3 октября 2004 года Латгальского окружного суда, а в п. 15 постановления они имеют иное описание событий, чем в этом решении.

Данное обстоятельство можно объяснить только неправильным переводом с латышского языка, который использовал Суд.

Вновь открывшимся для заявителя обстоятельством является также и то, что Суд не основывался на своей прецедентной практике, в частности, на выводах, к которым он пришел в решении по делу «Корбели против Венгрии» (*Korbely v. Hungary*), Большая Палата, № 9174/02, 19 сентября 2008 г., § 59, когда он установил невозможность заявителя предвидеть в 1956 г. (т.е. уже после Нюрнбергского трибунала и принятия Женевский конвенций 1949 г.), что его действия образуют состав преступления против человечества согласно международному праву.

После ознакомления с описанием событий в постановлении от 17 мая 2010 г. возникает убеждение, что партизанский отряд заявителя действовал не на оккупированной противником территории, в тылу немцев, примерно в 80-120 км от линии фронта, где в округе были выжжены деревни с мирными жителями, где коварный и сильный враг охотился за партизанами и была смерть на сотни километров, а на «острове Малые Баты» в Тихом океане.

Для воспроизведения фактических событий защитой были предоставлены переведенные на английский язык заверенные копии архивных документов того периода. В частности, к прошению о пересмотре приложены сведения латвийского штаба партизанского движения, инструкции и приказы нацистов по уничтожению партизан, сведения об уничтожении деревень в районах, примыкающих к Латвии и в месте действия партизанских отрядов, приговоры партизанских трибуналов, газеты, распространяемые в партизанских отрядах, и др., документы, имевшие до этого гриф «Совершенно секретно».

17 ноября 2010 г. Большая Палата приняла прошение защиты о пересмотре постановления от 17 мая 2010 г. Какое будет принято решение, покажет время.

Статья завершена 14 января 2011 года

Заявление МИД России в связи с оглашением 17 мая 2010 г. Постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу В.М. Кононова № 657 от 17 мая 2010 г.

Озвученное 17 мая постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу В.М. Кононова тщательно изучается в России, однако, по нашей первоначальной оценке, можно говорить о крайне опасном прецеденте, вызывающем у нас большую тревогу.

Решение Большой Палаты рассматриваем не просто как пересмотр справедливого Постановления палаты Суда по данному делу, принятого 24 июля 2008 г., но в качестве попытки поставить под сомнение целый ряд ключевых политических и правовых принципов, сформировавшихся по итогам Второй мировой войны и послевоенного урегулирования в Европе, в том числе по привлечению к ответственности нацистских военных преступников.

Суть Постановления Большой Палаты ЕСПЧ от 17 мая с.г. лежит в отказе удовлетворить жалобу бывшего борца с фашизмом, 87-летнего латвийского партизана, приговоренного по сфабрикованному обвинению в «военных преступлениях» на территории Латвии в 1944 г.

Исключив ответственность Латвии, признанную ранее в Постановлении от 24 июля 2008 г., за нарушение ст. 7 Европейской конвенции по правам человека, сегодня Большая Палата Суда фактически согласилась с теми, кто стремится пересмотреть итоги Второй мировой войны и обелить нацистов и их пособников.

Такая позиция берет начало в неприкрытом неприятии Ригой послевоенного устройства Европы и результатов Нюрнбергского процесса, который во всем мире рассматривается как основополагающий источник современного международного уголовного права, в том числе в части признания СС преступной организацией.

Квалификация действий борца с нацизмом В.М. Кононова в качестве «военного преступления» вступает в прямое противоречие с общепризнанными фундаментальными принципами права, прежде всего, с принципом отсутствия обратной силы уголовного закона. По сути, согласие ЕСПЧ с позицией Латвии в данном деле означает юридически необоснованную и политически ущербную смену правовых подходов Суда к оценке событий и итогов Второй мировой войны.

Являясь членом Совета Европы уже более 14 лет, Российская Федерация высоко ценит результаты многопланового взаимодействия государств-членов, вклад Организации в консолидацию демократического развития России. В этих условиях решение части членов Суда по делу В.М. Кононова наносит серьезный ущерб авторитету Совета Европы в целом и может рассматриваться как стремление провести новые разделительные линии в Европе, разрушить складывающийся на континенте консенсус относительно общеевропейских стандартов и ценностей.

Российская Федерация, принимавшая участие в деле В.М. Кононова в качестве третьей стороны, после всесторонней оценки Постановления и его юридических последствий сделает соответствующие выводы, в том числе относительно построения наших дальнейших отношений как с Судом, так и с Советом Европы в целом.

Несомненно, в ходе ведущейся в настоящее время реформы находящегося в кризисном состоянии ЕСПЧ необходимо добиваться того, чтобы любое повторение подобных решений Суда было исключено.

Следует также особо отметить серьезные негативные последствия Постановления по делу В.М. Кононова как для ветеранов-антифашистов во всех странах, которые сражались против нацистов и их пособников во Второй мировой войне, так и для их потомков. Постановление Суда, согласное с неправомерным осуждением в одной из стран – членов Совета Европы одного из борцов Антигитлеровской коалиции, означает, по сути, оправдание нацистов и их пособников и будет способствовать дальнейшему росту влияния в Европе реваншизма, пронацистских и крайних национал-радикальных сил.

Уверены, свое слово в квалификации правовых последствий данного решения скажет российское и международное юридическое сообщество.

17 мая 2010 г.

**Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации пятого созыва
Заявление от 21 мая 2010 года
в связи с принятием Большой палатой Европейского Суда
по правам человека Постановления по делу В.М. Кононова**

17 мая 2010 года Большая Палата Европейского Суда по правам человека приняла Постановление, признающее законным выдвинутое Латвийской Республикой обвинение ветерана Великой Отечественной войны, героя антигитлеровской партизанской войны на территории Латвии гражданина Российской Федерации В.М. Кононова в совершении «военных преступлений».

Данное Постановление полностью отменяет принятое 24 июля 2008 года Постановление палаты Европейского Суда по правам человека, признавшее нарушение латвийскими властями статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и незаконность уголовного преследования В.М. Кононова.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации выражает серьезную озабоченность в связи с принятием данного Постановления, которое может быть рассмотрено не только как опасный судебный прецедент и изменение правовых подходов к оценке событий Второй мировой войны, но и как попытка инициировать пересмотр решений Нюрнбергского трибунала. Выраженная в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по правам человека позиция большинства ее членов оправдывает действия латвийских властей, ведущих политику реваншизма и шовинизма, и поощряет государственных лидеров, призывающих подвергнуть ревизии итоги Нюрнбергского трибунала.

Вызывает сожаление тот факт, что ряд политиков в мире все чаще становятся на сторону тех политических сил, которые стремятся оправдать нацистскую идеологию, разрушить сложившееся послевоенное мировое устройство и поощряют агрессивный национализм. Такая тенденция опасна, так как ведет к возрождению фашизма, оправдывает военные преступления, совершенные во время Второй мировой войны.

По мнению Государственной Думы, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу В.М. Кононова носит сугубо политический характер и не основано на общепризнанных принципах и нормах международного права. Депутаты Государственной Думы считают, что принятие данного Постановления будет иметь для участников Второй мировой войны, сражавшихся на стороне государств антигитлеровской коалиции, серьезные негативные последствия, которые могут выразиться в их преследовании и обвинении в совершении военных преступлений.

Государственная Дума неоднократно принимала заявления и обращения, в которых указывалось на стремление властей некоторых государств подвергнуть ревизии итоги Нюрнбергского трибунала, и требовала прекратить преследования участников Второй мировой войны, сражавшихся на стороне государств антигитлеровской коалиции. Депутаты Государственной Думы обращают внимание мирового сообщества на необходимость дать объективную оценку Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу В.М. Кононова в целях исключения принятия Европейским Судом по правам человека подобных решений.

**Заявление Министерства юстиции Российской Федерации
в связи с вынесением Большой палатой Европейского Суда
по правам человека Постановления по делу «Кононов против Латвии»
28 мая 2010 г.**

17 мая т.г. Большой Палатой Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) вынесено Постановление по делу «Кононов против Латвии», пересматривающее решение Палаты ЕСПЧ, принятое в 2008 году в пользу ветерана Великой Отечественной войны В.М. Кононова.

Согласно Постановлению В.М. Кононову отказано в удовлетворении жалобы против властей Латвии, неправомерно осудивших его за «военные преступления», якобы совершенные им в 1944 году на территории Латвийской Республики. Таким образом, ЕСПЧ реабилитировал действия латвийских властей, преследовавших В.М. Кононова в судебном порядке в нарушение положений статьи 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающей невозможность осуждения за совершение какого-либо деяния, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением.

По существу, Большая палата использовала тот же подход при оценке событий, что и суды Латвии, решение которых, главным образом, основано на статье 6, § 2, пункт (b) Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, а также на Конвенции Организации Объединенных Наций 1968 года о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. То обстоятельство, что решения латвийских судов не были основаны ни на национальном, ни на международном праве, действовавшем в момент совершения инкриминируемого деяния, осталось без внимания.

Не усматривая нарушений Конвенции в вопросе привлечения латвийскими властями В.М. Кононова к уголовной ответственности за «военные преступления», Европейский Суд фактически закрепил возможность ретроспективного применения уголовного закона и, соответственно, уголовного наказания.

Между тем, действовавший на территории Латвии на момент рассматриваемых событий, т.е. в 1944 году, УК РСФСР 1926 года не содержал каких-либо положений о «военных преступлениях». Их определение и классификация были сформулированы Международным военным трибуналом в Нюрнберге лишь в 1945 году. До этого ни национальное, ни международное законодательство в отношении такой категории дел не было в достаточной степени определенным и предсказуемым. Судебное преследование В.М. Кононова латвийскими властями стало возможным после принятия в 1993 году поправок к действовавшему на территории Латвии УК РСФСР 1961 года, исключавших применение срока давности привлечения к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений. Без соответствующих законодательных изменений уголовное преследование В.М. Кононова было невозможно в связи с истечением такого срока в 1954 году.

В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда лицо может подлежать ответственности только на основании «предсказуемого» закона, формулировка которого должна быть достаточно ясной и понятной, позволяющей любому лицу предвидеть последствия его нарушения. Однако очевидно, что в рассматриваемых обстоятельствах В.М. Кононов не мог в 1944 г. предвидеть возможность квалификации совершенных им действий как международное преступление. Выводы Большой Палаты об обратном противоречат прецедентной практике ЕСПЧ, который в Постановле-

нии по схожему делу «Корбели против Венгрии» от 19 сентября 2008 года установил невозможность доказать способность заявителя предвидеть в 1956 году преступность своих действий в соответствии с международным правом.

Таким образом, пересмотрев ранее принятое по делу решение и не найдя в действиях латвийских властей нарушения статьи 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд юридически одобрил привлечение В.М. Кононова к уголовной ответственности на основании закона, принятого в Латвийской Республике через 50 лет после рассматриваемых событий, и за деяния, сроки наказания по которым в соответствии с национальным уголовным законодательством истекли 40 лет назад.

Подобный подход ЕСПЧ к применению общепринятых международных норм и принципов в делах, связанных с нарушением в некоторых прибалтийских государствах прав и свобод участников Великой Отечественной войны, сражавшихся, в том числе за освобождение Европы от нацизма, вызывает глубокое сожаление.

В то же время даже в этой редакции решение Европейского Суда не может толковаться как порочащее освободительную миссию советского народа в борьбе с фашистским агрессором в годы Великой Отечественной войны.

Мнение российских юристов-международников о решении ЕСПЧ по делу «В.М. Кононов против Латвии»

По инициативе заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, профессора А.Х. Абашидзе в формате «круглого стола» с участием заведующих кафедрами международного права МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Всероссийской академии внешней торговли, Дипломатической академии МИД России, Казанского государственного университета, МГИМО(У) МИД России, Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, Российской правовой академии Минюста России, Университета МВД России, Южного федерального университета и других было подготовлено консолидированное мнение в отношении Постановления Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «В.М. Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г.

Документ был принят на заседании «круглого стола» с участием руководителей вышеперечисленных кафедр, который состоялся на базе кафедры международного права РУДН 28 января 2011 г.

Понятие военных преступлений по состоянию на 1944 г.

Согласно аргументации Большой палаты ЕСПЧ, по состоянию на начало Второй мировой войны в международном гуманитарном праве (МГП) сформировалось понятие военных преступлений, и поэтому В.М. Кононов должен был осознавать преступность своих действий и возможность привлечения к уголовной ответственности за них.

В целях обоснования такого положения дел Суд предпринял масштабное исследование источников МГП.

Однако выводы Большой Палаты представляются противоречащими этим источникам.

МГП того периода действительно запрещало широкий круг методов ведения войны и квалифицировало некоторые из возможных нарушений в качестве преступлений. Однако индивидуальной уголовной ответственности за такие преступления международное право на тот момент не предусматривало.

Из исследования, предпринятого Судом, недвусмысленно вытекает, что к 1944 г. не существовало ни одного действующего международного договора и не состоялось ни одного международного судебного процесса, который свидетельствовал бы о возможности уголовной ответственности отдельных лиц за военные преступления.

Нарушения законов и обычаев войны могли влечь лишь традиционные для международного права формы ответственности государства перед другим государством: компенсация и т.п.

Виновные же в военных преступлениях могли подлежать уголовной ответственности только по законодательству отдельных государств. В международном праве идея об индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления впервые была реализована в Нюрнбергском трибунале.

Применение Устава Нюрнбергского трибунала к военнослужащим антигитлеровской коалиции

Большая Палата строит свою аргументацию на том, что во время Второй мировой войны МГП применялось одинаковым образом ко всем противоборствующим сторонам.

Из этой посылки Суд делает вывод о том, что деяния, признанные преступными Уставом и приговором Нюрнбергского трибунала применительно к представителям стран «Оси», являются преступными и подлежат уголовному наказанию и в случае их совершения представителями антигитлеровской коалиции.

Между тем, юрисдикция Нюрнбергского трибунала охватывала исключительно военных преступников стран «Оси».

С самого момента создания Трибунала началась дискуссия относительно того, не означает ли его Устав придания обратной силы уголовному закону. По этому вопросу обвинительное заключение, выступления обвинителей, текст приговора, последующая международная и национальная судебная практика, а также доктрина международного права выработали следующую аргументацию.

Преступления, в которых обвинялись нацисты, безусловно, являлись нарушением норм международного гуманитарного права. Их характер и масштаб, без сомнения, давали основания считать их не просто противоправными, но и преступными. В частности, эти деяния являлись преступлениями по национальному законодательству всех цивилизованных государств. Они совершались в рамках одного большого преступного проекта – развязанной Германией агрессивной войны. Данные элементы были совершенно очевидны для нацистских преступников.

По этим причинам, если и можно говорить об обратной силе закона, то это касается лишь вопросов создания механизма привлечения виновных к ответственности и применения конкретных уголовных санкций. С учетом тяжести содеянного нацистами это небольшое отступление от принципа запрета обратной силы закона оправданно.

Обоснованность применения к нацистским преступникам особого подхода, который был бы неправомерен в отношении прочих лиц и государств, была в полной мере признана мировым сообществом.

Так, например, Устав ООН в ст. 107 предусматривает, что его положения «не лишают юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны ... в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав». Европейская конвенция о правах человека (п. 2 ст. 7) и Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 2 ст. 15), говоря о запрете обратной силы уголовного закона, указывают, что эти положения «не препятствуют преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права».

В практике ЕСПЧ последовательно признается (со ссылкой на материалы подготовки текста ЕКПЧ), что это положение направлено на то, чтобы исключить из-под действия п. 1 ст. 7 «законы, которые были приняты в совершенно исключительных обстоятельствах после окончания Второй мировой войны в целях наказания за военные преступления, акты предательства и пособничества врагу» (решение Европейской комиссии по правам человека (ЕКПЧ) по делу «Х против Бельгии» 1957 г.; цитируется в п. 186 решения Большой Палаты по делу Кононова).

Тем самым косвенно признается, что эти законы (то есть в первую очередь Устав Нюрнбергского трибунала), во-первых, несли в себе элемент обратной силы и, во-вторых, применялись только к преступникам стран «Оси».

Такое мнение является господствующим и в доктрине международного права. Подтверждается оно и практикой государств: случаев, когда непосредственно на основании международно-правовых актов (а не национальных уголовных кодексов) к ответственности за военные преступления привлекались бы военнослужащие антигитлеровской коалиции, неизвестно.

Таким образом, можно констатировать, что в 1945 г. союзниками был сделан осознанный юридический, политический и нравственный выбор: привлечь к уголовной ответственности на основании частично ретроактивного применения уголовного закона только военных преступников стран «Оси» и не распространять этот закон на антигитлеровскую коалицию.

Данное решение суда *ad hoc*, созданного для конкретной ситуации, впоследствии было признано правильным всем мировым сообществом.

Решение Большой Палаты ЕСПЧ (п. 207) в корне противоречит этой правовой, политической и моральной установке, которую никто всерьез не подвергал сомнению на протяжении 65 лет.

Обратная сила уголовного закона

В отсутствие четких норм о военных преступлениях в международном гуманитарном праве периода Второй мировой войны латвийские суды, квалифицируя деяния Кононова, ссылались непосредственно на Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г., а также на Конвенцию о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г.

Возможность ретроактивного применения этих конвенций суды обосновывают законодательством Латвии, принятым в 1993 г.

Совершенно очевидно, что налицо нарушение основополагающего принципа современного уголовного права – запрета придания обратной силы уголовному закону, ухудшающему положение обвиняемого. Вескую аргументацию по этому поводу приводит палата ЕСПЧ, рассматривавшая дело по первой инстанции.

Правовой статус убитых латышей

В латвийских судах и в ЕСПЧ стороны заняли противоположные позиции по вопросу о статусе лиц, убитых в ходе операции в Малых Батах.

Согласно латвийской стороне, их следует квалифицировать как гражданских лиц.

Защита Кононова и российская сторона утверждали, что они являлись комбатантами, так как сотрудничали с нацистами и, в частности, ранее предательски передали в их руки группу партизан под руководством майора Чугунова.

Большая палата фактически уклонилась от четкой квалификации статуса этих лиц. В своем решении она исходит из якобы наиболее выгодной для Кононова квалификации – латыши являлись либо комбатантами, либо «гражданскими лицами, принявшими участие в боевых действиях».

Этот подход заслуживает критики по нескольким основаниям:

- Во-первых, вызывает удивление сам факт того, что Суд, сначала посчитав необходимым изучить вопрос о статусе убитых, в результате воздержался от точного ответа на него.

Здесь напрашивается вывод либо о признании Судом собственной некомпетентности в этом вопросе, либо о том, что ответ на него до сих пор не ясен.

В обоих случаях возникает вопрос; на каком тогда правовом и моральном основании Суд столь смело высказывается по прочим вопросам МГП, дает четкую квалификацию в весьма спорных ситуациях, причем трактует неоднозначные моменты исключительно в пользу латвийской стороны, а не Кононова, как это следовало бы делать на основании современных принципов уголовного права, перечисленных в Статуте МУС 1998 г.?

- Во-вторых, Суд, говоря о «гражданских лицах, принявших участие в боевых действиях», фактически изобрел новую категорию, до сих пор в международном гуманитарном праве не фигурировавшую. При этом Суд никак не объясняет, каким образом он приходит к существованию этой новой категории, а также не говорит четко об особенностях ее правового статуса.

По сути, речь идет о том, чтобы признать участие латышей в боевых действиях, но сохранить за ними все правовые гарантии, которыми пользуется гражданское население.

Между тем, согласно МГП все лица в ходе вооруженного конфликта за незначительными исключениями относятся либо к комбатантам, либо к гражданскому населению. И те и другие должны соблюдать обязанности, вытекающие из их статуса. В частности, гражданские лица, чтобы пользоваться соответствующими правовыми гарантиями, обязаны не участвовать в боевых действиях. При этом понятие участия в боевых действиях трактуется достаточно широко: сюда относятся, в частности, снабжение войск продовольствием, осуществление функций связи и т.д. Если гражданские лица занимаются такой деятельностью, они не только теряют право на защиту, но и рассматриваются как лица, перешедшие на сторону врага.

Ни одна из сторон в ходе разбирательства в ЕСПЧ не оспаривала, что убитые латыши передали в руки нацистов группу Чугунова. С учетом изложенной выше позиции предание их смерти находилось в полном соответствии с правом и практикой тех времен.

Рассмотрим теперь версию о том, что убитых латышей следует считать комбатантами.

В пользу этого варианта говорит признание латвийскими судами и ЕСПЧ того факта, что эти лица имели оружие, выданное немцами, а по крайней мере некоторые из них состояли в созданных немцами отрядах самообороны. В этой связи есть все основания считать, что предательство отряда Чугунова вытекало из обязанностей рас-

смаатриваемых лиц перед нацистами. Иными словами, эти люди были готовы сдать немцам всех партизан, которые оказались бы в их деревне. В этом заключалось их постоянное боевое дежурство, и тот факт, что, как неоднократно подчеркивает ЕСПЧ, в момент инцидента с В.М. Кононовым жители деревни «готовились к празднованию Троицы», никак этому не противоречит. Таким образом, нападение отряда Коконова не произошло в отрыве от выполнения данными лицами своих боевых обязанностей и, следовательно, было правомерным.

При этом в нарушение норм МГП данные лица не носили оружие открыто, не имели отличительных знаков и т.д. В этой ситуации, даже по современному МГП, они не имели бы права на статус военнопленных. По сути, здесь речь шла бы о вероломстве в виде симулирования статуса гражданских лиц (что и проявилось в эпизоде с предательством отряда Чугунова).

Из изложенного можно сделать вывод, прямо противоположный тому, к которому пришел Суд: независимо от признания убитых жителей Малых Бат гражданскими лицами или комбатантами нападение на них и предание их смерти не расходились с нормами МГП того времени.

Внезапность нападения как военное преступление

Международное гуманитарное право прямо допускает вооруженное нападение на комбатантов, за исключением случаев, когда те выведены из строя (сдались в плен, ранены и не оказывают сопротивления и т.д.).

Большая Палата ЕСПЧ строит свою аргументацию на том, что в момент нападения отряда Коконова пострадавшие от него лица не имели непосредственно при себе оружия и жили мирной жизнью.

Между тем, как показано выше, есть все основания считать, что, несмотря на это, латыши продолжали выполнять свои воинские обязанности (были готовы донести немцам на партизан, что повлекло бы их неминуемую гибель).

Логика Суда выглядит здесь несостоятельной.

Если следовать ей, то придется заключить, что комбатантов противника можно атаковать, только убедившись в том, что они находятся в состоянии ведения боевых действий (не спят, не отдыхают, не принимают пищу и т.п.). Иными словами, любое внезапное нападение или атака с применением дальнобойных средств, когда атакующий не может физически видеть противника, автоматически приравнивается к военному преступлению. Такой подход видится абсурдным.

Сомнительность выводов Суда тем более очевидна применительно к партизанской войне.

Подавляющее большинство партизанских операций основано на внезапности и иных формах военной хитрости. По логике Большой Палаты партизанская война представляет собой сплошную череду военных преступлений. И это при том, что, как указала палата Суда при рассмотрении дела по первой инстанции, «фактически данная операция едва ли отличалась от тех, которые проводились вооруженными силами союзников и местными отрядами Сопротивления во многих европейских странах, оккупированных нацистской Германией».

Преступный характер операции в Малых Батах

Суммируя вышесказанное, можно заключить:

В 1944 г. международное право запрещало определенные методы ведения войны, но не содержало норм, предусматривавших индивидуальную уголовную ответственность за военные преступления.

В отсутствие таких норм привлечение Кононова к ответственности означает придание уголовному закону обратной силы.

При этом на деле убитые латыши являлись законной военной целью; показательно, что убиты были именно те лица, которые подозревались в предательстве отряда Чугунова, в то время как все остальные жители деревни (включая детей убитых) и их постройки остались невредимыми.

По этой причине операция в Малых Батах не только не была преступной, но вовсе не нарушала действовавшее международное право (в отношении возможных правонарушений эксцессов, таких как сожжение заживо беременной женщины, сами латвийские суды прекратили уголовное преследование и сняли обвинения в отношении Кононова за отсутствием доказательств).

Осознание В.М. Кононовым преступности своих деяний

Большая палата значительное внимание уделяет тому, что В.М. Кононов как «профессиональный партизан» должен был знать о правовом регулировании партизанской деятельности, осознавать риски предстоящей операции и, в конечном счете, понимать, что она была преступной и могла повлечь уголовную ответственность.

Эта аргументация представляется несостоятельной не только потому, что операция в Малых Батах не являлась преступной, но и по ряду других причин.

Так, едва ли корректно приравнять боевую деятельность партизан к профессиональной деятельности, требующей знаний о ее правовом регулировании. Общеизвестно, что партизаны (как и подавляющее большинство прочих военнослужащих в ходе войны) проходили лишь незначительную специальную подготовку, а в гражданской жизни владели иными профессиями. Война была для них вынужденным временным занятием. Наконец, следует принимать во внимание и возраст В.М. Кононова в 1944 г. — 19 лет. Применение к нему правил об осознании профессиональных рисков — по меньшей мере, натяжка.

Кроме того, как установлено судами, отряд Кононова действовал во исполнение приказа (основанного, как им было сказано, на решении партизанского военного трибунала), и целью его было приведение в исполнение решения в отношении конкретно определенных жителей Малых Бат.

Ни ЕСПЧ, ни латвийские суды не приводят оснований, по которым Кононов должен был бы сомневаться в справедливости и законности этого приказа.

Наконец, пожалуй, наиболее очевидным свидетельством отсутствия возможности для Кононова предвидеть уголовные последствия операции является сама история данного судебного разбирательства.

Дело Кононова рассматривалось латвийскими судами в шести различных инстанциях и Европейским Судом в двух инстанциях.

По сути, на каждом этапе квалификация действий Кононова менялась.

Разбирательство вызвало нешуточные споры в общественности, в том числе среди юристов-международников. Иными словами, если даже сегодня, когда международное гуманитарное право сделало значительные шаги вперед, среди специалистов нет единства мнений относительно законности операции в Малых Батах, как можно требовать четкого осознания преступности этой операции от 19-летнего партизана, не знакомого с правовыми нюансами и тем более не способного предвидеть политические и правовые изменения, которые произойдут в течение последовавших 50 лет?

Неприменение сроков давности

Большая палата ЕСПЧ обосновывает неприменение к операции в Малых Батах сроков давности привлечения к уголовной ответственности тем, что в 1944 г. в международном праве таких сроков давности не существовало.

Этот аргумент поистине удивителен. В условиях, когда само наличие понятия военных преступлений, подлежащих индивидуальной уголовной ответственности, на тот момент, по меньшей мере, спорно, предполагать наличие четких норм о сроках давности попросту абсурдно.

Между тем, уже тогда в национальных правовых системах применение сроков давности к преступлениям стало общепризнанной практикой.

Большая Палата исходит из того, что сроки давности – исключение из правила.

Представляется, что на деле ситуация обратная: сроки давности – правило, а их неприменение – исключение. Это исключение было, в частности, сделано в отношении военных преступлений и преступлений против человечности в соответствующей Конвенции 1968 г. Придавать этой Конвенции обратную силу – значит противоречить основополагающим принципам современного уголовного правосудия.

Правовой статус Латвии в 1944 г.

В 1944 г. Латвия являлась частью СССР. В ней действовали законы СССР.

К чести Суда, он не оспаривает принадлежность территории Латвии в 1944 г. к Советскому Союзу и не высказывается относительно правомерности ее вхождения в СССР в 1940 г.

Из этого, однако, вытекает важный вывод, которого Суд не делает.

Если Малые Баты находились на территории СССР, то и жители деревни должны рассматриваться как граждане СССР. Соответственно, в инциденте с отрядом Кононова советские граждане пострадали от советских же партизан на советской территории.

Между тем, международное гуманитарное право, говоря о гражданском населении, регулирует (и уж тем более в тот период регулировало) только взаимоотношения между войсками одной стороны и гражданским населением другой стороны.

Отношения между военнослужащими и гражданскими лицами одной и той же стороны конфликта из этой схемы выпадают.

Поэтому, если считать убитых жителей гражданскими лицами, военные преступления со стороны Кононова в их отношении невозможны в принципе. Остается версия с их статусом комбатантов (очевидно, немецких). В этом же случае, как показано выше, операция Кононова также преступной не была.

Методологические изъяны в аргументации Суда

Следует отметить и еще одно обстоятельство: на протяжении всего текста решения Большая Палата постоянно меняет стандарты доказывания, из нескольких возможных вариантов регулярно выбирает тот, который более удобен в данном конкретном контексте, искажает содержание международных документов и доктринальных источников.

Так, анализируя международные документы, которые якобы свидетельствуют о наличии в международном праве на 1944 г. устоявшегося понимания военных преступлений и индивидуальной уголовной ответственности за них, Суд смешивает воедино конвенции и рекомендательные документы, вступившие и не вступившие в силу договоры, упоминает о проектах, не получивших развития, и т.д.

Обосновывая применимость к Кононову Устава Нюрнбергского трибунала, Суд приводит примеры из судебной практики, которые сплошь касаются привлечения к

ответственности государством либо собственных военнослужащих, либо нацистов. Объяснения, почему это дает право Латвии привлекать к ответственности советского партизана Кононова, Суд не предоставляет.

Суд весьма вольно трактует произведения авторитетных юристов-международников.

Так, например, среди обоснований наличия в МГП возможности индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления Большая Палата приводит мнения Л.Оппенгейма и Х.Лаутерпахта. На проверку же оказывается, что в своей книге эти классики международного права прямо указывали: военные преступления являются источником ответственности государств и их органов (но не отдельных лиц).

Другой пример: Большая Палата, говоря о связи операции Кононова с вооруженным конфликтом (в обоснование применимости к ней МГП), ссылается на одно из произведений другого классического автора – М.Ляхса. На деле же, говоря о необходимости такой связи, Ляхс прямо указывал, что военное преступление должно совершаться против комбатантов или граждан государства-противника. Суд же полностью обходит этот второй вопрос. Данный список примеров можно продолжать.

Следует упомянуть и о том, что Большая Палата упоминает как об установленных фактах о некоторых эпизодах, исключенных из окончательного приговора Кононову Верховным судом Латвии.

По сути, латвийское правосудие не смогло доказать личного участия Кононова в каком-либо эпизоде и признало его виновным как командира операции, которая была преступной сама по себе. Это означает, что вменять Кононову возможные элементы превышения полномочий отдельными членами его отряда нельзя. Большая Палата, напротив, фактически исходит из того, что Кононов несет ответственность за каждый эпизод операции.

В целом же – и это главное – Большая палата в своей аргументации постоянно трактует спорные элементы не в пользу Кононова. И это в ситуации, когда все выводы Суда основаны не на четком прочтении тех или иных текстов, а на их анализе в сложной взаимосвязи и заключениях по принципу «таким образом, можно сделать вывод...».

Фактически Суд сам признает, что находится в такой правовой сфере, где четкие нормы отсутствуют. В таком положении было бы естественно опереться на принцип уголовного права, согласно которому любые сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Суд же поступил прямо противоположным образом.

«ГЛАВНАЯ ТЕМА»
СИТУАЦИЯ В ЛИВИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

***Мезяев А.Б.**, *Агрессия против Ливии: некоторые международно-правовые вопросы*

* **Mezyaev A.**, *The Situation in Libya and International Law*

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЛИВИИ:
некоторые международно-правовые вопросы

А.Мезяев

Агрессия против Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, начавшаяся в марте 2011 года, поставила ряд важнейших вопросов самого существа современного международного правопорядка. Ряд особенностей этой агрессии позволяет рассматривать происходящее как центральное событие современных международных отношений, что определит их дальнейшее развитие на десятилетия вперед. Именно поэтому к данным событиям следует отнестись с особым вниманием. Если сконцентрироваться только на международно-правовых вопросах, то ситуация в Ливии ставит перед нами следующие важнейших проблемы: во-первых, это правовые основания принятия резолюций 1970 и 1973; во-вторых, правовые последствия этих резолюций; в-третьих, правовые основания и последствия передачи ситуации в Ливии в МУС. Рассмотрим данные проблемы подробнее.

1. Правовые основания для принятия Резолюций СБ ООН 1970 и 1973

Обычно мы говорим только о международно-правовых последствиях резолюций СБ. Однако важно обращать внимание и на правовые основания принятия самих этих резолюций. Случаи, когда СБ ООН выходит за пределы своих полномочий, становятся все более частыми. Это резолюции по созданию Международных трибуналов ad hoc по бывшей Югославии и по Руанде и Специальный суд по Ливану. Грубо превысил свои полномочия СБ ООН и при принятии резолюций 1970 и 1973.

Первое. Каково *фактическое* обоснование для принятия резолюции 1970? Для того чтобы действовать на основании главы VII Устава ООН, Совет Безопасности должен установить фактические обстоятельства ситуации. Однако ливийская ситуация коренным образом отличается от всего, что мы видели ранее. Так, еще 22 и 25 февраля (за день до принятия резолюции 1970) состоялось два заседания СБ ООН под малоизвестным названием «Мир и безопасность в Африке». На первом заместитель генсека ООН по политическим вопросам Л.Пэскоу (США) сообщил членам Совета о «насилии и неизбирательном применении силы» (заседание было закрытым, и официальное сообщение не содержало никакой конкретной информации; о том, что говорил Пэскоу стало известно только со слов Генсека Бан Ги Муна неделей позднее). На втором заседании представитель Ливии Шалькам заявил: «15 февраля группа мирных жителей вышла на улицу с призывом освободить юриста по фамилии Тарбел... По этой группе демонстрантов был открыт огонь в голову и грудь, как будто солдаты, которые вели

огонь, не знали, что это живые люди...»¹. Он также заявил: «Сегодня я слышу слова Каддафи: «Я буду либо править вами, либо уничтожать вас»². «Мы обращаемся к ООН с призывом спасти Ливию», – завершил свое выступление Шалькам. На этом же заседании Генсек ООН заявил о «более тысячи убитых»³. Однако в отличие от всех предыдущих ситуаций мировому сообществу не было представлено никаких доказательств. Более того, когда такие «доказательства» попытались представить в СМИ, это не могло не вызвать самых серьезных подозрений в их постановочном характере, а, говоря точнее, их фальсификации.

Сообщение МИД РФ от 25 марта – то есть накануне принятия резолюции 1970 – гласит, что «оценочные данные о количестве погибших в столкновениях между оппозицией и лояльным властям силами варьируются от 1 до 2 тыс. человек»⁴. Однако возникает вопрос: как в ситуации с «оценочными» данными Совет мог принимать столь радикальные решения в пользу только одной из сторон? Разница между одной и двумя тысячами погибших такая же, как между 1 тысячей и нулем. Сообщение МИД допускает такую разницу. Кроме того, сообщение не сообщает нам, а кто же, собственно, погиб? Это «оппозиция» или «лояльные власти силы»? Если это лояльные власти граждане страны, то почему СБ ООН встал не на их защиту?

Вызывают вопросы и источники информации, в том числе источники, которые использовал МИД РФ. Так, в сообщении от 22 февраля МИД утверждает, что «по свидетельству очевидцев» шествия [то есть не нападения вооружённых банд, совершающих бесчинства, а милые шествия] были подвергнуты обстрелу с воздуха⁵. Вопрос: почему МИД полагается на неких «очевидцев», а не на Посольство в Триполи? Вообще во всех сообщениях по Ливии (намного более многочисленных, чем по всем другим странам, где проходили аналогичные события) МИД упоминает Посольство России только по поводу эвакуации граждан РФ, но не как источник информации! Случайность?

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что ни международная общественность, ни Российская Федерация не обладали фактическими доказательствами, необходимыми для принятия тех мер, которые были предписаны резолюцией 1970. Напротив, искусственный характер тех смехотворных «доказательств», сфабрикованность которых более чем очевидна, заставляет предполагать, что самих фактов, о которых идёт речь, не было. Эта версия объясняет отсутствие ссылок МИДа на российское посольство.

Не случайно были приняты решения о создании международных комиссий по установлению фактов. Так, Комиссия по установлению фактов, созданная решением Генсека ООН, не смогла приступить к работе, так как в день ее прибытия начались бомбардировки НАТО территории Ливии. Возникает вопрос: для чего создавалась эта комиссия? Нужно ли установление фактов ООН и ее членам? Имеется ряд вопросов и по составу Комиссии. Так, явным нарушением принципа беспристрастности является назначение в состав этой комиссии бывшего председателя Международного уголовного суда Ф.Кирша, являющегося гражданином Канады – государства – члена НАТО. Как может быть Кирш объективно признан беспристрастным на фоне агрессии НАТО против Ливии?

¹ См.: Документ ООН: S/PV.6490. – С. 5.

² Там же.

³ Там же. – С. 2.

⁴ См.: Сообщение МИД РФ № 222 от 25 марта 2011 г. // Официальный сайт МИД России.

⁵ Сообщение МИД РФ для СМИ «О развитии ситуации в Ливии» № 205 от 22.02.2011 г. // Официальный сайт МИД России.

Принятие резолюций 1970 и 1973, а также передача ситуации в Ливии в МУС в отсутствие установленных фактов и признаки явного нежелания установления реального положения дел (в частности, массированная фальсификация видеоряда со стороны крупнейших поставщиков видеoinформации) являются основаниями для сомнений в законности принятых резолюций и их содержания. Однако сам отказ от установления фактов имеет принципиальное значение для решения всех иных вопросов.

Второе. Насколько обоснована квалификация ситуации в Ливии как «вооруженного конфликта»? Напрямую с первым вопросом связан вопрос второй: является ли ситуация в Ливии «вооруженным конфликтом»? Резолюция 1970 установила, что власти страны «должны соблюдать нормы международного гуманитарного права». Такое утверждение означает, что Совет Безопасности априори рассматривает ситуацию в Ливии как «вооруженный конфликт». Но есть ли к этому основания? Их представлено не было.

Напротив, имеются серьезные основания полагать, что юридически состояния «вооруженного конфликта» в Ливии нет. По крайней мере, налицо попытки всячески фальсифицировать основные признаки вооруженного конфликта согласно нормам международного гуманитарного права. Объективный анализ имеющихся в нашем распоряжении фактов дает основания говорить лишь о том, что происходящее в Ливии – это вооруженный мятеж, то есть уголовное преступление, которое должно быть пресечено властями страны. А с марта 2011 года – международный вооруженный конфликт. Тот факт, что так называемая «ливийская оппозиция» получает оружие от внешнего агрессора, не делает ее стороной внутреннего вооруженного конфликта, но лишь частью внешнего агрессора. Более того, усиленно замалчиваемая информация говорит о том, что эта «оппозиция» в абсолютном своем большинстве состоит из иностранцев, а не ливийцев. То есть вновь мы сталкиваемся с манипуляцией, прежде всего, фактами.

При этом, конечно, понятно, что только квалификация ситуации со стороны Совбеза в качестве «вооруженного конфликта» дала бы основания для установления международно-правового «контроля» над ситуацией в Ливии. Особую озабоченность вызывает в этой связи позиция России, проголосовавшей за резолюцию 1970, ведь это может иметь прямые правовые последствия в отношении наших собственных «ситуаций» на Северном Кавказе. Теперь мы фактически признали, что государство не имеет права на проведение контртеррористических операций в рамках своего национального законодательства, а должно «исполнять нормы международного гуманитарного права» в рамках «вооруженного конфликта».

В отсутствие точной фактической информации СБ ООН, тем не менее, делает заключения о наличии в Ливии «широкомасштабных» и «систематических» нападений на гражданское население «как преступления против человечности» (абзац 6 преамбулы резолюции 1970). Однако это заключение, которое должен сделать Суд, а не СБ ООН. В данной ситуации возникает вопрос: должен ли МУС рассматривать такую формулировку как обязательную или может отклонить ее?

Третье. Каковы правовые основания для введения СБ ООН мер, не предусмотренных в Уставе ООН? Резолюция 1973 объявила над Ливией так называемую «бесполетную зону». Каковы правовые основания для такой меры? Где в Уставе ООН допускается «закрытие воздушного пространства» государства-члена? Мы уже неоднократно (в контексте создания международных уголовных трибуналов ad hoc по бывшей Югославии, Руанде и Ливану) отмечали лукавство резолюций СБ ООН, «действующих на основании главы VII Устава». Принудительные меры, тем более такой важности, не могут применяться на основании главы. Они могут применяться на основании конкретной статьи и даже пункта статьи. Но мы этого не видим не только в случае с трибуналами, но и в случае с «закрытыми зонами». Почему? Случайно

ли это? На наш взгляд, нет, не случайно. Просто Совету Безопасности сослаться-то не на что. Нет таких статей. Это собственное изобретение Совета. И оно никак не урегулировано международным правом. А значит, эта мера прямо нарушает принцип суверенитета государства – члена ООН, так как воздушное пространство является частью суверенной территории государства. Таким образом, пункт резолюция СБ 1973 нарушает статью 2 Устава ООН (принцип суверенного равенства государств-членов; запрещение применения силы против территориальной неприкосновенности и политической независимости государств) и нормы международных договоров в области международного воздушного права. Параграф 6 Резолюции 1973 устанавливает запрет на воздушные полеты над территорией Ливии. А параграф 7 разрешает всем государствам «принимать все необходимые меры» для обеспечения этого запрета. То есть СБ ООН разрешает всем сбивать ливийские самолеты над ее собственной территорией. Не менее диким выглядит и параграф 17, который запрещает государствам – членам ООН разрешать ливийским самолетам приземляться на своей территории! И как это требование согласуется с целым рядом международных договоров в области международной авиации? Теперь государства в нарушение этих договоров будут *обязаны* отказать в посадке самолету из Ливии, независимо, например, от того, есть ли у него достаточно топлива улететь обратно или нет! То есть опять-таки речь идет об уничтожении самолета!

Четвертое. Каковы основания для установления обязанности государства по одностороннему прекращению огня? Резолюция 1970 установила «обязанность прекращения огня»¹. Однако при этом не было указано, *кто должен прекратить огонь*. Обычно, такое требование обращается «ко всем сторонам» конфликта. Однако в резолюции 1973 такого уточнения нет. В данной ситуации это означает обращение *лишь к властям страны!* Как же можно расценить требование к правительству прекратить огонь в ситуации вооруженного мятежа? Имеет ли право СБ ООН столь явно выступить на стороне мятежников в одном из государств-членов?

2. Правовые последствия Резолюций 1970 и 1973

Меры для защиты гражданского населения. Особо большие вопросы вызывает пункт резолюции, предоставляющий право предпринять «все необходимые меры» для защиты гражданского населения. Кому же было предоставлено такое право? Может быть, миротворческой миссии ООН? Или иной международной миссии, скажем, Верховному комиссару ООН по делам беженцев? Ничуть не бывало! Это право было предоставлено «любимым желающим государствам-членам»! Правда, в резолюции оговаривается запрет на «военную оккупацию» территории Ливии, но такая формулировка не исключает применения вооруженной силы, включая, например, бомбардировки с воздуха. Значит, резолюция 1973 формально «уполномочила» любое государство – член ООН использовать и это средство, если оно будет сочтено ими необходимым.

Следующей проблемой является защита граждан Ливии, лояльных власти. Обе резолюции СБ ООН поразительным образом не учитывают права населения, лояльного правительству страны. Сама лексика резолюций показывает, что СБ ООН вообще не считает эту часть населения «народом» Ливии. Так, например, параграф 2 резолюции 1973 утверждает, что власти страны должны «удовлетворить законные требования народа». О праве населения страны на безопасность и защиту от вооруженного мятежа СБ ООН почему то даже не вспомнил. Итак, в главном органе ООН, несущем основную ответственность за поддержание мира и безопасности (ст. 24 Устава ООН), не нашлось ни одного члена, который бы защитил права этой – и большей! – части на-

¹ См.: Резолюция СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 года // Документ ООН: SC/10200.

селения Ливии! Возникает вопрос: как резолюции СБ ООН защищают права граждан, лояльных власти? Ответ: никак, так как лишают власть страны права на их защиту. А значит, эти резолюции прямым образом предусматривают нарушение прав большинства гражданского населения, которое, якобы, этими резолюциями должно защищаться.

3. Основания для передачи СБ ООН ситуации в Ливии в МУС

На сегодняшний день СБ ООН передал в МУС две ситуации: ситуацию в Судане (2005 год, Дарфор) и ситуацию в Ливии. Однако правовые основания такой передачи вызывают ряд серьезных вопросов в их законности.

Так, нигде в Уставе ООН права СБ ООН передавать дела в Международный уголовный суд (МУС) не закреплено. Такое право предоставлено Совету в другом международном договоре – Статуте самого Международного уголовного суда. Однако данный аргумент не имеет значения для государств, *не* являющихся участниками этого договора. На самом деле ситуация даже больше, чем нарушение, она просто абсурдна! Посмотрите, что получается: государства (США, Россия, Китай), не являющиеся участниками международного договора (Статута МУС), передали ситуацию в Международный суд в отношении государства, не являющегося участником этого же договора (Ливия)! Это полное разрушение международного права.

Кроме того, возникает вопрос о пробелах в правовых основаниях деятельности самого СБ: где эти основания определяются для самого СБ? Каковы их критерии? Какова фактическая сторона дела? Какие факты были рассмотрены Советом? Почему они не представлены нам? Или это телерепортажи ВВС?

Таким образом, действуя на основании не Устава ООН, а международного договора, участниками которого не являются ни некоторые члены Совета, ни само государство, чью ситуацию передали в МУС, Совет Безопасности ООН превысил свои полномочия. Исполнению подлежат только такие резолюции, которые приняты в рамках полномочий Совета согласно Уставу ООН. Соответственно, государства – члены ООН не должны соблюдать данное положение этой резолюции.

Соответственно это касается и вопроса об обязанности «всех» государств сотрудничать с МУС по ситуации в Ливии, особенно государств, не являющихся участниками МУС или являющихся участниками МУС, но имеющими свою позицию в отношении дел против государств – не участников.

Нельзя не обратить внимания на то, что ситуация в Ливии уже в самом Суде была передана в досудебную палату № 1, которую возглавляет судья Тарфуссер из Италии. Если учесть, что Италия не только бывший колонизатор Ливии, но ещё и главный участник НАТОвской агрессии против Ливии, то выбор президента МУС выглядит не просто нарушением принципа беспристрастности, а демонстративным таким нарушением.

Кроме того, ситуация в Ливии ставит ряд иных международно-правовых вопросов. Среди них: участие Ливии в заседаниях СБ ООН; вопросы признания; легитимность международных форумов по решению ливийского кризиса; действие резолюций СБ ООН 1970 и 1973 в правовой системе России.

***Участие Ливии в заседании СБ ООН.** Кто представлял Ливию на заседаниях СБ ООН 22, 25 и 26 февраля? Ясно, что и Шалькам, и Даббаши после того, как они выступили против правительства страны, не могут рассматриваться в качестве представителей этого правительства. Организация Объединенных Наций не принимала никаких решений.

Как известно, 4 марта власти Ливии назначили нового представителя страны при ООН, которым стал бывший министр иностранных дел (бывший в 2010 году председателем Генеральной Ассамблеи ООН) Али Абдуссалама Треки. Однако власти США отказались выдать ему визу для въезда на территорию страны, где расположена штаб-квартира ООН. 31 марта власти Ливии и Никарагуа объявили о назначении на должность постоянного представителя Ливии в ООН бывшего министра иностранных дел Никарагуа Мигеля д'Эското. Однако власти США вновь стали чинить препятствия, заявив, что обладатель туристической визы не может представлять ни чьих интересов. Два предателя – А.Шалькам и Даббаши – продолжают возглавлять миссию Ливии при ООН¹. Это означает, что, начиная с момента принятия ключевых решений, правительство Ливии лишено права голоса в ООН.

Кроме того, возникает вопрос: означает ли, что передача ситуации в Ливии в МУС по требованию тогда еще Постпреда Ливии при ООН А.Шалькама была совершена «по просьбе правительства Ливии»? Очевидно, что нет. Тогда каковы статус таких просьб и их правовые последствия?

6527-е и 6528-е заседания СБ ООН (3 и 4 мая 2011 г.) вообще проходили без участия представителей Ливии: официальный представитель до сих пор не допущен в ООН, а предатели, продолжающие занимать место Ливии, не присутствовали по собственному желанию. В любом случае, отсутствие права голоса на заседаниях СБ ООН у стран-не членов, означает лишь невозможность голосовать, а не невозможность выступить². И что, разве у Ливии нечего сказать в связи с той ложью, которая была в очередной раз вылита во время заседаний 3 и 4 мая? Ложь, конечно, была вылита не на присутствующих членов СБ – они-то как раз знают реальное положение дел – на мировую общественность. Ведь после данных публичных заседаний члены СБ удалились на «неформальные консультации».

***Признание представителей вооруженных мятежников в качестве «единственного легитимного органа власти» в Ливии.** 9 марта 2011 года Франция официально признала т.н. «Повстанческий Совет Ливии» в качестве «единственного легитимного органа власти» в стране. По существу произошло de facto признание этого Совета и со стороны Европарламента, пригласившего его главу М.Джалиля на заседание 9 марта. В этой связи возник интересный вопрос, связанный с представлением интересов Франции в Ливии. Как известно, Российская Федерация «взялась» представлять интересы Франции в Ливийской Джамахирии после эвакуации посольства Франции³.

***Легитимность международных органов по «урегулированию» ситуации в Ливии.** Кроме ООН и МУС ситуацией в Ливии занялись и другие международные органы. Так, 29 марта в Лондоне прошла «международная конференция» по Ливии. Возникает вопрос: каков ее статус? Участниками конференции являлись 35 стран. Арабский мир представляли только 7 стран. Приняли участие генеральные секретари ООН, НАТО и Организации Исламская конференция. Однако не нельзя не обратить внимания на то, что не были приглашены Россия и Африканский Союз. Каковы полномочия по «разрешению» ситуации в Ливии у НАТО? Где представители действительно заинтересованных стран? Где представители правительства Ливии? Какова легитимность и самой такой конференции по взятому на себя вопросу и созданной ей «Контактной

¹ Газета «Tripoli Post» сообщает о высылке лояльных власти ливийских дипломатов из посольства в Лондоне. См.: <http://www.tripolipost.com/articledetail.asp?c=1&i=5729>.

² См.: Документы ООН: S/PV.6527 и S/PV.6528.

³ См.: Сообщение МИД РФ № 311 от 11 марта 2011 г. // Официальный сайт МИД России.

группы»?¹. Легитимность же деятельности этой группы хорошо характеризуется заявлениями, на ней звучащими. Так, Генсек ООН, чье присутствие на втором саммите Группы 5 мая 2001 г., видимо, должно было придать видимость большей легитимности этому собранию, заявил, что «действия международного сообщества позволили сохранить тысячи жизней и предотвратить гуманитарную катастрофу». И говорится это в самый разгар агрессии против Ливии, где гибнет именно гражданское население. И Генсек НАТО не просто не замечает этого, а называет такое преступление «спасением». Подобные действия являются делегитимизирующими не только самого Генсека, но и данное собрание. Кстати, встреча Контактной группы проходила в Дохе – столице Катара, где расположена штаб-квартира главного пропагандистского оружия войны против Ливии – телеканала «Аль-Джазира». Именно этот телеканал начал первым распространять лживую информацию о якобы уничтожении гражданского населения властями Ливии. Это, конечно, тоже не случайность.

На чем основаны полномочия т.н. Парижского саммита, созванного Президентом Франции 19 марта, где, по словам Генсека ООН, «от имени международного сообщества» был сделан призыв «о прекращении огня ... с целью пресечения жестокой кампании насилия, проводимой ливийским режимом против собственного народа». При этом, конечно, «призыв» был сделан только в отношении властей Ливии, но не мятежников, чья жестокая кампания насилия, конечно, никого на этом саммите не взволновала.

***Выполнение положений резолюций СБ ООН в правовой системе России.** 9 марта 2011 года Президент России подписал Указ о мерах по выполнению резолюции СБ ООН № 1970 от 26 февраля². Столь стремительная внутригосударственная имплементация резолюций СБ в правовой системе РФ происходит, кажется, впервые. В других случаях на такую имплементацию уходило примерно около 4-6-ти месяцев. Обращает на себя внимание то, что, во-первых, данный Указ установил определенные запреты с 26 февраля (то есть за две недели до его подписания). Однако в самом Указе не названо время его вступления в силу. Указы президента должны быть официально опубликованы в течение 10 дней и вступают в силу по истечении 7 дней после дня их первого официального опубликования³. Российская газета текст указа не публиковала. А «Собрание законодательства РФ» опубликовало его только 14 марта (№ 11, ст. 1515). Таким образом, теоретически санкции СБ вступили в силу 26 февраля, но в правовой системе РФ только с 21 марта. Весьма странным образом в том же самом выпуске «Собрания законодательства РФ» опубликовано Соглашение между Ливией и Россией о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Возникает вопрос: как быть с нашими обязательствами по этому договору (который, кстати, вступил в силу 15 октября 2010 г.) и по Указу Президента РФ? Вот, например, статья 4 Соглашения устанавливает обязательства по компенсации в случае экспроприации или национализации, или (внимание!) по иным мерам, равносильным им по последствиям. А ведь резолюция СБ, имплементированная Указом президента, предусматривает финансовые санкции. Какой акт будет иметь преимущественную силу? Могу сказать, что с точки зрения международного права – Указ президента, так как он формально имплементирует резолюцию СБ ООН. Однако Устав ООН предусматривает приоритет только таких своих норм, которые устанавливают обязательства именно по Уставу. Где в Уставе ООН

¹ См. подробнее: <http://www.tripolipost.com/articledetail.asp?c=1&i=5723>

² См.: Официальный сайт Президента РФ.

³ Указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов президента Российской Федерации, правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

предписаны обязательства по «бесполетным зонам»? Простой ссылки на то, что «это резолюция СБ» здесь недостаточно!

Или возьмем статью 5 Соглашения, которая гласит, что инвесторам одной из договаривающихся сторон, капиталовложениям которых причиняется вред или наносится ущерб вследствие войны, вооруженного конфликта, мятежа, революции, бунта, гражданских беспорядков, ... предоставляются компенсации. И так, российским инвесторам теперь положены компенсации? И ничего, что война была санкционирована Россией? Иными словами, вопросов здесь много. И некоторые из них весьма трудно разрешимы.

Что касается резолюции 1973, то Россия за нее не голосовала и не связана ее положениями по двум причинам. Первая: положения резолюции не имплементированы в правовую систему РФ. Вторая: Россия как и любая другая страна свободна от выполнения положений резолюций СБ ООН, принятых вне рамок полномочий Совбеза.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее точной квалификацией происходящего в Ливии и вокруг нее является «агрессия», а также «международная спецоперация по захвату государства, его природных и финансовых ресурсов». Следует особо подчеркнуть, что Резолюции СБ ООН № 1970 и № 1973 приняты с грубыми нарушениями международного права. Это дает правовые основания для всех государств, которые действительно готовы защитить мирное население Ливии, для отказа выполнять противоправные требования этого документа. Надеемся, что российское международно-правовое сообщество примет участие в дискуссии по данному вопросу.

AGGRESSION AGAINST LIBYA:

Some international legal issues

Alexander Mezyaev¹

Aggression against the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya, which began in March 2011, have raised a number of important questions of the very essence of modern international law.

If to focus only on international legal issues, the situation in Libya, confronts us with the following major problems: *firstly*, it is legal grounds for the adoption of the Security Council Resolutions 1970 and 1973; *secondly*, the legal effect of these resolutions, and *thirdly*, the legal basis and consequences of the referral of a situation in Libya to the International Criminal Court (ICC). Lets analyses these issues in more detail.

1) The legal grounds for a UNSC resolution 1970 and 1973.

Usually in the legal literature authors only talk about the international legal implications of the UN SC Resolutions. However, it is important to pay attention to the legal grounds for the adoption of the resolutions themselves. Occasions when the UN Security Council goes far beyond its powers are becoming more frequent. This resolution on the creation of an international criminal tribunals ad hoc (for the Former Yugoslavia and for Rwanda and the Special Court for Lebanon). The UN Security Council grossly exceeded its authority by the adoption of resolutions 1970 and 1973.

First. What is the actual justification for the adoption of resolution 1970? In order to act under Chapter VII of the UN Charter, the Security Council should establish the facts of the situation. However, Libya's situation is fundamentally different from anything we've seen before. On 22th and 25th of February (the day before the adoption of the resolution 1970) UN Security Council hold two meetings on the under the subtle item "Peace and Security in Africa". At the first UN Deputy Secretary General for Political Affairs L. Pascoe (USA) informed the Council about the "violence and indiscriminate use of force" (the meeting was closed and the official announcement did not contain any specific information; what Pascoe said was known only from the words of Secretary General Ban Ki-moon a week later.) At the

¹ Dr. **Alexander Mezyaev** - Head of the Department of International Law, Law Faculty, University of Management, Kazan, Russia. Managing Editor of Kazan Journal of International Law. alexmezyaev@gmail.com. In 2003-2006 the executive Secretary of the Group of the Russian Association of International Law for the Monitoring of the trial of President Slobodan Milosevic at the International Tribunal for the Former Yugoslavia. Member of the Defence team of President S. Milosevic during his trial at ICTY. Member of Russian Association of African Studies. Member of Russian Association of Foreign Policy. Member of the Russian Association of Political Research. Member of the Russian Association of International Law. Member of the World Association of International Law. Author of 5 books and more than scientific 100 articles, mostly on the topic of the international courts and international criminal law and procedure. Permanent Author of the web-site of the Fund of the Strategic Culture. Examples of the articles on the Libya situation: On English page of the site:

<http://www.strategic-culture.org/news/2011/03/19/un-security-council-on-libya-killing-the-international-law.html>

<http://www.strategic-culture.org/news/2011/05/03/assassinations-of-country-leaders-and-the-international-law-precedent-to-be-set-in-libya.html>

<http://www.strategic-culture.org/news/2011/01/10/un-general-assembly-65-th-session-below-expectations.html>

More on Libya situation on Russian page of the same site:

<http://www.fondsk.ru/news/2011/02/27/araby-ili-ubijstva-po-alfavitu.html>

<http://www.fondsk.ru/news/2010/12/09/mezhdunarodnaja-justicija-kak-orudie-vojny.html>

second meeting, the so-called representative of Libya Abdurrahman Mohamed Shalgham said: “February 15 a group of civilians took to the streets to release a lawyer by the name of Tarbel ... For this group of demonstrators had opened fire in the head and chest, as if the soldiers who fired were not aware that this is real people “ He also said: “Today I hear the words Gaddafi:”either I rule you or I kill you.” “We ask the UN to save Libya”- concluded his speech Shalgham.

All these information was not supported by any proof. It was just words. Moreover the words of a person who does not really represent Libya in UN. At the same meeting, UN Secretary-General said “more than a thousand dead.” And again no proofs or even details. Who are these dead? Peaceful demonstrators killed by government or civil population killed by rebels and bandits? Thus, the international community does not have actual evidence needed to take those measures that have been prescribed by resolution 1970.

And what happened to the newly created International Fact-finding Commission? This Commission created by the decision of UN Secretary-General was unable to get to work, since the day of her arrival, began the NATO bombing of Libyan territory. The question arises: why this commission was created? The main reason was the necessity to establish the facts. But some UN member-states prevent Commission even to enter the country by starting of bombing it. ... There are questions concerning the composition of the Commission. Thus, the appointment of the former President of the International Criminal Court F. Kirsch, a Canadian- NATO state citizen – is clear and demonstrative violation of the principle of impartiality. What a reasonable observer may believe in impartiality of a citizen of the state during the NATO aggression against Libya?

Adoption of the Resolutions 1970 and 1973, and the referring the situation in Libya to the ICC in the absence of established facts, as well as signs of apparent unwillingness to establish the real situation (in particular the massive falsification video sequence from the largest suppliers of video), are grounds for doubt about the legality of the resolutions adopted and their content. However, the rejection of fact-finding is crucial to solving all other issues.

Second. How well the qualification of the situation in Libya as an “armed conflict” is justified? Resolution 1970 established that the authorities “should abide by international humanitarian law.” This statement means that the Security Council is considering a priori the situation in Libya as “armed conflict”. But is there any reason for this? If any they have not been presented. On the contrary, there are substantial grounds for rejecting this qualification.

In the same time we witness the attempts to falsify by every possible ways the basic attributes of an armed conflict under international humanitarian law, like the degree of protraction of the conflict or its intensity etc. An objective analysis of the available facts at our disposal give us a good reasons to qualify the situation in Libya as an armed rebellion, that is a crime that must be stopped by the local authorities and according the internal – not international law. Of course from March 2011 the conflict becomes an international one. But there is one important point - that fact that the so-called «Libyan opposition» gets weapons from external aggressors, does not make it a party to the internal armed conflict, but only part of a foreign aggressor. Moreover, the strongly silenced information suggests that the «opposition» in an absolute majority consists of foreigners, and not the Libyans. That is, once again we are faced with manipulation.

Of course, it is clear that the qualifications of the situation by the Security Council as an «armed conflict», aimed to provide the basis for the establishment of an international «control» over the situation in Libya. Of particular concern in this regard, the position of Russia voted for resolution 1970 - in fact it may have direct legal effect in respect of our

own «situations» in the North Caucasus. Now we are in fact recognized that the state has no right to conduct counterterrorism operations in their national legislation, but must «fulfill the norms of international humanitarian law» in the «armed conflict».

In the absence of accurate factual information the UN Security Council, however, makes conclusions on the presence in Libya, «widespread» and «systematic» attacks on civilians, «as a crime against humanity» (preamble paragraph 6 of the Resolution 1970). However, this conclusion, which should be made by the Court, not by the UN Security Council. In this situation, the question arises: should the ICC to examine the wording as a given fact or may consider it itself and for example reject it?

Third. What are the legal grounds for the imposition of UN Security Council measures, not envisaged in the UN Charter? Resolution 1973 declared over Libya's the so-called «no-fly zone». What are the legal grounds for such an action? Where the UN Charter is allowed the «closure of air space» of a Member State? We've repeatedly (in the context of the creation of international criminal *ad hoc* tribunals for the former Yugoslavia, Rwanda and Lebanon) have criticized the UN Security Council resolutions, that «acting under Chapter VII of the Charter.» Coercive measures, especially of this magnitude can not be applied on the basis of the chapter. They can be applied on the basis of specific articles, and even paragraph of the article. But we do not see such a precise reference to the article not only in the case of tribunals, but also in a case of the «no fly zones». Why? Is this accidental? In our view, there is not a coincidence. Security Council simply can't refer to something precise. There are simply no such articles SC could rely on. Thus, this measure clearly violates the principle of sovereignty of UN member states, since the airspace is part of the sovereign territory of the state. Thus the provision of the SC Resolution 1973 violates Article 2 of the UN Charter (the principle of sovereign equality of Member States, the prohibition of the use of force against the territorial integrity and political independence of States) and the norms of international treaties on international air law. Paragraph 6 of Resolution 1973 establishes a ban on air flights over the territory of Libya. Paragraph 7 allows all states to «take all necessary measures» to ensure the ban. That is, the UN Security Council «allows» anyone to shoot down Libyan planes over its own territory. No less than criminal looks para 17 of Resolution, which prohibits UN member states to allow Libyan aircraft to land on their territory! And how this provision is consistent with the objectives of a number of international treaties in international aviation? Now the state, in violation of these treaties, will be obliged to refuse to board a plane from Libya, independently, for example, on whether he has enough fuel to fly back or not! That is, again, we are talking about the destruction of the aircraft!

Fourth. What are the grounds for establishing State's obligation to unilateral ceasefire? Resolution 1970 established a «duty of the ceasefire.» However, it did not specify who should cease fire. Usually, this requirement refers to «all sides» of the conflict. However, in Resolution 1973 there is no such clarification. In this situation, it means that this demand directed only to the government of the country! And not to the rebels! How can we interpret this requirement to the Government to cease fire in a situation of armed rebellion? Do UN SC really have an authority so clearly take a side of the rebels in one of the Member States?

2) The legal implications of the Resolutions 1970 and 1973.

**Measures to protect the civilian population.*

Especially big questions raise on that section of the Resolution 1973 that grants the right to take «all necessary measures» to protect the civilian population. Whom this right has been granted? Maybe to the UN Peacekeeping mission? Or to UN High Commissioner for

Refugees? Not at all! This right was granted to “any interested Member States”! This means that the Resolution 1973 is formally “authorized” any UN member states to do anything they deemed necessary! Is that what UN Charter means by proclaiming that all member states are sovereign and equal? Is that what UN Charter means by highlighting the principle of non-interference to the domestic affairs of member-states? Thus, the use of words «all necessary measures» are of violations of international law.

The next problem is to protect the citizens of Libya, who are loyal to the authorities. Both the UN Security Council resolutions strikingly not take into account the rights of the population loyal to the government. Very vocabulary of the resolution shows that the UN Security Council did not consider this part of the population as “people of Libya”. For example, paragraph 2 of Resolution 1973 states that authorities should “meet the legitimate demands of the people”. And what about the right of the Libyan population for security and protection from armed rebellion? Why the UN Security Council just forgot about this? Or may be simply don’t care at all? So, in the main UN body with primary responsibility for maintaining peace and security (Article 24 of the UN Charter), not a single member, who would have defended the right of this - *and the biggest!* - part of the population of Libya! The question arises: how the UN Security Council resolution protects the rights of citizens who are loyal to the authorities? The answer is: their right is not protected, moreover, the resolution negates this right. Legally talking these resolutions directly involve violation of the rights of the majority of the civilian population, which, allegedly, these resolutions must protect. Thus, the Resolution 1973 is in a grave violation of international law.

3) The legal reasons for the referral of the situation in Libya to the International Criminal Court.

To date, the UN Security Council referred to the ICC two situations: the situation in the Sudan (2005, Darfur) and the situation in Libya. However, the legal basis of such a referral raises a number of serious issues of their legitimacy.

In the UN Charter the right of Security Council to refer cases to the International Criminal Court is not fixed. Such a right is given to the Council in other international instrument - the Statute of the International Criminal Court. However, this argument does not matter for the States not parties to this treaty. In fact, the situation is even more than the infringement, it is simply absurd! So States (U.S., Russia, China) who are not parties to the international agreement (ICC Statute) referred the situation to ICC in respect of a State not party to the same treaty (Libya)! This is the violation of UN Charter and complete destruction of the very essence of the international law.

In addition, there is a question of gaps in the legal basis for activities of the SC in the referral cases. This legal base is not regulated at all. What are their criteria? What is the factual side of things? What facts were considered by the Council? Why do not they presented to us?

Thus, UN Security Council had exceeded its authority. Execution shall be compulsory only of those Resolutions that are adopted under the authority of the Council directly prescribed by the UN Charter. Thus, the UN member states should not comply with this provision of the Resolution 1973. Accordingly, it concerns the issue of duty of «all states to cooperate» with the ICC on the situation in Libya. Especially – it concerns States not parties to the ICC Statute.

Moreover, the situation in Libya raises a number of other international legal issues. Among them: the participation of Libya in the UN Security Council meeting, issues of recognition, legitimacy of international forums to address the Libyan crisis.

***The participation of Libya in the UN Security Council meeting. Who represented Libya in the UN Security Council meeting on 22, 25 and 26 February 2011? Clearly, and Shalgham, and Dabbashi, after they opposed the government, can not be regarded as representatives of that government.

On March 4, Libyan authorities have appointed a new country representative to the UN, which was the former Minister of Foreign Affairs and former president of the UN General Assembly, Ali Abdussalam Treki. However, U.S. authorities refused to issue him a visa to enter the territory of the country where the headquarters of the UN is situated. March 31 the authorities of Libya, and Nicaragua announced the appointment of the Permanent Representative of Libya to the UN, former Foreign Minister of Nicaragua Miguel d'Escoto. However, U.S. officials once again began to interfere, saying that the owner of a tourist visa can not represent no one's interests. A. Shalgham and Dabbashi continue to lead the mission to Libya to the UN. This means that since the adoption of key decisions, the Government of Libya denied the right to vote in the UN. Thus it is one more violation of international law and UN Charter.

In addition, the question arises - does that transfer of the situation in Libya before the ICC at the request of the then Permanent Representative of Libya to the UN A. Shalgham, was made «at the request of the Government of Libya»? Obviously not. Then what is the status of such requests, and their legal consequences?

***Recognition of the armed rebels as “the only legitimate authority in Libya”. March 9, 2011 France officially recognized the so-called “Liberation Council of Libya” as “the only legitimate authority in the country. In essence, there was de facto recognition of this Council and of the European Parliament, inviting the head of council to the meeting on March 9. No doubts that such a recognition could be considered as a tool of aggression against Libya. In this regard, there was an interesting question related to the representation of the interests of France in Libya. As is known, the Russian Federation agreed to represent the interests of France in Libya after the evacuation of the French Embassy. So what would be position of Russia to represent France that not recognizes the current government? International law is silent of this matter.

***The legitimacy of international bodies to «resolve» the situation in Libya. In addition to the UN and the ICC, the situation in Libya becomes a matter for other international bodies. Thus, on 29th of March 2011 in London hosted an “international conference” on Libya. The question arises: what is its status? Conference participants were from 35 countries. The Arab world was represented by only seven countries. Attended by UN Secretary General, NATO and the Organization of Islamic Conference. However, nor Russia neither African Union were invited. What is the authority of NATO to “resolve” the situation? Where the representatives of really interested countries? Where the representatives of the Government of Libya? What is the legitimacy of the conference to «resolve» the situation in Libya and the legitimacy of the so-called “Contact Group” made up by this conference? What is legitimacy of so-called Paris summit, convened by the President of France on March, 19? UN Secretary General, who said that he speak «on behalf of the international community» and made call for «cease-fire ... in order to prevent brutal campaign of violence carried out by the Libyan regime against its own people». But by saying that SG does not represent international community but the group of states who financed and organized the rebellion in Libya. Thus GS outlawed himself very sharply.

***Implementation of UN Security Council resolutions in the legal system of Russia. March 9, 2011 Russian President signed a decree on measures to implement UN Security Council Resolution 1970 of 26 February 2011 in the internal legal system of Russia. The so rapid domestic implementation of UN SC Resolutions in Russian legal system seems to be the first time. In other cases, such implementation took roughly about four - six months and sometimes even years. It is noteworthy that, firstly, the decree established certain restrictions on 26 February (that is, two weeks before it is signed). However, the decree itself does not prescribed the time it enters into force. Presidential decrees must be published officially within 10 days and shall come into force on the expiry of seven days after their first official publication. The newspaper *Rossiiskaya Gazette* did not publish the text of the decree. The magazine *Sobranie Zakonodatelstava* (SZ – the Russian version of commonly known *Journal Officiel*) published it on March 14 (issue 11, article 1515). Thus, theoretically, Security Council sanctions come into force on 26 February, but in the legal system of Russia only since March 21. It must to be noted that the very same issue of the SZ published the Agreement between Libya and Russia on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments. The question arises: how to deal with our obligations under this treaty (which, incidentally, came into force on October 15, 2010) and by decree of the President of Russia? For example, Article 4 of the Agreement sets out the obligations for compensation in the event of expropriation or nationalization or - attention - other measures tantamount to them on the consequences. But Security Council Resolution, implemented by the presidential decree, provides for financial sanctions. Which act will prevail? One can say that from the standpoint of international law - a presidential decree should prevail, since it formally implements the UN Security Council Resolution. However, the UN Charter provides for the priority of only such of its rules, which establish the obligation based on the Charter. UN Charter does nowhere prescribes for «no-fly zones». A simple reference to the fact that “it is Security Council resolution” is not enough! Thus, there are no legal base for the presidential decree to prevail on the Russian-Libyan treaty.

With regard to Resolution 1973 that Russia had not voted for it and thus Russia is not bound by its provisions for two reasons. First: the provisions of the Resolution is not implemented in the legal system of Russia. Second: Russia, like any other country, free from the implementation of UN Security Council Resolutions adopted outside the framework of Security Council authority.

Summing up, it should be noted that the most accurate qualification of what is happening in Libya is “aggression” and “international special operation for robbery of the state, its natural and financial resources.” It should be emphasized that the UN Security Council Resolution 1970 and 1973 adopted with the gross violations of international law. This gives a legal basis for all states that are really willing to protect the civilian population of Libya for refusing to be bind or implement the illegal provisions of this document. We hope that Russia’s international legal community to take part in discussions on this issue.

ДОКУМЕНТЫ

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА
ЛИВИЙСКОЙ ДЖАМАХИРИИ
В СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН В 2011 ГОДУ**

Организация Объединенных Наций

S/2011/102

Совет Безопасности

Distr.: General
22 February 2011
Russian
Original: English

**Письмо Временного Поверенного в делах Постоянного
представительства Ливийской Арабской Джамахирии при
Организации Объединенных Наций от 21 февраля 2011 года
на имя Председателя Совета Безопасности**

В соответствии с правилом 3 временных правил процедуры Совета Безопасности имею честь просить срочно созвать заседание Совета для обсуждения серьезной ситуации в Ливии и принятия соответствующих мер.

(Подпись) Ибрагим Даббаши
Посол
Временный Поверенный в делах

Совет Безопасности

Distr.: General
20 March 2011
Russian
Original: Arabic

**Письмо секретаря Главного народного комитета
Ливийской Арабской Джамахирии по внешним
связям и международному сотрудничеству
от 19 марта 2011 года на имя Председателя
Совета Безопасности**

В моих предыдущих письмах на Ваше имя я обращал Ваше внимание на заговор внешних сил, направленный против Джамахирии, ее единства и территориальной целостности. Я также указывал на то, что Совет Безопасности оказался вовлеченным в реализацию этого заговора, приняв резолюции 1970 (2011) и 1973 (2011), в которых был введен запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии.

Приняв это решение, Совет Безопасности подготовил почву для вооруженной агрессии против Ливии. Франция и Соединенные Штаты нанесли ракетно-бомбовые удары по ряду гражданских объектов в нарушение всех международных норм и документов, прежде всего Устава Организации Объединенных Наций, в котором провозглашен принцип невмешательства во внутренние дела государств-членов.

Ливийская Арабская Джамахирия призывает Совет Безопасности созвать чрезвычайное заседание для прекращения этой агрессии, которая, вопреки заявлениям, направлена не на защиту гражданского населения, а на уничтожение гражданских объектов и экономической инфраструктуры и объектов Народной армии.

(Подпись) Муса М. Абдусалам **Куса**
Секретарь Главного народного комитета
по внешним связям и международному
сотрудничеству

Совет Безопасности

Distr.: General
20 March 2011
Russian
Original: Arabic and English

**Письмо секретаря Главного народного комитета
Ливийской Арабской Джамахирии по внешним
связям и международному сотрудничеству
от 19 марта 2011 года на имя Председателя
Совета Безопасности**

Ссылаясь на резолюцию 1973 (2011) Совета Безопасности от 17 марта 2011 года, в которой Совет требует немедленного прекращения огня, правительство Ливии подтверждает свою готовность немедленно прекратить огонь в соответствии с заявлением секретаря Главного народного комитета по внешним связям и международному сотрудничеству от 18 марта 2011 года.

Ливия, будучи заинтересована в выполнении требования о прекращении огня, полностью готова принять международных наблюдателей для контроля за этим процессом.

(Подпись) Муса Имхимид Куса
Секретарь Главного народного комитета
по внешним связям и международному
сотрудничеству

Совет Безопасности

Distr.: General
24 March 2011
Russian
Original: English

Письмо Секретаря Главного народного комитета Ливийской Арабской Джамахирии по внешним связям и международному сотрудничеству от 24 марта 2011 года на имя Председателя Совета Безопасности

Имею честь сослаться на пункты 1, 4 и 6 резолюции 1973 (2011) Совета Безопасности от 17 марта 2011 года, в которых говорится, соответственно, о немедленном прекращении огня, защите гражданского населения и введении бесполетной зоны.

Ливийская Арабская Джамахирия подчеркивает, что, несмотря на то, что она признала вышеупомянутую резолюцию, как это следует из заявления Секретаря Главного народного комитета по внешним связям и международному сотрудничеству от 19 марта 2011 года и его письма от того же числа на имя Председателя Совета Безопасности, Ливийская Арабская Джамахирия продолжает подвергаться военной агрессии со стороны Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании, сопровождающейся жертвами среди незащищенного мирного населения. Это противоречит букве и духу резолюции 1973 (2011) о защите гражданского населения и прекращении огня.

В связи с этим Ливийская Арабская Джамахирия призывает принять безотлагательные меры, с тем чтобы немедленно положить конец военным операциям некоторых государств, которые приведут к еще большему кровопролитию среди населения и уничтожению гражданских объектов и которые нарушают неприкосновенность Ливийской Арабской Джамахирии и подрывают ее территориальную целостность.

Главный народный комитет по внешним связям и международному сотрудничеству просит распространить текст настоящего письма среди членов Совета Безопасности и опубликовать его в качестве документа Совета.

(Подпись) г-н Муса М. Абдель Салам Куса
Секретарь Главного народного комитета
по внешним связям и международному сотрудничеству

Совет Безопасности

Distr.: General
24 March 2011
Russian
Original: Arabic

Письмо Секретаря Главного народного комитета Ливийской Арабской Джамахирии по внешним связям и международному сотрудничеству от 24 марта 2011 года на имя Председателя Совета Безопасности

Имею честь сослаться на положения резолюций 1970 (2011) и 1973 (2011) Совета Безопасности о замораживании активов, и в частности на пункт 19 первой из упомянутых резолюций, который гласит, что меры, вводимые пунктом 17 этой резолюции, не распространяются на денежные средства, другие финансовые активы или экономические ресурсы, которые, по определению соответствующих государств-членов, необходимы для покрытия насущных расходов, включая платежи за продукты питания, аренду жилья или по ипотечному кредиту, оплату лекарств и медицинской помощи, и что соответствующее государство может, уведомив Комитет о таком намерении, в надлежащих случаях разрешить доступ к таким денежным средствам, другим финансовым активам или экономическим ресурсам.

Исходя из вышеизложенного и ввиду того, что ливийским властям необходим доступ к средствам на замороженных счетах для покрытия насущных расходов, включая оплату продуктов питания и лекарств и другие текущие расходы, они надеются, что Совет Безопасности и Комитет, учрежденный резолюцией 1970 (2011), удовлетворят просьбы государств, заморозивших счета, о предоставлении доступа к средствам, которые ливийские власти намерены использовать в этих целях.

(Подпись) г-н Муса М. Абдель Салам **Куса**
Секретарь Главного народного комитета
по внешним связям и международному сотрудничеству

«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»**О международном уголовном праве:
размышления пеналиста-международника***Г.И. Богуш¹*

Предложение редакции журнала выступить в рубрике «взгляд со стороны» (в качестве представителя науки уголовного права) я принял с глубокой благодарностью и большим интересом по следующим причинам².

Во-первых, международное уголовное право – естественная область пересечения международного и уголовного права – является постоянной областью как наших научных интересов, так и педагогической деятельности (с 2007 г. мы ежегодно читаем курс международного уголовного права на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова).

Во-вторых, уже в течение нескольких лет мы принимаем активное участие в научных собраниях как юристов-международников, так и специалистов в области уголовного права и криминологии, в ходе которых у нас сформировались некоторые представления о природе сложностей, которые возникают в нашем общении и сотрудничестве. И в этом плане наши рассуждения далеко не всегда можно назвать «взглядом со стороны».

В представляемой читателям статье мы выскажем наше мнение о развитии в России науки международного уголовного права и имеющихся в этой сфере проблемах.

Понятие «международное уголовное право» (МУП) твердо вошло в мировой юридический лексикон. В качестве научной дисциплины под рубрикой МУП повсеместно рассматривается исследование уголовно-правовых аспектов международного права и международно-правовых аспектов национальных уголовно-правовых систем³. Эти аспекты составляют феноменологическое единство, и необходимость их совместного исследования предполагает существование комплексной научной дисциплины, охватывающей все направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью⁴.

На сегодняшний день международное уголовное право является одной из наиболее активно развивающихся отраслей мировой юридической науки. В литературе современное состояние МУП наиболее часто характеризуется как «ренессанс»⁵. О на-

¹ Богуш Глеб Ильич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ.

² Интересно, что в течение последнего года нам дважды довелось выступать в качестве своего рода «посланника» уголовного права, выступив с научными докладами на кафедрах международного права юридического факультета МГУ и Российской академии правосудия.

³ Bassiouni M. Ch. International Criminal Law. Third Edition. Vol. 1. Martinus Nijhoff Publishers, 2008. – P. 3-8.

⁴ См.: Зелинская Н.А. Международное уголовное право в условиях глобализации преступности // Альманах международного права. – Вып. 1. – Одесса, 2009; Cassese A. International Criminal Law. Second Edition. Oxford University Press, 2008. – P. 3-11; Broomhall B. International Justice and the International Criminal Court. Oxford University Press, 2003. – P. 44-51; Cryer R. et al. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge University Press, 2007. – P. 1-12.

О дискуссии относительно понятия МУП в отечественной науке см.: Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб., 2003. – С. 34-43.

⁵ См. например: Werle G. Principles of International Criminal Law. Second Edition. Asser Press, 2009. – P. 15.

стоящем «буме» исследований в этой области правоведения свидетельствуют огромное количество публикуемых научных работ, учебников и периодических изданий, проведение научных конференций и иных форумов в различных частях мира.

Сегодня МУП – это не только теория, право, существующее на бумаге, и преподаваемое в университетах. Международные уголовно-правовые нормы широко применяются международными и национальными судами¹, за последние 15 лет сформирован огромный массив международной уголовной юриспруденции, которая уже оказывает влияние на развитие не только МУП, но и смежных отраслей. На сегодняшний день МУП является своего рода «авангардом» международного права, значительно опережая иные отрасли в своем прогрессивном развитии.

Современное международное уголовное право, проникнутое идеалами свободы и гуманизма, устремлено в будущее. Именно это определяет его особую привлекательность для ученых-юристов, в особенности молодых. Дабы не быть голословными, приведем недавнее сообщение веб-сайта Библиотеки Дворца мира в Гааге – крупнейшей специализированной библиотеки по международному праву: «Международное уголовное право на сегодняшний день является наиболее быстрорастущей и наиболее востребованной частью нашей коллекции. Электронная система библиотеки свидетельствует, что литература по данной тематике постоянно востребована пользователями со всего мира, чаще всего молодыми исследователями. Книги, документы и журналы по этой теме очень редко бывают «свободными», как правило, они «на руках» или «зарезервированы», библиотека постоянно закупает вторые копии книг-бестселлеров»².

Мировая тенденция не обошла Россию стороной. Современный период, хотя и сложно назвать ренессансом, но он характеризуется заметным оживлением научных исследований. Показателями этого служат: возросшее количество публикаций, затрагивающих вопросы МУП, докторских и кандидатских диссертаций по международному уголовному праву (с учетом того, что в официальной номенклатуре научных специальностей данное направление отсутствует); проводимые научные мероприятия; разработка и осуществление образовательных и научно-исследовательских проектов.

Наука международного уголовного права является междисциплинарной (комплексной). В России исследования в данной области прежде всего проводятся представителями как уголовно-правовой, так и международно-правовой науки. В этом плане ситуация в нашей стране мало отличается от мировой: ученые, разрабатывающие проблематику МУП, являются, в основном, «выходцами» из этих двух отраслей правоведения.

В рамках МУП плодотворно исследуется ряд важных научных и практических проблем: взаимодействие национального и международного уголовного права (Н.А. Костенко, А.Г. Кибальник, О.Н. Ведерникова, А.Р. Каюмова, Н.Ф. Кузнецова, Е.Н. Трикоз, А.В. Наумов, А.А. Малиновский, В.Ф. Цепелев, Л.В. Иногамова-Хегай), источников МУП (Г.И. Богуш, Е.Н. Трикоз, Л.В. Иногамова-Хегай, М.В. Феоктистов, К.В. Ображиев, П.В. Волосюк, Ю.В. Трунцевский), уголовной юрисдикции государств и института выдачи преступников (А.И. Бойцов, Г.И. Богуш, В.Н. Русинова, Р.М. Валеев, А.Р. Каюмова, А.Г. Королев, Л.В. Иногамова-Хегай, Ю.С. Ромашев), системы и видов преступлений против мира и безопасности человечества (А.Р. Адельханян, А.Г. Кибальник, Е.Н. Трикоз, И.Ю. Белый, Н.Г. Михайлов, В.Н. Русинова), между-

¹ См.: *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. – М., 2009; *The Oxford Companion to International Criminal Justice* / Editor in Chief Antonio Cassese. Oxford University Press, 2009.

² <http://www.ppl.nl/100years/topics/icl/>

народной уголовной юстиции и международного уголовно-процессуального права (С.В. Глотова, А.Г. Волеводз, И.С. Марусин, Н.Г. Михайлов, И.Ю. Белый, Е.Н. Трикоз, Н.А. Костенко, А.Б. Мезяев, С.А. Грицаев, И.Ю. Белый, О.И. Рабцевич). Проблемы международного уголовно-исполнительного права интенсивно разрабатываются проф. Ю.В. Трунцевским. Интересным и перспективным направлением является международная криминология (криминоглобалистика), во многих вопросах взаимодействующая с МУП – это направление представлено работами Ю.В. Голика, В.В. Лунеева, В.А. Номоконова, В.С. Овчинского, О.Н. Ведерниковой, Д.А. Шестакова, И.М. Мацкевича¹.

За последние 15 лет был защищен целый ряд докторских диссертаций, полностью посвященных проблемам международного уголовного права: как криминалистами (А.Г. Кибальник², А.Р. Адельханян³, А.Г. Волеводз⁴, В.Ф. Цепелев⁵) так и международниками (Н.А. Костенко⁶, Н.Г. Михайлов⁷). Проблемы МУП занимают достойное место в докторских исследованиях А.И. Бойцова, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.П. Коняхина, А.И. Бойко, И.А. Котлярова, И.С. Марусина. Значительно более солидно количество кандидатских диссертаций по данной тематике, в том числе защищенных учениками «новых» докторов.

Издается учебно-методическая литература. Чрезвычайно удачным стал опыт совместного учебника, написанного двумя известными авторами, – пеналистом (проф. А.В. Наумовым) и международником (проф. И.И. Лукашуком)⁸. К сожалению, уход из жизни И.И. Лукашука, корифея отечественной науки международного права, внесшего огромный вклад в становление МУП, лишил нас возможности переиздания учебника, до сих пор, на наш взгляд, остающегося лучшим изданием подобного рода. Удачен в методическом отношении авторский учебник профессора МГЮА Л.В. Иногамовой-Хегай⁹. Этот учебник стал основой разделов, написанных его автором в пятитомном «Полном курсе уголовного права»¹⁰. Написание современного вузовского учебника международного уголовного права, отражающего все современные достижения, является актуальной задачей российской науки.

Единственное в России учебное пособие – практикум по международному уголовному праву, подготовленный Е.Н. Трикоз, был издан в 2007 г.¹¹. При создании работы автор привлек большое количество источников, каждая тема снабжена подробной библиографией и заданиями для самостоятельной работы. Однако при всех достоин-

¹ Наиболее подробная библиография по международному уголовному праву опубликована в: Трикоз Е.Н. Международное уголовное право: Практикум / Научн. ред. А.Х. Абашидзе. – М., 2007.

² Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003.

³ Адельханян Р. А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005.

⁴ Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002.

⁵ Волеводз А.Г. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью. – М., 2002.

⁶ Костенко Н.И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2002.

⁷ Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

⁸ Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. – М., 1999.

⁹ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. – СПб., 2003.

¹⁰ Полный курс уголовного права: В 5-ти т. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. – Т. V: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. – СПб., 2008.

¹¹ Трикоз Е.Н. Международное уголовное право: Практикум / Научн. ред. А.Х. Абашидзе. – М., 2007.

ствах этого издания оно рассчитано на значительно больший объем выделяемых на дисциплину учебных часов и высокий уровень базовой международно-правовой подготовки студентов, чем имеется в реальности в подавляющем большинстве юридических вузов.

Следует указать на два уникальных издания, увидевших свет в прошлом году. Хрестоматия, подготовленная А.Г. Волеводзом и В.А. Волеводз, объединяет уставные документы всех существующих и действовавших ранее учреждений международной уголовной юстиции, при этом многие документы впервые увидели свет на русском языке¹. По результатам крупного международного проекта Институтом права и публичной политики (под редакцией Г.И. Богуша и Е.Н. Трикоз) подготовлена коллективная монография по проблемам международного уголовного правосудия, в которую вошли статьи ведущих зарубежных авторов и практически всех известных в России ученых в сфере международного уголовного права².

Научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы по проблематике МУП широко представлены в юридической периодике: как в общеправовых, так и специализированных международно-правовых и уголовно-правовых изданиях. Традиционно большое внимание данной тематике уделяют журналы «Уголовное право», «Международное публичное и частное право», «Юрист-международник», «Международное право-International Law», «Военно-юридический журнал». Важным событием стало начало издания в 2008 г. нового журнала, специально посвященного МУП, – «Международное уголовное право и международная юстиция».

Важным импульсом развития науки МУП является преподавание международного уголовного права в российских юридических вузах. Постепенно МУП пробивает себе дорогу в качестве дисциплины специализации уголовно-правовой (реже международно-правовой) специализации. Так, на постоянной основе МУП в качестве специального курса (в том числе в рамках магистерских программ) читается кафедрами уголовного права (СПбГУ – проф. А.И. Бойцов; МГЮА – проф. Л.В. Иногамова-Хегай; ДВГУ – проф. Н.А. Номоконов; МГИМО – проф. А.Г. Волеводз, проф. А. А. Малиновский; МГУ им. М.В. Ломоносова – доц. Г.И. Богуш) и международного права (РУДН – проф. А.Р. Каламкарян; КГУ – доц. А.Р. Каюмова). Особо в этом ряду следует выделить юридический факультет Кубанского государственного университета, где курс международного уголовного права впервые стал преподаваться как обязательная учебная дисциплина для всех студентов (курс читают проф. В.П. Коняхин и доц. М.В. Феоктистов). Этому опыту КубГУ последовала и Уральская государственная юридическая академия.

Перспективным для подготовки специалистов в рассматриваемой области является участие российских студентов и аспирантов в проводимых конкурсах и соревнованиях по международному уголовному праву. Эти мероприятия, основанные на моделировании деятельности Международного уголовного суда, предполагают углубленное знакомство участников с доктриной и практикой МУП. Наш трехлетний опыт руководства командой юридического факультета МГУ³ на конкурсе по модели МУС в Гааге⁴ показывает не только огромный интерес у студентов к этой интенсивно развивающейся отрасли юриспруденции, но и огромные перспективы такого международ-

¹ См.: Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. – М., 2009.

² Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М., 2009.

³ В 2010 г. инициативу МГУ поддержал также Марийский государственный университет, выставивший команду на данном конкурсе.

⁴ <http://www.icc-trialcompetition.org/>

ного обмена, в числе других инициатив способствующего усилению универсальности МУП.

На наш взгляд, курс международного уголовного права, преподаваемый сегодня в юридических вузах всего мира, имеет большое как общеобразовательное, так и практическое значение¹. Переход на двухуровневую систему образования открывает новые перспективы для преподавания МУП в качестве компоненты магистерских программ уголовно-правового и международно-правового профиля, а также организации самостоятельной магистерской программы для подготовки специалистов по международному сотрудничеству в борьбе с преступностью, потребность в которых является весьма насущной.

С удовлетворением можно отметить, что тематика международного уголовного права становится весьма популярной, ей посвящаются многочисленные научно-практические мероприятия, проводимые как пеналистами, так и международниками. Так, проблемы МУП регулярно обсуждаются на ежегодных собраниях Российской ассоциации международного права. В рамках Российского конгресса уголовного права действует постоянная секция МУП (руководитель – вице-президент Конгресса проф. В.П. Коняхин)².

Оценивая ведущиеся в российской науке МУП дискуссии, следует признать, что в них ощущается явный недостаток собственно правовых аспектов. Основной предмет споров носит политико-идеологический характер, разногласия являются острыми и по сути непримиримыми. С большой долей условности в российской науке МУП можно выделить позитивное и критическое направления³.

Представители позитивного направления (Л.В. Иногамова-Хегай, А.В. Наумов, А.Г. Кибальник, Е.Н. Трикоз и др.) выступают за прогрессивное развитие международного уголовного права и его эффективную имплементацию в России. В существующих международно-правовых стандартах они видят, прежде всего, резерв развития национальной уголовно-правовой системы, усиления ее гуманистических начал. Признавая некоторые недостатки существующей системы международной уголовной юстиции, такие специалисты не подвергают сомнению их необходимость, выступают за участие России в работе этих учреждений, в том числе за ратификацию нашим государством Римского статута Международного уголовного суда.

Представители «критического» направления (О.Н. Ведерникова, А.Б. Мезяев и др.) сдержанно оценивают развитие международного уголовного права, отмечая его противоречивый характер. Отмечая отсутствие единства в международном сообществе и кризис системы международного права, они выражают сомнения в легитимности существующей системы МУП. Основным объектом их критики является система международной уголовной юстиции. По их мнению, деятельность институтов МУЮ характеризуется применением «двойных стандартов», является на практике элементом глобального управления миром со стороны влиятельных западных государств, а

¹ См.: *Богущ Г.И.* О преподавании международного уголовного права. Программа курса «Международное уголовное право // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / Научн. ред. Н.Ф. Кузнецова. – М., 2009.

² См.: *Научные основы уголовного права и процессы глобализации. Материалы V Российского конгресса уголовного права.* – М., 2010.

³ Кибальник А.Г. говорит о «глобалистском» и «антиглобалистском» направлениях, причисляя себя к представителям третьего, «реалистического, направления» (См.: *Кибальник А.Г.* Международное уголовное право и национальные интересы России // *Российский ежегодник уголовного права.* – 2006. № 1. – СПб., 2007. – С. 51 и далее). Однако следует отметить, что крайний «глобализм» в российской науке практически не встречается (кроме, пожалуй, критикуемых А.Г. Кибальником давних публикаций Г.К. Мишина), в отличие от обильно представленного агрессивного «антиглобализма».

гуманитарная риторика – всего лишь декорацией, прикрывающей их истинную неблаговидную роль. Представители критического направления считают нецелесообразным участие России в Римском статуте МУС, рассматривая последний как своего рода угрозу суверенитету и независимости нашего государства.

К сожалению, значительная часть «критиков» допускают в научной полемике очевидные крайности – призывы к игнорированию международно-правовых норм и обязательств, отрицание универсальности прав и свобод человека как высшей социальной ценности¹, тенденциозные обвинения в адрес судей международных судов в необъективности и даже в совершении ими преступлений².

Несмотря на уже отмеченный очевидный недостаток правовой составляющей, данная дискуссия, в том числе при обсуждении перспектив ратификации Россией Римского статута МУС,³ оживляет научные исследования, привлекает внимание учащейся молодежи и более широких слоев общественности к этой актуальной проблематике.

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что наука международного уголовного права в России развивается и налицо целый ряд позитивных достижений. Эта динамика сама по себе дает основания для положительного прогноза о развитии данного направления и в будущем.

Вместе с тем, серьезное отставание от мировых тенденций, в целом характерное для российской юридической науки, особо заметно в исследуемой сфере. Российские ученые почти не представлены в мировом академическом пространстве, на их работы не ссылаются зарубежные коллеги, о российской законодательстве, судебной практике и, собственно, науке юридическому миру за пределами границ России известно крайне мало. К сожалению, «качество» правовых позиций российского государства в вопросах, связанных с международным уголовным правом, как правило, отражает данное огорчительное состояние науки МУП.

Это обусловлено наличием целого ряда проблем, часть из которых является общей для всей юридической науки, а некоторые – специфичны именно для МУП. Выделим главные из них:

1. Заметным «тормозом» на пути развития МУП является сохраняющаяся неопределенность его статуса в рамках российской правовой системы и юридической науки. По-прежнему камнем преткновения является вопрос, к какой сфере – «международной» или «уголовной» – принадлежит международное уголовное право⁴. Эта бесплодная дискуссия, очень напоминающая другую – о курице и яйце, осложняет жизнь любому исследователю МУП, который почти не имеет возможности избежать обвинений в том, что он некомпетентно внедряется в «чужую» отрасль со своим уставом (методологией).

К сожалению, стремление сохранить «чистоту» научной специальности, как правило, оказывается сильнее желания решить научную проблему. На практике пенилисты и международники проводят исследования изолированно, часто отношения между кафедрами в отношении данной проблематики характеризуются ревностным соперничеством, эффективное взаимодействие является весьма редким исключением.

¹ См. например: *Ведерникова О.Н.* Российское уголовное законодательство в системе национального и международного правопорядка // Российский ежегодник уголовного права. – 2006. – № 1.

² См. например: *Месяев А.Б.* Убийство Слободана Милошевича в Гаагском трибунале // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2007.

³ См.: *Богущ Г.И., Трикоз Е.Н.* Россия и Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. № 2.

⁴ Как верно отмечает Н.А. Зелинская, сама дилемма является ложной: «определения «международное» и «уголовное» не противоречат друг другу, так как уголовными являются нормы, имеющие как национальное, так и международно-правовое происхождение» (см.: *Зелинская Н.А.* Указ. соч. – С. 36).

Между тем, проблемы международного уголовного права невозможно исследовать исключительно в рамках «чистой» уголовной или международной отрасли. «Ренессанс» науки МУП последнего времени в числе прочего как раз объясняется успешным, хотя порой и противоречивым, их синтезом. Остается сожалеть, что в нашем Отечестве, где еще сильны «китайские стены» между отраслями правовой науки, международное уголовное право остается «яблоком раздора», а не полем диалога и совместной деятельности ученых-юристов.

Еще более огорчает, что до настоящего времени многие отечественные юристы-международники вообще отказывали международному уголовному праву в существовании¹. При этом их суждения, некритично воспроизводящие позицию Г.Шварценбергера, изложенную 60 лет назад, игнорируют те существенные изменения, которые произошли за это время в международном праве².

Проведение диссертационных исследований по международному уголовному праву представляет большие сложности. Их межотраслевой характер на практике является не достоинством, а, напротив, недостатком, который может серьезно осложнить жизнь соискателю ученой степени. Полагаем, что такой подход является откровенно антинаучным. Именно на стыке отраслей и специальностей во всех сферах знаний происходят научные открытия и развиваются новые направления. Вряд ли попытки втиснуть научную мысль в прокрустово ложе «ВАКовской» номенклатуры специальностей способствуют развитию юридической науки. Уверены, что в будущем международное уголовное право должно найти свое место в каталоге научных дисциплин.

Следует сказать, что комплексный, «гибридный», характер данной отрасли, неоднородный характер регулируемых им отношений, нерешенность многих методологических вопросов являются вызовом и для мировой науки МУП. Как отмечает в своей последней крупной работе известный американский ученый Джордж Флетчер, «криминалисты и международники просто обязаны просвещать друг друга. И как можно быстрее»³.

Следует добавить, что совместная работа пеналистов и международников в процессе законотворчества помогла бы избежать многих ошибок, совершенных в последние годы при имплементации международных конвенций в сфере борьбы с преступностью⁴.

2. Серьезной проблемой, тесно связанной с неопределенностью статуса МУП, является отсутствие координации научных исследований в данной области. В России на сегодняшний день нет ни одного специализированного научного центра или вузовской кафедры международного уголовного права, которая могла бы взять на себя подобную роль.

В результате структура проводимых исследований серьезно разбалансирована. Целые научные направления развиваются крайне медленно или вообще не разработаны. Так, единичными являются современные российские публикации по вопросам

¹ Во время моего недавнего выступления на кафедре международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова несколько преподавателей кафедры заявили, правда, в весьма доброжелательной манере, что международного уголовного права не существует. Комментировать предположение, что огромное количество юристов всего мира, включая ведущих ученых в области международного публичного права, выпускают монографии и учебники по несуществующей дисциплине, даже как-то неловко.

² *Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law // Current Legal Problems (1950).*

³ *Fletcher G. P. The Grammar of Criminal Law: American, Comparative and International. Oxford University Press, 2007. – P. XX.*

⁴ См. например: *Богущи Г.И.* Подлежат ли иностранные должностные лица ответственности по УК РФ? // Уголовное право. – 2010. – № 4.

теории международного уголовного права, уголовному коллизионному праву, проблемам Общей части (субъективной стороны, форм уголовной ответственности, обстоятельств, исключая ответственность), преступлений против человечности.

3. Важными факторами, затрудняющими развитие данного научного направления, являются отсутствие эффективного взаимодействия российских ученых с зарубежными коллегами, неинтегрированность российской науки в единое мировое научно-образовательное пространство.

Современную ситуацию (по крайней мере, в сфере публичного права) с полным основанием можно охарактеризовать как катастрофическую. Такой изоляции отечественная юридическая наука не знала даже в советские времена. Переводная юридическая литература в России практически не издается. Подавляющее большинство российских научных библиотек не имеет возможности подписки на зарубежные научные издания и подключения к информационным базам данных. Представительство российских ученых на зарубежных форумах, в основном осуществляемое за свой счет, является крайне редким. Оплачиваемые командировки (особенно – зарубежные) сотрудников в российских вузах и научных институтах стали экзотикой. Чрезвычайно сложным и финансово затратным является приглашение зарубежных коллег в Россию.

Все это вместе взятое приводит к тому, что молодежь не видит смысла в зарубежных связях, а старшее поколение предпочитает работать без знания зарубежных достижений. Вместе с тем, международное уголовное право – одна из тех сфер, где национальные границы совершенно условны. Отсутствие естественной информационной «подпитки» из-за рубежа, где находятся все основные научные центры, лишает науку теоретической опоры и ведет к быстрой деградации.

Ее признаками, на наш взгляд, является то, что в отечественной науке нередко горячо обсуждают давно уже решенные проблемы «второй свежести», пользуясь, в свою очередь, устаревшим или неадекватным материалом.

4. Большой вклад в отмеченную международную изоляцию российской науки вносит языковой барьер. В настоящее время в науке МУП доминирует английский язык: именно на нем выполнено подавляющее большинство значимых публикаций, выпускаются наиболее авторитетные научные журналы, английский является первым основным рабочим языком всех международных судов и трибуналов. Сохраняет свои, несколько ослабевшие, позиции и французский язык. Значительно реже цитируются публикации на испанском, немецком и итальянском языках. Знание же иностранного языка у отечественных исследователей, особенно выходцев из науки уголовного права, увы, часто оставляет желать лучшего.

В результате часты ситуации, когда работы по международному уголовному праву выполняются полностью на отечественном материале, не всегда достоверном и порой устаревшем. Языковой барьер делает недоступной огромную теоретическую базу, накопленную мировой наукой, а также практику международных и иностранных судов, представляющую огромный интерес для изучения.

Серьезной проблемой в таких условиях являются качество и адекватность перевода на русский язык международно-правовых документов и судебных решений. К сожалению, наш опыт исследований показывает, что очень часто официальные переводы неадекватно отражают юридическое содержание переводимых документов¹. Складывающаяся ситуация приводит к тому, что ученые и практические работники, являясь

¹ См. подробнее: *Богущи Г.И.* Общие принципы уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда // *Международное уголовное правосудие: современные проблемы* / Под ред. Г.И. Богуща, Е.Н. Трикоз. – М., 2009. – С. 93-94.

заложенниками некачественного перевода, делают поспешные выводы о «полном соответствии» или «неразрешимых противоречиях» российского законодательства и норм международного права. К сожалению, языковой барьер наряду с «международно-правовым невежеством» многих российских юристов является существенным препятствием для интеграции России в европейское и международное правовое пространство.

5. Чрезвычайно важной проблемой является чрезмерная политизация международно-правового дискурса. Ввиду недостаточности теоретической и эмпирической базы отечественные исследователи достаточно часто глубоко «уходят в политику». Подобная «переквалификация» юристов (как правило, «критического» направления) в геополитиков приводит к подмене науки публицистикой, а порой и откровенным политиканством.

Так, своего рода хорошим тоном стало обвинение международных уголовных судов в «предвзятости», «политизированности», «двойных стандартах» и прочих грехах¹. Особенно демонизирован Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, деятельность которого представляется как целая цепь преступлений. В публикациях такого рода порой довольно сложно найти какие-то правовые аргументы, анализ конкретных судебных решений или нормативных актов, все, как правило, оттеняется обличительным пафосом². Часто это напоминает знаменитое «не читали, но заявляем»³.

Иногда складывается впечатление, что для публикаций по международному уголовному праву установлены некие особые, значительно заниженные, стандарты научных публикаций (например, можно не ссылаться на источники, искажать содержание судебных решений, использовать в качестве достоверного источника сообщения таблоидов, допускать бездоказательные обвинения в преступной деятельности и пр.). К сожалению, встречаются рассчитанные на некомпетентность аудитории очевидное передергивание и искажение фактов.

Разумеется, подобные проявления, возможно и «успешные» для подавления оппонентов, явно не способствуют авторитету отечественной науки. У зарубежных коллег они вызывают, чему мы неоднократно были свидетелями, совершенно понятный шок. Надо сказать, что институты международной уголовной юстиции критикуются, и порой весьма жестко, и в зарубежной науке. Однако границу, отделяющую научную критику от околополитической публицистики, никто из юристов не переходит, да и, как представляется, не может перейти ввиду сложившихся профессиональных этических норм.

На наш взгляд, следует согласиться с предложениями А.Э. Жалинского, высказанными в его последних работах, о необходимости «добиться признания научным сообществом необходимости соблюдения стандартов научной деятельности, изгнав

¹ См. например: *Иванников И.А.* Перспективы развития российского государства в современном мире // *Юридический мир*. – 2007. – № 2; *Джамиев В.С., Котляш Р.Н.* Гаагский трибунал: орган международного правосудия или судилище? // *Юридический мир*. – 2006. – № 7.

² Существенным исключением является монография Н.Г. Михайлова, несколько лет проработавшего в МТБЮ, написанная на богатейшем эмпирическом материале. В ней дается объективная, хотя и критическая, оценка деятельности Трибунала (*Михайлов Н.Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности. – М., 2006).

³ Надо сказать, что в какой-то мере пропагандистская кампания по дискредитации Трибунала по бывшей Югославии оказалась успешной по причине несомненных недостатков и ошибок в работе Трибунала, что не меняет нашей отрицательной оценки этой кампании как клеветнической и оскорбительной для памяти жертв доказанных преступлений.

демагогию, необоснованные обвинения, сознательные искажения фактов»¹, и признания не соответствующим правилам науки «высказываний, заведомо противоречащих Конституции РФ, не обоснованных фактами утверждений о личной заинтересованности и пр.»².

Таковы, на наш взгляд, основные проблемы, стоящие на пути прогрессивного развития науки МУП в России. Являясь «патриотами» данного научного направления, мы допускаем, что некоторые наши соображения являются чересчур категоричными. Вместе с тем, они продиктованы искренней надеждой на то, что российская наука международного уголовного права сможет преодолеть огорчительное отставание и сыграть значимую роль в дальнейшем прогрессивном развитии этой молодой, но динамично развивающейся отрасли юридической науки.

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. – М., 2009. – С. 110.

² Там же. – С. 111.

**«МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»**

В последние годы Россия заключила большое количество международных договоров со странами Африки. Это договоры с Ливией, Намибией, Нигерией, Южно-Африканской Республикой и другими странами континента. Как показало начало 2011 года, Африканский континент продолжает оставаться передовой линией фронта борьбы основных международных сил. В этой связи весьма большой интерес представляет анализ российско-африканских отношений, который провел руководитель Центра Института Африки Российской Академии наук посол Е.Н. Корендясов. Представляем читателю его статью.

**Российско-Африканские отношения
в контексте глобализации**

Е.Н. Корендясов¹

Глобализация в широко принятом понимании представляется процессом, обусловленным, главным образом, углублением международного разделения труда, формированием единого мирового экономического пространства на основе новейших научно-технических достижений, растущей ролью постиндустриального технологического уклада как в рамках национальных или региональных экономик, так и на общемировом глобальном уровне. Сегодня для всех очевидно, что глобализационные процессы являются феноменом объективным и попытки отгородиться от них сопряжены с негативными последствиями.

Вместе с тем, уже на начальных этапах развития глобализации четко проявился ее неоднозначный и противоречивый характер. Облик глобализации в странах и регионах, вырвавшихся вперед в экономическом развитии, и в отстающих регионах представляется в достаточно контрастных ипостасях. При этом не может отрицаться и прогрессивное воздействие глобализации на развивающиеся страны, в том числе на Африканском континенте.

Тем не менее, глобализация придала определенное ускорение либерально-рыночным реформам в Африке, модернизации политических и управленческих систем, расширила возможности их интеграции в мировую экономику, границы торговых, финансово-кредитных и человеческих обменов. Внешнеторговый оборот африканских стран возрос с 294,1 млрд. долл. в 1995 г. до 802,8 млрд. долл. в 2006 г. Экспортная квота стран Африки к югу от Сахары возросла до 74% в 2006 г.² Среднегодовой приток внешних ресурсов в Африку в период с 1999 по 2006 гг. составлял 46 млрд. долл. (в т.ч. официальная помощь развитию – 19 млрд., прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – 14 млрд., денежные переводы африканских иммигрантов – 13 млрд.³ На Африку приходится до 2% мирового экспорта и 1-1,5% мирового притока ПИИ.

Напомним для сравнения, что экспортная квота России составляет 47,5% ВВП (по товарам) и 7,7% – по услугам. Приток иностранного капитала достигает 7,9% ВВП,

¹ *Корендясов Евгений Николаевич* – кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения российско-африканских отношений Института Африки РАН, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Буркина-Фасо и Посол РФ в Республике Мали.

² World Development Indicators 2008. The World Bank, Wash, 2008. – P. 322, 210-216.

³ UNECA. Economic Report on Africa 2007. Addis-Ababa, 2007. – P. 45.

в том числе приток ПИИ – 3,1% ВВП. По объему валового национального дохода (882 млрд. долл.) Россия находится на 13-м месте, а по объему ВНД на душу населения (5770 долл.) – на 78-м месте¹.

Более широкой и органичной стала интегрированность Африки в международную информационно-коммуникационную паутину, в мировые торговые, промышленно-производственные, кредитно-финансовые сети. Возросла открытость африканского экономического пространства в результате существенного снижения или упразднения торгово-таможенных барьеров, либерализации инвестиционного режима. В Африке активизировалась деятельность ТНК.

Однако в силу имманентно присущих частно-рыночной экономике законов и, прежде всего, закономерностей конкуренции, а также, что не менее важно, в силу того, что экономически развитым государствам и ТНК удалось направить глобализационные процессы в основном в русло своих интересов и сорвать попытки принятия на международном уровне определенных регуляционных мер, глобализация явила африканцам, народам других отстающих регионов прежде всего свой шокирующий трагический лик.

Огульно осуществленные под беспрецедентным давлением западных стран и зачастую по их матрицам демократические преобразования и экономическая либерализация ослабили государственно-управленческие механизмы, подточили эффективность исторически сложившихся систем перераспределения материальных благ и властных полномочий между различными общественно-политическими и экономическими сегментами. Все это послужило мощным стимулом обострения межэтнических и межконфессиональных противоречий, что и привело в конечном итоге к междуособным конфликтам, гражданским войнам во имя захвата власти и установления контроля за источниками обогащения.

Над Африкой нависла реальная угроза цивилизационной маргинализации, ее окончательного закрепления на периферии мировой системы. Разрыв в уровне развития между экономически отстающими и развитыми странами резко увеличился. В 2006 г. он составил 56,4 раза по текущему курсу и 18,8 раза по ППС (паритету покупательной способности). Размер ВНД на душу населения в странах к югу от Сахары в 2006 г. составил 11% от среднемирового по текущим ценам и 18% – ППС². Усилился контраст между бедными и богатыми группами населения на национальном уровне, что не могло не обострить чувства материальной и духовной фрустрации, усилить экстремистские настроения.

Тем не менее, было бы ошибочным на этом основании полагать, что глобализация фатально обрекает на отсталость такие регионы, как Африка (прежде всего, страны к югу от Сахары). Планета Земля слишком мала, а потребности и возможности формирующегося на основе экономики знаний научно-производственного потенциала столь велики, что такая перспектива даже для самых «забытых» углов не представляется реальной.

Конечно, Африка вряд ли догонит Европу. Но столь же очевидно, что она не останется на той стадии убожества по уровню своего человеческого и цивилизационного развития, который нам сегодня столь красноречиво и назойливо рисуют статистические выкладки Всемирного банка.

Уже сегодня про африканцев говорят, что хотя «ногами они еще остаются в неолите, голова их уже «торчит» в компьютере».

¹ World Development Indicators 2008. The World Bank. Wash, 2008. – P. 210-216.

² Кузык Б., Яковец Ю. Становление интегрального экономического строя – глобальная трансформация XXI века. – М., 2008. – С. 51.

В этой связи известный ученый-футуролог Ж.-Ф. Ришар в своей работе «На переломе: двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение»¹ приводит следующие достаточно красноречивые примеры.

Некоторые обосновавшиеся в Гонконге производители одежды поставляют американским фирмам товар (например, DKNV) с фабрик Лесото.

Американская страховая фирма «Altna» переправляет на ночь в Аккру, столицу Ганы, всю свою входяще-исходящую переписку, где 400 нанятых ею жителей столицы вводят ее в компьютеры компании.

Подобные и более масштабные явления ныне становятся в Африке фактом повседневной жизни.

Столь же неоднозначным и противоречивым оказалось воздействие глобализационных процессов и на российско-африканские отношения. Возросшая интегрированность России и африканских стран в мировые хозяйственные связи, открытость их экономик создали новые возможности, новые мотивы и стимулы развития экономического сотрудничества.

Снижение или отмена административных, тарифно-таможенных, фискальных и иных барьеров на пути движения товаров и капиталов, присоединение России к международным организациям (МВД, ВБ), ее готовность следовать основным торговым и кредитно-финансовым соглашениям облегчают взаимный доступ бизнес-структур к товарным и инвестиционным рынкам, расширяют сферы поисков наиболее выгодных партнеров. В условиях глобализации погоня за повышением конкурентоспособности как гарантии успешности бизнеса выходит за рамки национальных границ и приобретает всемирные масштабы. Сегодня поиск конкурентных преимуществ, высшей рентабельности в национальных границах недостаточен.

Однако воздействие глобализационных процессов на российско-африканские отношения сказывается, прежде всего, а порой и исключительно, на микроуровне. Открывающиеся положительные тенденции намного опережают возможности и готовность обеих сторон к их конкретной реализации. И хотя прогресс в двустороннем сотрудничестве реален, его объемы, динамика, качественные характеристики все еще далеки от знаковых для обеих сторон величин. Здесь нет необходимости говорить трудностях, с которыми сталкиваются структурные реформы и модернизация экономического бизнеса России и африканских стран и которые носят, безусловно, разнопорядковый характер, но в обоих случаях сопровождаются болезненными и достаточно масштабными коллизиями.

В этих условиях до последнего времени внешнеэкономический комплекс был призван, скорее, способствовать решению задач выживания, причем наиболее доступными средствами.

Однако в контексте темы этого выступления важно обозначить другие ограничители развития плодотворного сотрудничества.

Со стороны России – это:

- молодость предпринимательского класса, неопытность в деятельности на международных рынках, и особенно в Африке, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что почти 90% внешнеторговых сделок с африканскими странами осуществляется через международных посредников;

- недооценка и со стороны бизнес-сообщества, и со стороны политической элиты потенциала российско-африканского сотрудничества в деле достижения экономиче-

¹ Ришар Ж.-Ф. На переломе: двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение. – М., 2005.

ских целей, укрепления позиций России на мировых рынках, в международной политике;

- конкурентное противодействие со стороны западных ТНК, «поднимающихся экономик» – Китая, Индии, Бразилии;
- ограниченность транспортной инфраструктуры между Россией и Африкой;
- отсутствие полноценной государственной помощи и поддержки отечественных экспортеров товаров, услуг и капиталов, а также программы официальной помощи развитию.

С африканской стороны – это:

- отсутствие достаточно полной и достоверной информации о потенциале российских предпринимателей и опыта работы на российском рынке;
- высокий инерционный потенциал сохранения связей с клиентами из бывших метрополий, разветвленность и устойчивость сформировавшихся за предшествующие десятилетия структур и каналов торгового, инвестиционного, гуманитарного сотрудничества;
- неразвитость адекватных предпринимательских и институциональных структур, призванных содействовать осуществлению внешнеэкономического сотрудничества;
- коммерческие риски, связанные с наличием административно-бюрократических барьеров, неразвитостью рыночной среды. Для того чтобы открыть дело, инвестору в странах к югу от Сахары приходится проходить через 11 процедур (в странах ОЭСР – всего 6), потратить на это 62 рабочих дня (в странах ОЭСР – 17 дней). Расходы на оформление открытия бизнеса в Африке составляют в среднем 163% валового национального дохода на душу населения. Рассмотрение спорных дел в арбитражных судах занимает 581 рабочий день, а судебные издержки достигают 42% от выигранной суммы¹.

Стоимость импорта одного контейнера груза в странах к югу от Сахары составляет почти 2 тыс. долл., а экспорта – 1,6 тыс. долл. (в страны Южной Азии соответственно – 1,2 тыс. и 0,9 тыс. долл.).

Что касается политических рисков, то эта проблема достаточно широко известна.

Взятые в совокупности, все эти обстоятельства и объясняют, на мой взгляд, почему проблемы развития российско-африканского сотрудничества не достигли ни в России, ни в Африке ранга национальной значимости и приоритетности. Тем не менее, движение в этом направлении в последнее время ускоряется.

Товарооборот России с Африкой в 2007 г. составил 6,7 млрд. долл. против 1,7 млрд. долл. в 2000 г. и 930 млрд. долл. в 1995 г. На Африку приходится 4% прямых зарубежных инвестиций России (это порядка 2 млрд. долл.). Заявленные капиталовложения российских компаний в Африке достигают 8-9 млрд. долл. Наиболее динамично развиваются отношения с успешно развивающимися африканскими странами (главным образом со странами Северной Африки) и странами с богатыми сырьевыми ресурсами. Именно в сотрудничестве в горнодобывающей области нашли четкое отражение и специфика, и динамика развития российско-африканских торгово-экономических отношений на современном этапе.

Становится все более очевидным, что XXI век станет веком ожесточенной борьбы за ресурсы. По всем прогнозам спрос на сырье уже в середине века возрастает на 50-60%². И это несмотря на ресурсосберегающие технологии. ТНК продолжают наращивать усилия с целью овладения новыми месторождениями нефти и других видов

¹ UNCTAD. Economic Development in Africa. Reclaiming Policy Space. Domestic Resource Mobilization and Development. N.Y. and Geneva, 2007. – P. 46-53.

² Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации.

сырья по всему миру. Правительство США увеличивает ассигнования на геологоразведочные работы, которые на 60-70% финансируются за счет госбюджета.

В России проблема обеспеченности народного хозяйства сырьевыми ресурсами осложняется. По мнению министра природных ресурсов Ю.П. Трутнева, высказанному им на заседании правительства еще в 2005 году, разведанных запасов сырья стране хватит лишь до 2015 г.

Каковы пути поддержания обеспеченности страны, ее экономики природными ресурсами? Конечно, в первую очередь необходимо искать решение этого вопроса внутри страны: установление строгого порядка природопользования, увеличение капиталовложений на цели воспроизводства запасов природных ресурсов, внедрение ресурсосберегающих технологий и т.д.

Но в новых условиях этот путь не является оптимальным. Целый ряд обстоятельств вынуждает нас рассмотреть возможности использования внешних источников пополнения отечественной ресурсной базы. Среди них:

- Большинство российских месторождений расположено в северных широтах и зачастую необитаемых районах. Их освоение и эксплуатация связаны с огромными затратами и средств, и времени.

- Отечественные месторождения находятся в районах с легко уязвимой экологией. И порой горнодобыча здесь несовместима с сохранением жизненно необходимой экологической среды.

- Высокая себестоимость добычи сырья существенно снижает конкурентоспособность российской промышленности.

- Интеграция России в мировую экономику, расширение участия российского производственного, финансового, информационно-коммуникационного комплексов в глобализационных процессах увеличиваются. И было бы противоестественно не использовать открывающиеся в этой связи новые возможности, весь потенциал наших внешнеэкономических связей, приобретающего глобальный характер.

- И, наконец, пора нам принять на вооружение принцип необходимости откладывать на максимально возможный срок разработку собственных ценных месторождений и черпать ресурсы из недр зарубежных стран.

Африка по многим параметрам представляется естественным выгодным партнером России в деле решения наших проблем:

- Континент щедро одарен природными ресурсами.

В недрах континента: хромитов – 81% мировых разведанных запасов, кобальта – 60%, марганца – 61%, алмазов – 39%, золота – 37%, фосфатов – 76%, урана – 25%¹.

На долю стран Африки приходится: 92% мировой добычи платины, алмазов – 70%, хромитов – 70%, марганца – 35%, кобальта – 34%, бокситов – 16%, ванадия – 80%, титана – 15%².

На Африку приходится 55% поставок фосфатов на мировой рынок (в т.ч. на долю Марокко – ок. 70%).

Африканские месторождения, как правило, достаточно легко доступны и отличаются высоким содержанием. Так, удельный вес марганца в российских месторождениях составляет 20%, а в месторождениях Буркина Фасо – 51%, Габона – 50%, ЮАР – 45%; хрома: в России – 30,5%, в Сьерра-Леоне – 44%, в Кот д'Ивуаре – 40%³.

¹ Лопатов В. Экспортно-импортный потенциал стран Африки. – М. 2006. – С. 103-104.

² Там же.

³ Данные ОАО «Зарубежгеология».

Уровень рентабельности американских и западноевропейских филиалов ТНК в сфере горнодобычи превышает 28%¹.

- Россия обладает устойчивыми благоприятными политическо- дипломатическими позициями на континенте.

- Российские геологи имеют большой опыт работы в Африке, обладают уникальными знаниями о геологическом строении многих ее регионов.

- Африканские страны предлагают, как правило, выгодный режим для зарубежных инвесторов в горнодобычу.

- Инвестиционная привлекательность континента в последние годы существенно возрастает. Повышение цен на сырье позволило странам континента ускорить темпы развития (до 5-7% в год).

Но никто и нигде не ждет российский бизнес с открытыми объятиями. Африка – континент острой конкурентной борьбы, особенно в горном секторе. На континенте задействованы все крупнейшие мировые ТНК. Только в Африке к югу от Сахары (искл. ЮАР) действуют 420 крупных филиалов монополий, из которых 60% являются западноевропейскими)². Быстро наращивают свои позиции Китай, Индия, Бразилия.

Тем не менее, в Африке в целом успешно действуют в области горнодобычи российские компании. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует приводимая ниже таблица. (Следует учитывать, что приводимые в ней данные не являются исчерпывающими.)

Российские компании в Африке

Название компании	Сфера деятельности	Страны Африки	Объем заявленных капиталовложений
«Ренова»	Добыча марганца	ЮАР, Габон	1-1,5 млрд. долл.
«Евраз»	Добыча ванадия	ЮАР	1 млрд. долл.
«Алроса»	Добыча алмазов, нефти, гидроэнергетика	Ангола, Сьерра-Леоне, Дем. Респ. Конго	Более 1 млрд. долл.
«Русал»	Добыча бокситов, производство алюминия	Гвинея, Нигерия	Более 1 млрд. долл.
«Газпром»	Добыча газа, нефти	Алжир, Нигерия, Ливия	до 2-х млрд. долл.
«Лукойл»	Нефтедобыча	Ангола, Ливия, Алжир	1 млрд. долл.
РЖД	Строительство железных дорог	Алжир, Ливия	Более 100 млн. долл.

Россия далеко отстает от западных стран в том, что касается государственной поддержки отечественных экспортеров товаров и капиталов. В развитых странах на финансовую поддержку экспорта тратится в среднем 0,35% ВВП. В российском бюджете на 2006 г. на эти цели было предусмотрено 0,15% ВВП, а фактически использована лишь часть выделенных средств³.

¹ Hugon Ph. Geopolitique de l'Afrique, 2006. – P. 61.

² Hugon Ph. L'économie de l'Afrique, 2006. – P. 49.

³ Журнал «Вопросы экономики». – 2007. – № 5. – С. 112.

Уставный капитал Росэксимбанка – официального агента правительства, обеспечивающего поддержку экспорта в Российской Федерации, составляет около 40 млн. долл., а Эксимбанка Китая – 408 млн. долл. Давно назрел вопрос создания государственного агентства помощи развитию как органа по продвижению и поддержке российского экспорта капиталов и товаров.

Уже давно стоят в Повестке дня вопросы кардинального повышения стимулирующей роли внешнеэкономической политики, включающей поддержку российских компаний на всех этапах подготовки и осуществления экспортной деятельности; использование применяемых в мировой практике инструментов стимулирования экспорта и зарубежных инвестиций (финансовых, организационных, рекламно-маркетинговых, торгово-экономических, лоббистских, информационно-консалтинговых и др.; активизацию двусторонних и региональных (а те только с ВТО) переговоров с целью достижения преференциальных режимов для российско-африканских операций); борьбу за предупреждение и отмену ограничительных по отношению к российскому бизнесу мер, предпринимаемых иностранными государствами, и др.

Важнейшим условием результативности этих мероприятий является принятие стратегии внешнеэкономической деятельности государства с определением национальных и региональных приоритетов. Причем наряду с ЕС, СНГ, Китаем для России очень важно четко позиционироваться и по отношению к ближневосточному, африканскому, латиноамериканскому регионам, роль и значимость которых для мировой экономики и с точки зрения интересов России стремительно возрастают.

ИНТЕРВЬЮ**Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла
Государства Палестина в РФ д-ра Фаед Мустафа
для «Казанского журнала международного права»**

«КЖМП»: Какова позиция палестинской стороны по вопросу подписания Римского Статута, который был принят для создания Международного Уголовного Суда?

Посол Ф.Мустафа: Следует подтвердить вообще, что палестинская сторона уважает международное право и прилагает все усилия для выполнения всех резолюций международной законности, поскольку видит в этом гарантию реализации (международной) стабильности и мира в международном масштабе. И в этой связи Палестинская Национальная Администрация (ПНА) в январе 2009 г. официально признала Римский Статут, представив все необходимые для этого документы, и заявила о присоединении к Международному Уголовному Суду, учрежденному в 2002 г. на основе Римского Статута 1998 г.

В феврале 2009 г. министр юстиции Палестины г-н Али Хашан и министр иностранных дел Палестины г-н Рияд Малики посетили штаб-квартиру Международного Уголовного Суда в Гааге, встретились там с Прокурором Международного Уголовного Суда г-ном Луисом Окампо и представили ему все необходимые документы для признания Римского Статута; они заявили о желании (вступить в члены) присоединиться к Международному Суду и о готовности выполнять обязанности одного из судей Международного Уголовного Суда на всей (региональной) территории (региона) Палестины.

Однако до сих пор не принято окончательного решения по этому заявлению, и мы продолжаем ожидать решения о полноправном членстве Палестины в Международном Уголовном Суде.

«КЖМП»: Какова официальная позиция Палестинской Национальной Администрации по «Докладу Голдстона»?

Посол Ф.Мустафа: С самого начала войны, развязанной Израилем против Сектора Газа в декабре 2008 г., Палестинская Национальная Администрация стремилась к проведению международного расследования преступлений, совершенных Израилем, во время этой агрессии. Усилия ПНА в данный период привели к принятию Комитетом по правам человека при ООН решения о создании для этой цели Международной комиссии по расследованию под председательством судьи Ричарда Голдстона.

ПНА официально приветствовала принятие Комитетом по правам человека в октябре 2009 г. отчета по расследованию преступлений израильской агрессии в Секторе Газа. ПНА сочла это подтверждением международной позиции в поддержку (законных) прав палестинцев.

ПНА полностью сотрудничала с Комиссией независимых экспертов, и по решению Президента Государства Палестина г-на Махмуда Аббаса была создана Независимая палестинская комиссия по расследованию под председательством судьи Исса Абу Шарар в качестве ответа на рекомендации «Доклада Голдстона». Палестинская комиссия полностью сотрудничала с международными экспертами.

ПНА призвала к продолжению эффективной реализации рекомендаций «Доклада Голдстона» с тем, чтобы это стало прецедентом в деле защиты палестинского народа от продолжающихся агрессивных действий Израиля против палестинцев; ПНА также потребовала преследования убийц и преступников, где бы они не находились, иначе они уйдут от ответственности. ПНА заявила, что палестинский народ не простит мировому сообществу, если убийцы и преступники уйдут от справедливого наказания (действия закона).

ПНА будет следить за расследованием этого вопроса на очередном заседании Комитета по правам человека в марте 2011 г.

«КЖМП»: Какова позиция палестинской стороны относительно невыполнения рекомендации Гаагского Суда по вопросу разделительной стены, которую соорудил Израиль? Что необходимо для выполнения этого решения?

Посол Ф.Мустафа: Разделительная стена, строительство которой Израиль начал в 2002 г., разрывает связи оккупированного Западного Берега, превращая его в некий анклав и «кантоны», поскольку длина стены при завершении ее строительства составит 810 км, т.е. она вдвое превысит «Зеленую линию», разделяющую Израиль и палестинские территории, оккупированные в 1967 г.

На сегодняшний день построено 500 км этой стены, и 99% стены находится над и внутри палестинских территорий, оккупированных в 1967 г., что означает, что аннексировано и конфисковано еще больше палестинских территорий под предлогом «полосы безопасности» и других невнятных аргументов.

На основе заявления палестинской стороны Генеральная Ассамблея ООН 03.12.2003 г. направила Ноту в Международный Суд (в Гааге) с требованием вынести рекомендательное мнение по вопросу строительства стены.

Исходя из этого Международный Суд начал свою работу и завершил ее принятием рекомендательного мнения 09.07.2004 г., которое заключалось в том, что строительство стены было признано незаконным, скрывающим право палестинского народа на самоопределение, препятствующим созданию палестинского государства и представляющим собой нарушение прав человека и международного гуманитарного права. В постановлении Международного Суда содержался призыв к Израилю прекратить строительство стены, демонтировать уже построенную ее часть и вернуть состояние территорий к положению до строительства стены с компенсацией ущерба, нанесенного строительством стены.

20.07.2004 г. Генеральная Ассамблея ООН вновь собралась на заседание, где проголосовала в пользу рекомендательного мнения Международного Суда преобладающим большинством в 150 государств.

ПНА сочло постановление Международного Суда победой законности, к которой призывают палестинцы, а также международным и юридическим единодушием в отношении несостоятельности всех мер (действий), предпринимаемых Израилем на оккупированных палестинских территориях.

Что касается Израиля, то он, как обычно, отказался сотрудничать по этому вопросу под предлогом отсутствия у Международного Суда полномочий рассматривать вышеуказанную проблему.

Невыполнение рекомендательного мнения Международного Суда на фоне международного единодушия по вопросу стены, безусловно, расстроило палестинцев, как расстроило и всех тех, кто стремится применять (реализовать) международное право.

«КЖМП»: Какова в целом официальная позиция Палестины относительно нынешнего состояния международного права? Каковы основные вопросы, вызывающие гнев палестинцев? Какие области международного права, по Вашему мнению, следует улучшить и подкорректировать?

Посол Ф.Мустафа: Мы считаем, что нет проблемы, которой международное право, мировая общественность и международная законность занимались бы больше, чем палестинской проблемой, как нет проблемы, по поводу которой принималось бы больше резолюций, чем по поводу палестинской проблемы.

А результат по сей день все тот же, поскольку палестинский народ продолжает страдать от изгнания, от оккупации, от угнетения, от состояния беженца. Палестинское руководство и палестинский народ в целом обращаются к закону в этом мире и не требуют больше, чем выполнение резолюций международной законности.

Больше всего палестинцев беспокоит ощущение того, что существует двойной стандарт в отношении выполнения резолюций мирового сообщества и международной законности, так, что одна сторона выполняет эти резолюции, а другие стороны их не выполняют. И когда палестинцы начинают считать огромное количество резолюций, принятых против Израиля, из которых он не выполнил ни одну резолюцию, то у палестинцев создается мнение, что Израиль ведет себя так, как будто он является государством над международным правом и к нему применяются такие мерки, какие не применяются ни к кому больше.

Такое положение дел вызывает сожаление у палестинцев, перебирающих в памяти свои бесконечные страдания, которым не видно конца.

То, что необходимо сделать в этой ситуации, это, безусловно, развивать систему (механизм) выполнения резолюций ООН и международного права и подчинить данным резолюциям всех без исключения, применяя наказание в отношении той стороны, которая саботирует международное право и отказывается выполнять резолюции международной законности. Только в таком случае с международным правом будут считаться, и только таким образом мы дадим надежду более слабым на то, что осуществление справедливости в этом мире возможно.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ**АКАДЕМИК В.Г. СОЛОДОВНИКОВ**

Посол СССР Василий Григорьевич Солодовников – личность историческая.

В качестве главы и члена советских делегаций в ООН Василий Григорьевич принимал участие в создании важнейших международно-правовых актов, в частности, Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В 1963 году он был представителем СССР в Совете Безопасности ООН, когда была принята Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

В 1970-х годах В.Г. Солодовников был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Замбии. Но чтобы понять значение этого поста нужно вспомнить, что в то время Замбия была практически единственной независимой страной Юга Африки. Если же учесть, что СССР внес решающий вклад в поддержку национально-освободительных движений ЮАР, Намибии, Зимбабве, Мозамбика, Анголы и осуществлялась она, естественно, в основном через Замбию, то Василий Григорьевич Солодовников был, конечно, больше, чем простой посол в отдельно взятой стране.

Ниже мы публикуем выдержки из мемуаров Василия Григорьевича, связанных с его международно-правовой и дипломатической деятельностью, а также интервью с ним, которое взял заместитель главного редактора КЖМП А.Мезяев.

*****В.Г. Солодовников о принятии Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам**

Наиболее ярко справедливая и гуманная политика СССР, направленная на ликвидацию колониальной системы, проявилась на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., когда Советский Союз так же, как и в Лиге Наций в 1936 г., стал инициатором осуждения колониализма и вынес на обсуждение проект Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В этом проекте говорилось:

«1. Немедленно предоставить всем колониальным странам, подопечным и другим самоуправляющимся территориям полную независимость и свободу в строительстве собственных национальных государств согласно свободно выраженным воле и желанию их народов. Колониальный режим, колониальная администрация во всех ее видах должны быть упразднены полностью с тем, чтобы предоставить народам таких территорий возможность самим определять свою судьбу и формы государственного управления. 2. Ликвидировать все опорные пункты колониализма в виде владений и арендованных районов на чужих территориях. 3. Правительства всех стран призываются строго и неуклонно соблюдать в отношениях между государствами положения Устава ООН и настоящей Декларации о равенстве и уважении суверенных прав и территориальной целостности всех без исключения государств, не допуская никаких проявлений колониализма, никаких исключительных прав или преимуществ для одних государств в ущерб другим государствам»⁶.

Против советского предложения выступали США и их западные союзники. Однако подавляющее большинство делегаций высказалось за обсуждение этих предложений на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. На XV сессии, впервые за всю историю ООН, проамериканский «механизм большинства» не сработал. Это стало возможным в силу коренных перемен в мире, особенно в Африке. В течение 1960 г. 17 стран Африки добились независимости и 15 из них к этому времени стали членами ООН, что изменило в ООН соотношение политических сил. В поддержку советского

предложения выступили многие делегации стран Азии и Африки, в том числе главы государств и правительств: Неру, Насер, Сукарно, Кастро, Секу Туре и другие. Чтобы не допустить его провала 43 делегации афро-азиатских стран предложили свой проект Декларации, учитывавший основные положения советского проекта. Делегации развивающихся стран – авторы проекта Декларации, – вынуждены были считаться с позицией западных стран, чтобы добиться единодушного одобрения Декларации и поэтому немного ослабили формулировки, содержащиеся в советском проекте.

14 декабря 1960 года состоялось голосование по обоим проектам декларации. Хотя советский проект получил поддержку развивающихся стран, он не собрал необходимого большинства голосов: 32 голоса, против 35 при 30 воздержавшихся. Проект, внесенный 43 афро-азиатскими странами, был принят 89 голосами, в том числе всех социалистических государств. Воздержались всего 9 делегаций – США, Англии, Франции, Бельгии, Испании, Португалии, ЮАС, Австралии и Доминиканской Республики.

Обсуждение советского предложения на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН превратилось в моральное и политическое осуждение стран, которые продолжали удерживать народы в колониальной зависимости. С этого момента моральный и политический авторитет западных стран в «третьем мире» был значительно ослаблен. Политика социалистических стран, направленная на поддержку национально-освободительных движений, включая предоставление материальной помощи и поставки вооружения, получила **международно-правовое** обоснование.

«Воздержавшиеся» от голосования страны открыто саботировали декларацию, стремились любыми средствами продлить колониальное господство, обогащение за счет эксплуатации* и нищеты колониальных народов, в том числе путем вооруженного подавления воли колониальных народов к независимости и свободе.

Франция продолжала крупномасштабную войну в Алжире. В 1961 г. имела место агрессия США в Бизеруе (Тунис). Португалия вела колониальные войны против народов Анголы, Мозамбика, Кабо-Верде и Гвинеи-Бисау вплоть до 1975 г. Бельгия вмешивалась во внутренние дела Конго (Заир). Англия в 1965 г. вооруженным путем подавила восстание на Маврикии. Жестокую политику проводил режим апартеида в Южной Африке против африканского народа в собственной стране и в Намибии. Особо следует сказать о крупномасштабной агрессии США во Вьетнаме.

Такой была реакция США и их западных европейских союзников на декларацию ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой большинством стран – членом ООН.

Чтобы картина с принятием Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам была полной, следует добавить, что по инициативе развивающихся стран при поддержке социалистических стран в 1961 г. с целью реализации основных положений Декларации был образован Специальный комитет ООН по ходу осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, известный также как Комитет по деколонизации, или Комитет 24-х (по числу его членов). В 1961-1964 гг. мне довелось работать в Секретариате ООН в должности директора отдела промышленного развития, а затем заместителя Постоянного представителя СССР и ООН. Я был участником ряда дебатов в ООН по колониальным вопросам, свидетелем того, как ряд западных держав пытался воспрепятствовать реализации мер по искоренению колониализма и неоколониализма.

11 июля 1963 г. лидеры африканских стран – членом Организации африканского единства (ОАЕ) обратились в Совет Безопасности ООН с требованием обязать Португалию в соответствии с Декларацией ООН незамедлительно предоставить независи-

мость народам ее колоний в Африке. Обсуждение проекта резолюции ОАЕ было очень острым. США, Англия, Франция пытались вообще снять его с обсуждения. Советская делегация заявила, что будет голосовать за проект резолюции в ее первоначальном виде. Выступая по мотивам голосования, я отметил значение резолюции в плане деколонизации Африки, изложил принципиальную позицию СССР по вопросу ликвидации колониализма. Голосование состоялось 31 июля. За принятие резолюции проголосовали члены Совета из Бразилии, Венесуэлы, Ганы, Марокко, Норвегии, СССР и Филиппин. Несмотря на то, что в проекте резолюции были учтены позиции делегаций Англии, США и Франции, они воздержались от голосования.

На XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1963) была принята Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Мне в качестве члена советской делегации на этой сессии ГА ООН довелось участвовать в работе Социального комитета Генеральной Ассамблеи ООН, где обсуждался проект Декларации. Дискуссия была острой. Расстановка сил была такой же, как и при голосовании по Декларации о независимости. В 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Конвенцию О пресечении преступления апартеида и наказании за него. К 1980 г. ее подписали 80 государств. США и их западные союзники отказались. Органы Генеральной Ассамблеи ООН одобрили 18 актов, осуждающих апартеид в Южной Африке, США не поддержали ни один из них.

ИНТЕРВЬЮ

с Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Замбия академиком Василием Григорьевичем Солодовниковым

А.Мезяев: Василий Григорьевич, Вы были на передовой зарождения и развития советско-африканских отношений как Посол Советского Союза в Замбии, как директор Института Африки Академии наук СССР... Какова, в целом, была политика СССР в Африке?

В.Солодовников: Я думаю, политика Советского Союза в Африке, в третьем мире, сыграла большую роль с момента образования СССР. Советское правительство было на стороне освободительного движения, оно выступало против колониального господства, против империализма. Очень много фактов, замечательных фактов. В 1930-х годах, когда Италия оккупировала Эфиопию, единственной страной в Лиге Наций, которая выступила против этой оккупации, был Советский Союз. Все остальные страны признали право Италии на оккупацию Абиссинии. И об этом факте вспоминал последний император Эфиопии Хайле Селассие. Кстати сказать, у меня с ним были хорошие отношения. Я с ним встречался три раза, первый раз в 1966 году посетил его в резиденции, состоялась интересная беседа, он очень много говорил о советско-эфиопских отношениях, и поскольку я был в то время директором Института Африки, а также председателем Советской ассоциации дружбы со странами Африки, в знак благодарности наградил меня золотой медалью с его собственным изображением. И особенно после Второй мировой войны Советский Союз на всех этапах оказывал поддержку национально-освободительным движениям – и в Азии, и в Африке, и фактически во всех странах, где колонизаторы сопротивлялись, не соглашались на политическое решение.

В этом году исполняется 50 лет исторической Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларации, которая была инициа-

рована советской делегацией. За эту Декларацию проголосовало подавляющее большинство стран ООН. Против оказалось всего 10 стран, среди которых были США, Англия, Франция, Италия, Португалия, Бельгия, Испания, Южная Африка, Доминиканская Республика и Австралия. Так что Советский Союз и политически, и материально очень широко поддерживал народы Африки. Мы бесплатно обучали студентов в наших вузах, бесплатно готовили военные кадры для национально-освободительных движений. Кстати сказать, недавно ушедший в отставку президент Южной Африки Табо Мбеки получил военное образование в Севастополе. У меня с ним было несколько встреч, мы друг друга знали, переписывались. Первое поколение национально-освободительных лидеров в странах Африки были людьми, которые имели очень тесную связь с Советским Союзом. Джошуа Нкомо много раз посещал Советский Союз, был в Центральном Комитете, в Комитете солидарности, в Институте Африки. Мы поддерживали его в той борьбе, которую он возглавлял как лидер ЗАПУ – Патриотического фронта Зимбабве. Советский Союз оказывал огромную материальную помощь. Можно сказать, что Советский Союз внес решающий вклад в освобождение стран Африки. В связи с этим могу сказать, что я награжден Высшим орденом Южно-Африканской Республики за выдающийся вклад в деколонизацию Африки и борьбу с апартеидом. Но я считаю, что это награда относится не персонально ко мне, а к Советскому Союзу, ко всем африканистам, прежде всего, Институту Африки, за выдающийся вклад в деколонизацию.

А.Мезяев: Василий Григорьевич, Вы были Чрезвычайными Полномочным Послом Советского Союза в Замбии... Как устанавливались дипломатические отношения СССР с независимой Замбией? Как начинались наши отношения? Всегда ли советско-замбийские отношения были безоблачными или бывали и сложные времена?

В.Солодовников: Дипломатические отношения СССР с Замбией были установлены в октябре 1964 года. Меня в то время только что назначили директором Института Африки. Так что непосредственного отношения в установлении дипломатических отношений я не принимал.

Самые сложные времена были до моего назначения, можно сказать в первые месяцы. А затем отношения Замбии с Советским Союзом до 1974 года были идеальными. Мы сотрудничали, шел широкий обмен делегациями, мы занимали одинаковые позиции по международным проблемам, в частности по проблемам освобождения Юга Африки, освобождения португальских колоний. Но когда в 1975 году новое португальское правительство, пришедшее на смену профашистскому правительству, предоставило независимость Анголе, то там началась гражданская война между отдельными фракциями... Конечно, решающий вклад в освобождение Анголы внесла НПЛА во главе с Агостиньо Нето. Эта организация вела национально-освободительную борьбу, но Запад, в том числе и США, поскольку эта организация сотрудничала с СССР и получала от нас материальную и политическую поддержку, решили ослабить наше влияние. Были созданы два альтернативных движения, якобы за освобождение, – это ФНЛА, она базировалась в соседней территории Заира, и фактически лидер ФНЛА был платным агентом ЦРУ, и они даже создали там правительство в изгнании, хотя никакой реальной борьбы против Португалии не вели. Была еще одна фракция – антисоветская фракция УНИТА во главе с Савимби. И вот когда было объявлено о предоставлении независимости, в октябре 1975 года между этими фракциями началась гражданская война. И Савимби, и его боевики из УНИТЫ начали кампанию по разрушению страны, они нанесли повреждения железной дороге, по которой Замбия поставляла медь в порты Анголы. А ведь медь для Замбии являлась приоритетной статьей дохо-

да, порядка 90% выручки экспорта. И вследствие этого подрыва начались серьезные экономические трудности. Президент Замбии К.Каунда был заинтересован как можно скорее разрешить ангольский вопрос. Он начал выступать вместе с американцами за коалиционное правительство, чтобы в это правительство вошли УНИТА, НПЛА и ФНЛА на равных основаниях. И в данном случае НПЛА была в меньшинстве, те две были прозападными группировками, а эта просоветская. Каунда стал поддерживать американское правительство в предложении о коалиционном правительстве из всех трех группировок, а мы поддерживали НПЛА. И с этого момента, с октября 1975 года, наши отношения с Замбией были испорчены, и в итоге в Замбии развернулось антисоветское движение. Советский Союз начали обвинять во вмешательстве во внутренние дела не только Анголы, но и всей Африки, в том числе Замбии. А в Замбии против новой политики Каунды начала выступать молодежь, особенно студенты. Они были против поддержки американского предложения и фактически против НПЛА, и дело дошло до того, что пришлось закрыть университет.

Наши отношения были испорчены, и они обвиняли нас в том, что под нашим влиянием студенчество начало выступать против Каунды, против политики правительства. Дело дошло до того, что наш корреспондент, который в это время находился там, был выслан из Замбии за то, что снабжал студентов литературой. Он не агитировал, а просто передавал им литературу. То есть отношения были очень тяжелые. Они, правда, начали улучшаться примерно с марта месяца, в связи с тем что, американцы в это время оказали очень серьезную поддержку Родезии, и Каунда понял, что его втянули в политику, которая противоречит интересам Замбии, и стал отходить от нее. Уже в марте 1976 года были установлены отношения между правительством Анголы во главе НПЛА и Замбии. И когда я приехал в июле, отношения были более-менее нормализованы, но не до конца. Пресса еще продолжала публиковать антисоветские заявления. Когда я уезжал в Замбию из Москвы, заведующий третьим африканским отделом МИДа В.А. Устинов мне сказал: «Василий Григорьевич, не вмешивайся в эти дела, сиди там спокойно, потому что Каунда был куплен американцами, мы ничего там сделать не сможем». Однако когда я приехал и стал знакомиться с реальной ситуацией и, в частности, встретился с лидерами национально-освободительных движений А.Нето, О.Тамбо, С.Нуйомой из Юго-Западной Африки, они все мне подтвердили, что Каунда готов к улучшению отношений с Советским Союзом, если СССР проявит со своей стороны как великая держава инициативу в этом отношении. Перед вручением верительных грамот я направил телеграмму в МИД. А речь при вручении верительной грамоты готовится в МИДе, и я как посол не имею права ее менять. Зачитываю ее, и все. И вот перед вручением верительных грамот я посылаю телеграмму в Москву и прошу разрешения дополнить мою речь двумя абзацами, в которых хочу сказать, что мы высоко ценим политику Замбии в отношении национально-освободительных движений Африки, что Советский Союз готов к решительному улучшению отношений с Замбией. В посольстве мою инициативу не поддержали. Мне говорили: поскольку ваша речь была написана третьим африканским отделом, они в штыки примут ваше предложение и вы с самого начала испортите свои отношения с этим отделом. Но к моему удивлению, через пару дней пришел краткий ответ за подписью заместителя министра – согласны. Я был поражен, что они так быстро согласились, и в посольстве к этому изменили отношение. И действительно, я в своей речи, когда вручал верительные грамоты, об этом сказал. И президент Каунда ответил, что Замбия выступает за самые широкие отношения с Советским Союзом. На Западе была очень негативная реакция на заявление Каунды и на мое заявление. И вот после этого нам стало работать легче, но не до конца, потому что реакция на антисоветское движение оставила какой-то след

и некоторые ведомства к нам все еще относились с опаской. Только после того, как в сентябре я выступил с заявлением о политике США на Юге Африки и на это очень негативно отреагировали в США, наши отношения значительно улучшились, и до конца моего прибытия отношения были хорошими, доверительными.

А.Мезяев: Хотелось бы узнать ваше мнение о ярких личностях в истории Африки, о президенте Кеннете Каунде. Насколько я знаю, Вы были с ним в хороших дружеских отношениях...

В.Солодовников: Действительно так. Наши отношения были дружескими и доверительными, хотя многие западные спецслужбы пытались разъединить нас, нанести ущерб нашим отношениям, распространяли всякие небылицы, в частности, в английских газетах была опубликована провокационная статья о наших отношениях. Все это были выдумки, и когда об этой статье узнал президент, было сделано специальное правительственное заявление относительно того, что это ложь и этого никогда не было, наши отношения были всегда доверительными, хорошими. Я считаю, что Каунда – великий человек, он многое сделал для Замбии. Население Замбии неоднородное, смешанное, как в нашей стране, и требуется очень деликатное отношение, чтобы примерить все народности. Каунда сумел это сделать, он имел очень широкую поддержку во всей стране и большой авторитет в мире, особенно в Африке, он был одним из инициаторов создания Организации Африканского Единства, то есть с момента образования независимой Замбии в 1964 году. Эта страна стала базисной страной для всех национально-освободительных движений Юга Африки, там находились штаб-квартиры Ангольского национально-освободительного движения, освобождения Намибии и национально-освободительных движений Южной Африки. Кроме того, там были военные тренировочные лагеря всех национально-освободительных движений, и мы сотрудничали в этом вопросе, поставляли оборудование для обороны. Они находились на территории Замбии и оказывали очень большую политическую и материальную помощь. Там было много беженцев из этих стран, они бежали в Замбию, где было спокойно. Замбия во главе с президентом Каундой внесла огромный вклад в освобождение всех стран Юга Африки.

А.Мезяев: Василий Григорьевич, Вы упомянули о военной помощи СССР. Скажите, пожалуйста, насколько существенной была эта военная помощь? Как посол Вы наверняка участвовали в организации такой помощи?

В.Солодовников: Замбия получила независимость в 1964 году мирными средствами (без вооруженной борьбы), и когда я был послом, то мы поставляли оружие уже на коммерческой основе. Замбия уже была самостоятельным государством, и мы поставляли военную технику для обороны от нападений со стороны Южной Родезии. Родезийцы регулярно наносили удары по лагерям национально-освободительных движений, которые находились на территории Замбии. От этого страдало население, были потери среди членов национально-освободительных движений Зимбабве и мирного населения Замбии. Каунда в 1967 году для укрепления обороны против налетов Родезии обратился к Англии, чтобы закупить там оружие. Англия сказала, что современное оружие не будет поставлять, а поставит только оружие, оставшееся после Второй мировой войны. Это Замбию не устроило, тогда они обратились к США, те им тоже отказали. (Я считаю, что этот поступок был правильным, потому что США оказывали военную помощь Родезии, а оказывать военную помощь двум противоборствующим сторонам – это преступление.) И вот уже когда он не смог получить оружие ни в Англии, ни в США, то обратился к нам. Это был 1977 год, у нас состоялась очень

доверительная встреча с Каундой, где эту историю он и рассказал... Каунда обратился с просьбой к СССР о поставке на коммерческой основе определенных видов вооружения, передал мне спецификацию, а я все это отправил в Москву. В 1978 году пришло сообщение из Москвы, что СССР готов поставить оружие, и с 1979 года начались поставки. Была направлена наша группа военных специалистов для обучения замбийских военных, как пользоваться этим оружием, были поставлены самолеты «МИГ-21», «катюши», а расчет производился кобальтом.

А.Мезяев: Можно сказать, что это оружие было в какой-то степени предотвращением нападения ЮАР на Замбию?

В.Солодовников: Я думаю, что да. После того, как мы поставили оружие, уже всякие нападения прекратились, они уже могли ответить соответствующим образом и самой Родезии. Но мы поставляли оружие национально-освободительным движениям, которые находились на территории Замбии. Здесь мы сотрудничали с Танзанией. Поставка оружия шла на морских судах до Танзании, потом оно разгружалось и хранилось на танзанийских складах, оттуда по железной дороге поступало в Замбию, и уже в Замбии его распределяли по лагерям национально-освободительных движений. Все расходы по разгрузке груза и по его хранению Танзания брала на себя, все расходы по доставке оружия для национально-освободительных движений от Дар-Эс-Салама до Замбии брала на себя Замбия. Мы только поставляли оружие в порт, там у нас было полное сотрудничество. Хотя в западной печати можно встретить информацию, что вроде данные страны были против, – это абсолютная ложь. Они как раз были заинтересованы в поддержке национально-освободительных движений и участвовали в этом.

А.Мезяев: Тем не менее, своим первым поступком в качестве посла Вы заслужили ненависть ЦРУ и в своих мемуарах написали статью, касающуюся попыток усложнить советско-замбийские отношения. Меня же привлекла вот такая фраза, которую вы написали о том, что подрывной деятельностью занимались не только ЦРУ, но и американская дипломатия. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этом...

В.Солодовников: Дело в том, что до того, как меня назначили послом, я был директором Института Африки и сторонником национально-освободительной борьбы и поддержки Африки, поддержки советской политики в Африке. Об этом много писали, со мной спорили. Когда наше правительство запросило агреман у замбийского правительства на мое назначение, агреман был дан. Но в окружении президента и в МИДе Замбии были агенты ЦРУ, и они немедленно сообщили американскому посольству, что правительство Замбии дало согласие, дало агреман на мое назначение послом. И эти же агенты ЦРУ сумели добиться, спровоцировали, чтобы сообщение о выдаче агремана было опубликовано в газете. А Вы как юрист знаете, что до объявления в стране назначения агреман остается доверительной информацией. А тут ее опубликовали в газете «Times of Zambia»! Дескать, послом СССР назначается Солодовников, и он будет оказывать влияние на Каунду и т.д. Это дало повод агентам ЦРУ, которые работали под крышей посольства США, начать кампанию против моего назначения. Я предполагаю, что было сфабриковано досье на меня и передано замбийскому правительству с требованием, чтобы они аннулировали агреман на мое назначение. И это вызвало большое замешательство в правительстве. Получилась очень странная вещь: я получил агреман, заказал билеты на отъезд в Замбию, а визу мне не дают. Когда осталось три дня до отлета, заведующий третьим африканским отделом В.А. Устинов уже понял, что тут что-то не так. И он звонит послу Замбии в Москве и говорит, как же так,

посол купил билеты скоро отлет, а визу вы не выдаете. Он отвечает, что следует чуток подождать, в Замбии большая бюрократия... Но правда через два дня я получил визу, а потом были опубликованы статьи в африканских газетах. Также были опубликованы статьи, что спецслужбы западных стран проинформировали свои правительства и правительства Замбии о моем назначении послом, поэтому я и сделал такой вывод, что посольство США было причастно к тому, чтобы помешать моему назначению послом в Замбии.

А.Мезяев: В.Г., из вашего рассказа видно, что вы были не только послом советского союза в Замбии, но можно даже назвать вас послом на всем юге Африки!..

В.Солодовников: Это не так. Хотя западная пресса именно писала, что я посол на всем Юге Африки. Но я не мог вмешиваться в дела других суверенных стран. Я был послом только в Замбии. Хотя, конечно, мои заявления оказывали влияние и на другие страны.

А.Мезяев: Если позволите, сейчас мы перейдем в ситуацию в Зимбабве. В этом году Зимбабве будет отмечать 30-летие своей независимости. В этой связи у меня первый общий вопрос: как Вы оцениваете достижения независимости в историческом процессе, учитывая, что это произошло только в 1980 году, через 20 лет, когда независимость завоевала основная часть государств?..

В.Солодовников: Я считаю, что в историческом плане победа национально-освободительных сил народов Зимбабве над мятежным правительством Яна Смита – это очень важное событие для всей Африки, особенно для юга Африки. Дело в том, что, как Вы сказали, это наступило после 20 лет после освобождения большинства стран Африки. Потому что Южная Родезия и Южная Африка до последнего момента оставались единственными бастионами США и других стран на Юге Африки. Мозамбик был освобожден, наши отношения с ним были очень хорошими. Кстати, я по приглашению их правительства был в составе делегации на провозглашении Дня независимости в 1975 году. Ангола, Замбия были с нами в хороших отношениях, оставалась только Южная Родезия, где США могли содержать свои вооруженные силы, свои базы, и поэтому освобождение стало ударом по политике США. Это в значительной степени предопределило и приблизило ликвидацию апартеида в Южной Африке. А это важнейший аргумент в пользу свободы Африки.

А.Мезяев: В своих мемуарах Вы пишете о том, что во время знаменитой Лондонской конференции в Ланкастер-Хаус делегация Зимбабве подвергалась не только давлению, но и шантажу. Не могли бы вы подробно рассказать, в чем это выразилось и какова была роль посла СССР в Замбии в этой ситуации...

В.Солодовников: Был 1979 год, когда шла эта конференция в Ланкастер-Хаус. Сильное давление оказывалось со стороны Англии и на Дж. Нкомо, и на Р.Мугабе. И дело доходило до того, что Южная Африка готовила свои вооруженные силы для нанесения удара по Зимбабве, если эта страна получит независимость. Замбия и советское правительство выступили со специальным предупреждением против такого шантажа. И более того, я посетил Генерального секретаря правящей партии в Замбии и передал ему это заявление.

А.Мезяев: Василий Григорьевич, Вы сказали, что не участвовали в установлении дипломатических отношений с Замбией. Но дипломатические отношения с Зимбабве установили от имени СССР именно Вы. Расскажите об этом подробнее, пожалуйста-

ста. Ведь установление дипломатических отношений с Зимбабве было одним из самых сложных в дипломатической истории СССР – Африка...

В.Солодовников: Это был уникальный случай. Переговоры об установлении дипломатических отношений затянулись с момента независимости (апрель 1980 года. – Прим. А.М.) до февраля 1981 года. Советское правительство немедленно признало независимость Зимбабве и направило высокопоставленную делегацию на провозглашение независимости. Возглавлял ее кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и заместитель Председателя Верховного Совета СССР Ш.Р. Рашидов, первый секретарь ЦК Узбекистана. В эту делегацию входил также заместитель министра иностранных дел Л.И. Ильичев, он как раз курировал Африку. Входил туда и заведующий третьим Африканским отделом МИДа В.А. Устинов. Были и другие члены делегации, и они ехали с проектом правительства СССР немедленно установить дипломатические отношения. По приезду они немедленно передали правительству Зимбабве документы с предложением установить дипотношения и обменяться послами. Но ответа не последовало. И не последовало даже встречи главы делегации Рашидова с премьер-министром Зимбабве Р.Мугабе, хотя в протоколе была записана эта встреча. Они потом выкручивались, объясняли, вот получилась какая-то накладка, что, мол, у него была другая встреча, он опоздал и т.д. Делегация СССР, не дождавшись встречи, улетела в Москву.

Но я не верю, что это была накладка. Это была умышленная демонстрация нежелания встречаться с советской делегацией и попытка задержать установление дипотношений. Хотя в общем они заявляли, что эти документы рассмотрят и мы, дескать, – «за». И когда делегация улетела туда, в состав делегации из посольства Замбии был отправлен второй секретарь Рашид Ибрагимов. Он там представлял наше посольство. И когда наша делегация улетела в Москву, он остался в Зимбабве, чтобы ждать ответа на наше предложение. Он прожил там примерно полторы недели, ответа никакого не было, и он вернулся обратно в Замбию. Вот так начинались наши отношения...

**Документы из личного архива Посла
В.Г. Солодовникова**

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Удостоверяет, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик уполномочило Солодовникова Василия Григорьевича, Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Республике Замбия, подписать обменное письмо об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами на уровне посольств между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Зимбабве.

Об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Зимбабве

Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Республики Зимбабве, руководствуясь желанием развивать отношения дружбы и сотрудничества в соответствии с принципами равноправия и взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, согласились в результате переговоров, имевших место в Солсбери между их представителями, установить с _____ с.г., дипломатические отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Зимбабве и обменяться дипломатическими представительствами на уровне посольств.

Обе стороны выражают уверенность в том, что они тем самым будут содействовать развитию международного сотрудничества, а также укреплению всеобщего мира.

Выражаю уверенность, что установление дипломатических отношений будет способствовать развитию всестороннего сотрудничества между СССР и Республикой Зимбабве.

Пользуясь настоящим случаем, я хотел бы засвидетельствовать Вам, Ваше Превосходительство, уверения в своем весьма высоком уважении.

По уполномочию Правительства СССР Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР В.Солодовников

« _____ » 1980 года

А.Мезяев: Но, тем не менее, в конце концов, эти отношения были установлены. А Вы были участником этой исторической саги. МИД СССР также направлял Вас в Зимбабве для решения данной проблемы. Вы любезно предоставили нашему журналу этот исторический документ о том, что МИД поручает вам подписать все необходимые документы об установлении дипломатических отношений.

В.Солодовников: Я думаю, эти переговоры были полезными, но они не привели к немедленному результату. Дело в том, что власти Зимбабве ставили неприемлемые для Советского Союза условия, в частности, они требовали, чтобы мы порвали отношения ЗАПУ, хотя Дж. Нкомо был назначен министром внутренних дел этого правительства, и ЗАПУ продолжал существовать. Более того, они требовали, чтобы мы выступили с осуждением Нкомо за его позицию во время национально-освободительной борьбы. Конечно, это для нас было неприемлемо. Я об этом окровенено заявлял, данную позицию Советский Союз не поддержит, но состоялся очень положительный обмен мнениями, были зафиксированы позиции сторон относительно условий установления дипотношений. Причем по моему предложению эти условия были официально зафиксированы, хотя я не имел на это полномочий, считал это чрезвычайно важным, потому что до этого мы все время получали информацию из прессы. А здесь были точно зафиксированы условия, на которых они согласны с нами установить дипотношения. Я подписал этот документ от имени МИДа, хотя имел от МИДа устный выговор за то, что я превысил свои полномочия. Ведь мне были даны полномочия только на подписание документов об установлении дипотношений, но не были даны полномочия на подписание других документов. Но я все-таки их подписал и объяснил, что сделал это умышленно. Я понимал, что нарушаю инструкцию МИДа, но это очень важно для будущего, чтобы было ясно, в чем проблема наших отношений с Зимбабве. А официаль-

но наши дипотношения были установлены и подписаны нашим послом в Мозамбике в феврале 1981 года. Так что это был случай уникальный, когда дважды пытались вести переговоры об установлении дипотношений. Первая попытка была со стороны высокопоставленной делегации Советского Союза на праздновании Дня независимости, вторая была моя, и только в третий раз удалось подписать документы. Вот так вот.

А.Мезяев: В своих мемуарах Вы пишете о некоем демарше президента Мозамбика Саморы Машела перед президентом Зимбабве Р.Мугабе, касающемся вопроса установления дипотношений с Советским Союзом. В чем заключался этот демарш?

В.Солодовников: Демарш заключался в том, чтобы Мугабе подписал это соглашение как можно быстрее. Это был его самостоятельный демарш, потому что он понимал, да и все понимали, нелогичность ситуации. Советский Союз внес решающий вклад в победу народа Зимбабве в достижение независимости остальных стран Юга Африки. И вдруг с ним не устанавливаются дипотношения, в то время как американцы, которые до последнего момента поддерживали мятежное правительство белого меньшинства, с ним немедленно установили отношения, с Англией установили отношения, со всеми установили отношения, кроме СССР. Правда, здесь еще мешали наши отношения с Китаем, потому что Р.Мугабе ориентировался на китайцев, и китайцы на него тоже оказывали какое-то воздействие, чтобы он тормозил отношения.

А.Мезяев: Василий Григорьевич, большое вам спасибо за ваши подробные ответы и разрешите поздравить вас с наступающим юбилеем независимости Зимбабве, потому что Вы внесли огромный вклад в эту борьбу, в эту победу.

В.Солодовников: Я вам очень благодарен! Очень рад, что еще остаются люди, которые продолжают интересоваться Африкой. Мы многое сделали для Африки, и она для нас. Африка нам очень нужна, как торговый партнер, как политический партнер. И я думаю, что нам надо развивать, укреплять отношения. В Африке очень много сторонников хороших отношений с Россией. И Вас поздравляю и желаю вам успехов на этом поприще. Всего вам доброго...

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

- ***Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.** Босния и Герцеговина: 15 лет после Дэйтонских соглашений
- ***Милошевич Б.** *Посол Югославии в России (1997-2001)*. К вопросу о причинах разрушения Югославии в 90-е годы прошлого века
- ***Михайлов Н.Г.** Трибуналы в Нюрнберге и Гааге: некоторые общие черты
- ***Ибрагимов А.М.** Банковские гарантии и урегулирование проблем международного банковского права
- ***Луппова А.** Международное спортивное процессуальное право: некоторые аспекты решения МСА по делу российских легкоатлетов
- ***Камнев Р.Г.** Международная обстановка и международное право: содержание, значение и виды международной обстановки
- ***Рафалюк Е.Е.**, Двухсотлетие Декларации Независимости Венесуэлы
- ***Аль-Ахмад А.**, Международно-правовые основы мирного урегулирования Ближневосточного конфликта
- ***Мезяев А.Б.**, Решение Международного трибунала по бывшей Югославии по делу В.Шешеля: Запрос об оправдании обвиняемого по правилу 98-bis
- ***Ястребова А.Ю.**, Международно-правовые аспекты миграционного сотрудничества стран евразийского пространства: опыт и перспективы

**Босния и Герцеговина:
15 лет после Дейтонских соглашений**

А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев¹

22 декабря 2009 г. Большой Палатой Европейского Суда по правам человека (в составе 17-ти судей) было принято Постановление по делу «Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины»². Суд признал, что Конституция Боснии и Герцеговины содержит положения, противоречащие международному праву. Конституция Боснии и Герцеговины содержит положения, дискриминирующие евреев и цыган, поскольку они не могут выдвинуть свои кандидатуры на выборах – как парламентских, так и президентских. Решения Большой Палаты Суда окончательны и не подлежат обжалованию.

Это во многом знаковое решение международного суда подняло очень много сложных и «неудобных» вопросов международного права. Чтобы разобраться в сути проблемы, необходимо обратиться к истокам, т.е. к Конституции Боснии и Герцеговины и историческим условиям ее принятия.

Босния и Герцеговина расположена на Балканском полуострове, территория ее составляет 51 тыс. км². Население – 4,6 млн. человек (по данным на 2009г.), большинство из которых боснийцы (славяне, принявшие ислам) – 39,5%, сербы – 32% и хорваты – 18,4%. Характеризуя национальный состав Боснии и Герцеговины, следует

¹ *Абашидзе Аслан Хусейнович* – д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, проф. МГИМО МИД РФ. *Солнцев Александр Михайлович* – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

² См.: Case of Sejdīč and Finčī v. Bosnia and Herzegovina (*Applications nos. 27996/06 and 34836/06*), Judgment 22 December 2009.

обратить внимание на его тесную взаимосвязь с распространением в стране религиозных конфессий. Боснийцы являются мусульманами, сербы – православными, а хорваты – католиками.

Босния и Герцеговина как самостоятельное государство было признано в 1992 г. Провозглашение независимости Боснии и Герцеговины от Социалистической Федеративной Республики Югославия привело к резкому обострению межнациональных противоречий, которые с апреля 1992 г. приобрели характер военных действий.

В урегулировании югославского кризиса и конституционном разрешении межэтнических конфликтов в Боснии и Герцеговине в 1991-1994 гг. активное участие принимали СБСЕ, ЕС и ООН. На завершающем этапе переговорного процесса решающая роль отводилась НАТО, которая в процессе урегулирования боснийского кризиса использовала все методы: от ведения переговоров, предъявления ультиматумов до использования вооруженных сил.

В период с апреля 1992 по февраль 1994 гг. на переговорах между представителями мусульманской, хорватской и сербской сторон международное сообщество предлагало несколько моделей территориально-государственного устройства Боснии и Герцеговины: от конфедерации до унитарного государства. В феврале 1994 г. переговоры между представителями конфликтующих сторон были вновь сорваны и инициатива урегулирования боснийского кризиса перешла к США. Было принято решение о создании контактной группы, возглавившей переговорный процесс. По ее инициативе была образована Федерация Босния и Герцеговина, объединившая в своем составе территории, контролируемые боснийцами (мусульманами) и хорватами. В соответствии с планом США Федерация Босния и Герцеговина должна была вести переговоры с Республикой Сербская.

С 1 по 21 ноября 1995 г. близ г. Дейтон (штат Огайо, США)¹ состоялись решающие переговоры, в основу которых были положены Согласованные базовые принципы от 26 сентября 1995 г. и соглашения о прекращении огня от 14 сентября и 15 октября 1995 г. 21 ноября были подписаны документы, вошедшие в историю как Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине. Они включают в себя 20 отдельных документов, 19 из которых являются приложениями к небольшому документу обобщающего характера под названием «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине». Приложения подразделялись на три блока: карты разделения Боснии и Герцеговины, военные аспекты урегулирования, гражданские вопросы. Среди гражданского блока вопросов большое значение имеет Приложение 4, которое содержит текст Конституции Боснии и Герцеговины. Поскольку Конституция является частью мирного договора, то она была разработана и принята без применения процедур, которые могли бы обеспечить демократическую законность. Это уникальный случай конституции, которая не была официально опубликована на официальном языке страны.

Следует подчеркнуть, что 200-летняя история конституционализма не имеет такой сложной и противоречивой процедуры принятия конституции. При подготовке и подписании Дейтонского соглашения, составной частью которого является Конституция Боснии и Герцеговины, применялись такие способы, как ведение переговоров, язык ультиматумов и применение вооруженных сил. Обращает на себя внимание и тот факт, что при подписании Дейтонского соглашения договаривающиеся стороны были лишены права вносить поправки и изменения в предъявленный им текст Конституции Боснии и Герцеговины и другие соглашения.

¹ Дейтонское мирное соглашение было парафировано на военной авиабазе США (Wright-Patterson Air Force Base) вблизи Дейтона 21 ноября 1995 г. и подписано в Париже 14 декабря 1995 г.

Принципиальное значение для понимания жизнеспособности и будущего Боснии и Герцеговины имеет конституционное определение ее государственно-территориального устройства. Конституция закрепляет федеративное устройство Боснии и Герцеговины и довольно сложную систему территориального деления страны с учетом проживания трех основных этносов – боснийцев, сербов и хорватов.

В соответствии с Конституцией Республика Босния и Герцеговина, получившая новое официальное название «Босния и Герцеговина», продолжает существовать согласно нормам международного права. Признается ее территориальная целостность в рамках международно-признанных границ, она остается государством -членом ООН. По Конституции Босния и Герцеговина разделена на две составные части единого государства (Образования) – Федерацию Босния и Герцеговина и Республику Сербскую. В преамбуле Конституции боснийцы, хорваты и сербы описываются как «государствообразующие народы». Остальные нации значились под термином «другие».

В соответствии с Конституцией Босния и Герцеговина является парламентской демократической республикой. Государственную власть осуществляют Парламентская ассамблея, Президиум и Совет министров. Согласно ст. IV Конституции Парламентская ассамблея состоит из двух палат: Палаты народов и Палаты представителей. Палата народов состоит из 15 депутатов, две трети которых – от Федерации (включая 5 хорватов и 5 боснийцев) и одна треть – от Республики Сербской (5 сербов). Функции главы государства исполняет коллегиальный орган – Президиум Боснии и Герцеговины (ст. V Конституции), который состоит из трех членов: одного боснийца и одного хорвата, каждый из которых избирается непосредственно от территории Федерации Босния и Герцеговина, и одного серба, избираемого непосредственно от территории Республики Сербская.

Таким образом, в Конституцию Боснии и Герцеговины при большом давлении США была заложена бомба замедленного действия, которая через 10 лет «успешно» сработала.

Граждан Боснии и Герцеговины этнический принцип не устраивал, поэтому они стали обращаться в Конституционный Суд. Отметим, что в ст. II § 2 Конституции говорится: «Права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней, имеют прямое действие в Боснии и Герцеговине. Они имеют преимущественную силу относительно всех других норм права»¹. Между тем, Конституционный суд Боснии и Герцеговины в решениях U 5 / 04 от 31 марта 2006 г. и U 13/05 от 26 мая 2006 г. постановил, что Европейская конвенция по правам человека не имеет приоритет над Конституцией. Суд отказал в удовлетворении жалоб, подчеркивая превосходство Конституции над международным правом².

Здесь важно отметить, что в Боснии и Герцеговине пытались провести конституционную реформу весной 2006 г. (в том числе касательно устранения дискриминации при выборах), но при голосовании в Парламентской ассамблее не удалось достичь консенсуса и собрать необходимое количество голосов.

¹ Ввиду принципиальности тезиса следует привести положение на языке оригинала: «The rights and freedoms set forth in the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols shall apply directly in Bosnia and Herzegovina. These shall have priority over all other law».

² «[I]n the present case an examination of conformity of certain provisions of the Constitution of BiH with the European Convention is requested, the Constitutional Court notes that the rights under the European Convention cannot have a superior status to the Constitution of BiH. The European Convention, as an international document, entered into force by virtue of the Constitution of BiH, and therefore the constitutional authority derives from the Constitution of BiH and not from the European Convention itself [...] The Constitutional Court must always hold on to the text of the Constitution of Bosnia and Herzegovina, which in the present case does not allow for wider interpretation of its jurisdiction, in view of the obligation of the Constitutional Court to «uphold this Constitution».

Параллельно с жалобами граждан международные организации (ООН в лице своих правозащитных органов, Совет Европы, ОБСЕ и ЕС) стали обращать внимание на дискриминационный характер некоторых положений Конституции.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. вступила в силу в отношении Боснии и Герцеговины 16 июля 1993 г. Статья 1.1 Конвенции гласит: «В настоящей Конвенции выражение «расовая дискриминация» означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни». При этом государства-участники обязуются запретить и ликвидировать расовую дискриминацию во всех ее формах и обеспечить равноправие каждого человека перед законом, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, в особенности в отношении осуществления «политических прав, в частности права участвовать в выборах – голосовать и выставлять свою кандидатуру – на основе всеобщего и равного избирательного права, права принимать участие в управлении страной, равно как и в руководстве государственными делами на любом уровне, а также права равного доступа к государственной службе» (ст. 5 (с) Конвенции).

Согласно ст. 9.1 Конвенции 1965 г. государства-участники обязуются представлять Генеральному Секретарю ООН для рассмотрения Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (орган независимых экспертов, созданный для наблюдения за осуществлением этой Конвенции) доклад о принятых законодательных, судебных, административных или других мерах, с помощью которых проводятся в жизнь положения Конвенции¹. При этом Комитет может делать предложения и общие рекомендации, основанные на изучении докладов и информации, полученных от государств – участников Конвенции. По итогам рассмотрения докладов Боснии и Герцеговины Комитетом 21 марта 2006 г. были сделаны «Заключительные замечания». Процитируем полностью п. 11, который касается исследуемого вопроса. «Комитет глубоко озабочен тем, что в соответствии со статьями IV и V Государственной конституции лишь лица, принадлежащие к группе, которая согласно закону является одним из «государственнообразующих народов» Боснии и Герцеговины (боснийцы, хорваты и сербы) и которая составляет доминирующее большинство в Образовании, где проживают эти лица (например, боснийцы и хорваты в Федерации Босния и Герцеговина, а также сербы в Сербской Республике), могут избираться в Палату народов и состоящий из трех членов Президиум Боснии и Герцеговины. Таким образом, существующая законодательная структура исключает возможность избрания в Палату народов и Президиум лиц, относящихся к «другим» группам, т.е. лиц, принадлежащих к другим национальным меньшинствам или этническим группам помимо боснийцев, хорватов или сербов. Хотя трехсторонняя структура основных политических учреждений государства-участника, возможно, была оправдана или даже первоначально необходима для установления мира после вооруженного конфликта на территории государства-участника, Комитет отмечает, что правовые различия, которые благоприятствуют некоторым этническим группам и дают им специальные привилегии и особые права, несовместимы со статьей 1 и пунктом с) статьи 5 Конвенции. Комитет далее отмечает, что это в первую очередь касается тех случаев, когда необходимости в предоставлении специальных

¹ Подробнее о деятельности Комитета см.: Организация Объединенных Наций и защита прав человека: Монография / Под ред. А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2009. – С. 79-86.

привилегий и особых прав более не существует (п. 4 ст. 1 и п. с) статьи 5). Комитет настоятельно призывает государство-участника продолжить работу по внесению поправок в соответствующие положения Государственной Конституции и Закон о выборах с целью обеспечения равного осуществления права избирать и быть избранным для всех граждан, независимо от их этнической принадлежности».

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. вступил в силу в отношении Боснии и Герцеговины 6 марта 1992 г. Статья 2 § 1 Пакта содержит общее обязательство государств-участников «уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Также применительно к рассматриваемому делу запрет дискриминации содержится в ст. 25 и ст. 26 Пакта¹. Комитет по правам человека – орган независимых экспертов, созданный для наблюдения за осуществлением Пакта, на основании рассмотрения государственных докладов принял 22 ноября 2006 г. «Заключительные замечания» по Боснии и Герцеговине, в § 8 которых говорится: «Комитет обеспокоен тем, что после отказа внесения соответствующих конституционных поправок 26 апреля 2006 г., Государственная Конституция и Закон о выборах по-прежнему лишают «других», т.е. лиц, не принадлежащих ни к одной из государствообразующих наций (боснийцев, хорватов и сербов), возможности номинироваться на пост в Палату народов, а также в Президиум Боснии и Герцеговины (ст.ст. 2, 25 и 26). Государству-участнику следует возобновить переговоры о конституционной реформе в ходе транспарентного процесса и на основе широкого участия, в том числе всеми заинтересованными сторонами, с тем чтобы принять избирательную систему, которая гарантирует равные возможности пользоваться правами, предусмотренными статьей 25 Пакта для всех граждан, независимо от этнической принадлежности».

В 2008 г. Босния и Герцеговина подписала с Европейским Союзом Соглашение о стабилизации и ассоциации, обязавшись таким образом следовать европейским стандартам. Одним из требований на пути членства в ЕС стала обязанность привести в течение двух лет избирательное законодательство в соответствие с положениями Европейской конвенции по правам человека².

Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ³ в докладе о выборах 2006 г. отметило, что ограничение по национальному признаку к кан-

¹ Ст. 25 гласит: «Каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в ст. 2, и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; в) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе».

Ст. 26 гласит: «Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства».

² См.: Annex to Council Decision 2008/211/EC of 18 February 2008 on the principles, priorities and conditions contained in the European Partnership with Bosnia and Herzegovina and repealing Decision 2006/55/EC // Official Journal of the European Union, 2008. – L 80/21.

³ Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) – один из институтов ОБСЕ. Занимается обеспечением уважения прав и основных свобод человека, укреплением и защитой демократических институтов. БДИПЧ было основано в 1990 г. как Бюро по свободным выборам. Наиболее известное направление деятельности БДИПЧ – наблюдение за выборами в государствах – участниках ОБСЕ.

дидатурам является прямым нарушением Протокола 12 к Европейской конвенции по правам человека, а также ст. 7.3 Копенгагенского документа ОБСЕ 1990 г.

Став членом Совета Европы в 2002 г., Босния и Герцеговина обязалась «пересмотреть в течение года при содействии Европейской комиссии за демократию через право (т.н. Венецианская комиссия) избирательное законодательство в свете стандартов Совета Европы, а также изменить его в случае необходимости»¹. В дальнейшем Парламентская Ассамблея Совета Европы периодически напоминала Боснии и Герцеговине об этом обязательстве после присоединения и настоятельно призывала принять новую Конституцию до октября 2010 г. с целью замены «механизмов этнического представительства на представительство на основе гражданского принципа путем прекращения дискриминации в отношении «других»². Венецианская Комиссия предпринимала серьезные шаги для конституционной реформы избирательного законодательства Боснии и Герцеговины, предлагая различные варианты реформы избирательного права³.

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), будучи структурной единицей Совета Европы, все-таки смог довести дело до победного конца.

Летом 2006 г. Яков Финчи (еврей по национальности) и Дерво Сейдич (цыган по национальности) направили жалобы в ЕСПЧ. Лица, подавшие жалобы в ЕСПЧ, не относятся к «государствообразующим народам» Боснии и Герцеговины и, соответственно, не могут быть избраны в Палату народов и Президиум. При этом они оба являются политически значимыми фигурами для государства: Дерво Сейдич – представитель миссии ОБСЕ в Боснии и Герцеговине по вопросам мониторинга цыган, а Яков Финчи – посол Боснии и Герцеговины в Швейцарии.

Заявители жаловались на отсутствие у них права выставлять свою кандидатуру на выборах в Палату народов и Президиум Боснии и Герцеговины на основании их цыганского и еврейского происхождения. Они ссылались на ст. 3, 13 и 14 Европейской конвенции по правам человека, ст.ст. 3 Протокола № 1 и ст. 1 Протокола № 12 к этой Конвенции. Первоначально жалобы были переданы на рассмотрение четвертой секции Суда. Однако в феврале 2009 г., ознакомившись с материалами дела, судьи Палаты решили единогласно передать дело на рассмотрение в Большую Палату, поскольку дело затрагивает серьезный вопрос, касающийся толкования положений Конвенции или Протоколов к ней (согласно ст. 30 Конвенции).

3 июня 2009 г. ЕСПЧ приступил к рассмотрению дела, а 22 декабря 2010 г. Суд постановил 14 голосами против 3-х, что имело место нарушение ст. 14 в совокупности со ст. 3 Протокола № 1⁴ в отношении невозможности заявителей принимать участие в

¹ См.: Opinion 234 (2002) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe of 22 January 2002, § 15 (iv) (b).

² См.: Resolution 1383 (2004) of 23 June 2004, § 3; Resolution 1513 (2006) of 29 June 2006, § 20; Resolution 1626 (2008) of 30 September 2008, § 8.

³ См.: Opinion on the constitutional situation in Bosnia and Herzegovina and the powers of the High Representative (document CDL-AD(2005)004 of 11 March 2005); The Opinion on different proposals for the election of the Presidency of Bosnia and Herzegovina (CDL-AD(2006)004 of 20 March 2006); Opinion on the draft amendments to the Constitution of Bosnia and Herzegovina (CDL-AD(2006)019 of 12 June 2006).

⁴ Ст. 14 Конвенции гласит: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Ст. 3 Протокола № 1 касается права на свободные выборы: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти».

выборах в Палату народов Боснии и Герцеговины. Также Суд постановил 16 голосами против 1-го, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 12 в отношении невозможности заявителей принимать участие в выборах в Президиум Боснии и Герцеговины. Отметим, что Суд впервые за всю свою практику постановил нарушение ст. 1 Протокола № 12¹.

Судья Мийович (Mijović, Босния и Герцеговина) и судья Гаджиев (Hajiyeu, Азербайджан) выразили частично совпадающее и частично особое мнение, не найдя нарушений ст. 1 Протокола № 12. Судья Бонелло (Мальта) приложил к Постановлению «Особое мнение», выразив полное несогласие. Только эти трое судей обратили внимание на тот факт, что отсутствует значительный прогресс в деле установления мира в Боснии и Герцеговине (например, международные вооруженные силы все еще присутствуют в государстве).

Судья Бонелло задался сложными вопросами: может ли Суд оценивать международный договор, созданный государствами и организациями, не являющимися сторонами Европейской конвенции по правам человека? Не нарушит ли Суд своим постановлением хрупкого мира, установленного Дейтонскими соглашениями, в стране?

Однако никто не задался вопросом: может ли Суд решить, что Конституция государства противоречит международному праву? Где проходит граница суверенитета государства и международно-правовых норм? Для юриста-международника данный вопрос встает на первом плане.

Конституция – это основополагающий национальный правовой акт, основа правовой системы государства. Ее нормы обладают высшей юридической силой в отношении всех остальных норм, они определяют порядок реализации международно-правовых норм. Как верно отмечает профессор Б.Р. Тузмухамедов: «Международное право закрепляет принцип уважения к установленному конституцией порядку. Вместе с тем, оно определяет, что государство не может ссылаться на конституцию для оправдания невыполнения обязательств по международному праву. Это положение было сформулировано Постоянной палатой международного правосудия еще в 1932 г. в решении по делу «Обращение с польскими гражданами в Данциге». Оно было отражено Комиссией международного права ООН в проекте Декларации прав и обязанностей государств 1949 г.»². Позднее это положение нашло отражение в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27 Венской конвенции). Таким образом, ЕСПЧ в подтверждение сложившейся международной практики принял решение, что международное право выше государственных конституций. При этом напомним, что данное Постановление ЕСПЧ противоречит решениям Конституционного Суда и Парламентской Ассамблеи Боснии и Герцеговины. Думается, к подобным решениям ЕСПЧ должны быть готовы все государства-участники. В западной литературе это дело рассматривается в контек-

¹ В Протоколе № 12 предусматривается общий запрет на дискриминацию. Существующее положение о запрете на дискриминацию в Конвенции (ст. 14) имеет ограниченный характер, поскольку оно запрещает дискриминацию лишь в отношении пользования одним из прав, гарантированных Конвенцией. В Протоколе это ограничение снимается, и он гарантирует, что никто не должен подвергаться дискриминации на каком-либо основании со стороны какого-либо публичного органа власти. Отметим, что Босния и Герцеговина – одна из 17 стран, ратифицировавших Протокол № 12, тогда как остальные 30 государств – членов Совета Европы не сделали этого.

² Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. – М., 2006. – С. 81.

сте влияния Европейской конвенции на национальные конституции¹. На наш взгляд, здесь стоит говорить о том, как ЕСПЧ исправляет чужие ошибки, т.е. ошибки США.

Вместе с тем, Совет Европы уже преступил к реализации Постановления Суда. Так, Председатель Комитета министров Совета Европы, министр Антонио Милошоский направился 2 ноября 2010 г. с официальным визитом в Боснию и Герцеговину. Целью данного визита являются обсуждение роли Совета Европы в конституционной реформе в Боснии и Герцеговине и обмен мнениями по этому вопросу с политическими представителями страны. Особое внимание будет уделено приведению в соответствие Закона о выборах в Боснии и Герцеговине с положениями Европейской конвенции о правах человека, что позволит, в свою очередь, исполнить решения Европейского Суда по правам человека в деле «Сейдич и Финчи против Боснии и Герцеговины»².

Между тем, Босния и Герцеговина в октябре 2009 г. уже подала заявку на членство в НАТО, а 22 апреля 2010 г. получила План действий по членству в НАТО. Генсек НАТО при этом отметил успехи страны в реформе вооруженных сил, а также положительно оценил решение об отправке в Афганистан боснийского военного контингента. Оно было принято еще в декабре 2009г. и предусматривало участие в афганской миссии НАТО около сотни военных из Боснии и Герцеговины.

В данном случае, к сожалению, встает вопрос: добавят ли это Постановление ЕСПЧ и решение о вступлении в НАТО солидарности в и без того расколотое общество? Тем более учитывая усиление сепаратизма в Боснии и Герцеговине после вынесения Международным Судом ООН консультативного заключения по косовскому вопросу³.

К вопросу о причинах разрушения Югославии в 90-е годы прошлого века

Б.Милошевич⁴

Кризис на территории Югославии разразился в начале 90-х годов. Он является составной частью масштабного и глубокого европейского геополитического передела, свершившегося в результате победы США и их союзников в холодной войне, и продолжается практически до сих пор. Провозглашением косовскими албанскими сепаратистами «государства» Косово в 2008 году этот кризис не закончился: нельзя исключить возможность и дальнейшего передела на данном пространстве.

Югославский кризис неразрывно связан с распадом СССР, роспуском Варшавского договора, объединением Германии, провозглашением Америкой «нового мирового порядка», с осуществляющейся стратегией расширения НАТО на Восток...

Почти 20 лет тому назад из бывших республик СФРЮ образованы новые независимые государства на Балканах. Все они получили международное признание в начале 1992 года. Некоторые из них никогда в истории не были самостоятельными государствами (Македония, Босния и Герцеговина); некоторые насильственно отделились

¹ Frowein J.A. The influence of the European Convention on human rights on the constitutional system of member states. – Reader, Venice: Academy of Human rights, 2010. – P. 528.

² http://www.coe.int/t/dc/press/news/20101102_miloshovski_bosnie_RU.asp. (доступно на 20.01.2011 г.).

³ Подробнее см.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Балканы – ахиллесова пята евроатлантической безопасности (Международный Суд ООН и одностороннее провозглашение независимости Косово) // Обозреватель-Observer. – 2010. – № 10 (249). – С. 66-75.

⁴ *Милошевич Борислав Светозаревич – бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол Югославии в России.*

от федеративного государства Югославия (Словения, Хорватия, а также, Босния и Герцеговина), что вызвало кровавые конфликты и войны. Тем не менее, «международным сообществом» они были признаны легитимными. Уже в начале XXI века мирным путем вышла из союза с Сербией Черногория.

В первой половине 90-х гг. в Хорватии и в Боснии и Герцеговине велись гражданские войны, унесшие десятки тысяч человеческих жизней (официальной, признанной всеми, статистики нет, данные противоречивы, приводятся и чудовищные цифры о сотнях тысяч убитых людей, которым нельзя верить; манипуляция источниками и цифрами в политических целях очень развита как на Западе, так и на постюгославском пространстве.

Процесс международного признания новых государств проходил ускоренными темпами и с грубым нарушением международно-правовых норм. Главную роль в этом сыграли Германия и Ватикан, ускорившие признание Хорватии и Словении без предварительного решения вопроса о границах и о национальных меньшинствах. То есть без решения вопроса сербского народа, проживающего на территории Хорватии, как конституционного, государствообразующего народа.

Вмешательство в дела югославской федерации и союзных республик со стороны ряда западных держав и «международного сообщества», в частности США и ЕС, а также применение «двойных стандартов» в принятии решений продолжались все время. США и страны НАТО оказывали содействие, в том числе военное (военно-техническая помощь, логистика, поставка оружия из отдельных стран Североатлантического блока) сепаратистским республикам, особенно Хорватии, в подавлении сербского сопротивления и уничтожении Республики Сербской Краины в 1995 году. Мусульманские части в Боснии и Герцеговины, как и иностранные мусульманские «легионеры-моджахеды», получали помощь в оружии и из некоторых арабских стран, Турции, Ирана и др. Военное вмешательство НАТО на постюгославской территории началось с военной агрессии против сербов в Боснии и Герцеговине в середине 90-х гг. XX века, в результате подобного «выкручивания рук» сербская сторона вынуждена была пойти на подписание Дейтонских соглашений, а закончилось все военной агрессией против Югославии в первой половине 1999 года. Результатом стало отторжение южного сербского автономного края Косово и Метохии от Сербии.

В Косово и Метохии террористическая Армия освобождения Косова пользовалась полной поддержкой западных держав, политической и военной, она была «пехотой НАТО» в агрессии Альянса на Югославию в 1999 году. Отделение Косова стало ярким примером использования терроризма в достижении геополитических целей.

Территория самопровозглашенного в 2008 году «государство Косова», государства албанских боевиков, никогда в истории не было отдельной административной или военной областью. Косово не было провинцией во времена Римской Империи или Византии, ни в средневековом сербском государстве, когда Сербия была «гегемоном на Балканах»; ни санджаком, вилайетом или пашалыком во время Османского владычества. Областью, бановиной Косово не стало и в Королевстве Югославии – тогда оно, как и нынешняя Македония, называлось Южной Сербией. Только после Второй мировой войны Косово и Метохия становятся автономной областью, а затем, автономным краем Республики Сербия.

Сегодня это «государство» признали около 70-ти стран. США и ряд западных стран кнутом и пряником «уговаривают» Белград, чтобы он ступил в прямые переговоры с Приштиной и этим же де-факто признал его. Так оно, к сожалению, и будет, вопрос только времени. Хотя это и не афишируется, но в действительности признание

независимости Косова является условием вхождения Сербии в Европейский Союз. А членство в ЕС определено Белградом в качестве «приоритета приоритетов» страны.

В первой половине 90-х гг. Югославия была насильственно разрушена в войне совместными усилиями внешних сил и доморожденных сепаратистов. «Это была международная война против суверенного государства Югославия, внутри которой велась гражданская война с элементами этнической и религиозной войны» (Smilja Avramov. *Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije*. Veternik: LDI, 1997, str. 443). Это была специальная война, проба сил и проверка доктрины управления миром нового мирового гегемона – США.

Все эти глубокие перемены в Европе (стоит еще напомнить о разделении Чехословакии) показывают, что результаты Второй мировой войны перечеркнуты, международный правовой порядок разрушен, Устав ООН и Заключительный Акт из Хельсинки 1975 года, в котором своей подписью 35 глав государств и правительств (в том числе США и Канада) зафиксировали неприкосновенность границ в Европе, попораны. Установлены другие геополитические линии, «модели», определяющие политические, экономические, военные, идеологические отношения в мире.

Мы намерены в данной статье осветить ряд аспектов роли международного фактора в разрушении Югославии в начале 90-х гг. XX века, и в частности, политики Германии и Ватикана в этом процессе.

На Западе развал Югославии планировали давно, еще при жизни И.Б. Тито. После завершения Второй мировой войны Америка, а также Великобритания оказывали Югославии военно-техническую и, в меньшей мере, экономическую помощь, особенно в начале 50-х годов, в период конфликта Сталин – Тито. Определенные круги на Западе использовали независимую политику неприсоединения Югославии, ее модель смешанного хозяйства, формирование оригинальной экономической и политической системы социалистического самоуправления в идейно-политической и пропагандистской борьбе с целью противостояния советскому строю и даже советскому проекту как таковому. Югославия объявлялась своего рода альтернативой. (В подобных целях использовался и «еврокоммунизм», политика некоторых западноевропейских компартий, особенно в 70-е годы.)

Одновременно Западом проводилась политика, направленная на разрушение и передел СФРЮ. Ее методом стала и террористическая активность: так, за период 1946-1980 гг. против Югославии было совершено более 400 террористических актов. (Например, убийство в 1971 г. усташами в Стокгольме посла СФРЮ В.Роловича; бомбы, заложенные в белградских кинотеатрах и других местах массового собрания людей; взрыв пассажирского самолета Югославской авиакомпания над Чехословакией и пр. в конце 60-х и в 70-е годы.) В сербском автономном крае Косово и Метохия оказывалась финансовая и организационная поддержка деятельности сепаратистов (албанские демонстрации в Косово 1968 г.), поощрялось националистическое «массовое движение» в Хорватии 1966-1971 гг.

Главные методы и направление деятельности внешнего фактора осуществлялись внутри нашей страны – разжигание национализма, этнических и религиозных конфликтов, антисоциалистические действия, влияние на союзное и республиканские правительства, а также на югославскую прессу через «своих» людей на ответственных постах. Таковых стремились взять под контроль, обучить, подготовить для экстраполирования чужих интересов и чужой идеологии. Делалось это, например, с помощью многочисленных стипендий, выделяемых молодым югославам от «Фонда Фульбрайта», США, и других схожих фондов западных стран. В целях усиления политической оппозиции и смены общественного порядка активно использовались гуманитарные

организации, вообще, организации неправительственного сектора (например, влиятельная в Сербии прозападная партия Г-17, ныне под названием Партия регионов, была создана именно как неправительственная организация).

В конце 80-х и в 90-е годы в международных СМИ (а также в доморощенной оппозиционной прессе) была развернута невиданная до тех пор пропагандистская (на самом деле, подрывная) кампания «демонизации» ряда сербских лидеров, в частности Слободана Милошевича, а также сербского народа в целом. Особенно она была интенсивна и сильна в глобальных сетях электронных СМИ (CNN, BBC...).

В осуществлении подобных планов была активно использована «наша» политическая эмиграция, в частности хорватские фашисты (усташи), а также албанская националистическая эмиграция, в том числе – члены антикоммунистического Балли Комбетар на Западе. Многие из хорватских фашистов, массово выехавших в 1945 году с территории так называемого Независимого государства Хорватия (НГХ), с помощью западных спецслужб образовали различные организации, занимавшиеся в основном подрывной работой против СФРЮ. (В том числе «Хорватское освободительное движение», руководители которого старались вступить в контакт и со службами Советского Союза ради возможного сотрудничества в целях борьбы за независимую Хорватию «с коммунистами или без них».) Эти люди и их единомышленники приехали в Хорватию после 1991 года.

Главную же роль в развале Югославии в начале 90-х г. сыграли Германия и Ватикан. Вскоре ее перехватили американцы, осуществляя свои геополитические интересы по расширению НАТО на Восток и Юго-Восток Европы. Под их руководством окончательно была разрушена страна, развязана военная агрессия НАТО против СРЮ в 1999 году, от Сербии отторгнуто Косово, там же построена крупнейшая военная база США – «Бондстил», которая, по словам генерала Галуа, нашлась на пути будущего коридора 8, по которому предполагается доставка нефти от Каспийского Озера до Адриатики. Американцы вмешались, взяли в свои руки командование всеми операциями и таким образом маргинализировали командование и роль немцев. Кроме того, США доказали Европе, что она не способна действовать самостоятельно, продемонстрировав тем самым необходимость дальнейшего существования НАТО. (Ср. генерал П.М. Галуа. «Агрессия НАТО. СУМРАК ЗАПАДА». Изд. Миллениум групп, Београд, 2010, на сербском.)

В 80-е и в начале 90-х годов Германия решила, что наступил момент для осуществления ее стратегических и геополитических интересов, и вышла на сцену, открыто поддержав сепаратизм и сецессионизм Хорватии и Словении. В переделе Центральной и Юго-Восточной Европы политика и действия Германии имели существенное значение. Экспансия Германии проводилась более экономическими, политическими, культурными нежели военными средствами (хотя имели место немецкие поставки вооружений сепаратистам в Югославии в период ее распада и также Германия участвовала в агрессии НАТО 1999 г.). В 1991 году треть товарооборота между Западной и Восточной Европой приходилась на Германию, она же стала первым инвестором в Восточной Европе, создавая тысячи смешанных предприятий...

Экспансия Германии на Восток и Юго-Восток Европы, частичная «реколонизация» Восточной Европы, имела для многих немцев историческое значение, обусловленное памятью о Австро-венгерской Империи. Германия, по словам президента Франции Франсуа Миттерана, «считает себя легитимным наследником Австро-венгерской Империи и приняла на себя прежние австрийские разногласия с Сербиями» (разговор Ф.Миттерана с министром иностранных дел Греции Папандреу, 1991 г. Цит. по записи французского министра иностранных дел Ю.Ведрина, 1993).

Германия была заинтересована в разрушении Югославии, пишет генерал П.М. Галуа, один из создателей французского ядерного потенциала, близкий сотрудник генерала Де Голя. Она хотела вовлечь Хорватию и Словению в экономическую зону ЕС, которой доминирует Германия, что открыло бы возможности немецкого влияния на далматинский берег и обеспечило бы ее приближение к Средиземному морю, что является давней немецкой мечтой. Германия также хотела отблагодарить Хорватов и боснийских мусульман, которые во Вторую мировую войну присоединились к третьему рейху. Кроме того, Германия занимала важные командные посты в НАТО.

Нужно отметить полное совпадение задач хорватского сепаратизма с немецкими стратегическими целями на Балканах, подразумевающими включение католической Хорватии и Словении в германскую экономическую зону.

Позиция Германии в югославском кризисе определялась, помимо прочего, католическими взаимосвязями. На правительство оказывали влияние немецкие католические церковные власти, партнер по правящей коалиции – баварская партия Христианско-социалистический союз, один из сильнейших рычагов прохорватского лобби, влиятельная газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг», баварские СМИ, находящиеся под влиянием баварской католической церкви, имеющей тесные связи с церковью в Хорватии. Попытка ввести санкции в Хорватии за ввоз оружия в 1993 г. была пресечена именно Германией.

Известно о секретном визите Ф. Туджмана (будущего президента Хорватии) в ФРГ в 1988 г., где он встречался с канцлером Коелем и другими министрами правительства. Цель визита заключалась в определении совместной политики раздела Югославии, которая приведет к созданию нового независимого государства Хорватия с международными границами, установленными Адольфом Гитлером еще в 1941 г.

В югославском кризисе, в ходе всех локальных этнорелигиозных конфликтов Германия последовательно отстаивала антисербскую позицию. Даже в косовском кризисе, ключевую роль в котором сыграло НАТО, Германия первоначально оказывала значительную поддержку албанским сепаратистам. Не случайно, когда в 1998 г. начался новый виток кризиса, именно в г. Ульм (Германия) было создано «параллельное», точнее – подпольное, правительство Буяра Букоши...

Преследуя планы развала СФРЮ, 22 декабря 1990 г. хорватское руководство провозгласило новую Конституцию Хорватии, в которой сербский народ признавался национальным меньшинством, а Хорватия объявлялась национальным государством хорватского народа. В предыдущей конституции Хорватии сербы были признаны конституционным, т.е. государствообразующим, народом в Хорватии.

В этот период проводилась мощная антисербская пропаганда, реабилитация усташеских традиций, гонения на СПЦ, подрыв сербских домов, начались незаконные аресты, убийства сербов.

Сама суть войны в Хорватии заключалась в акциях хорватской центральной власти по установлению своего контроля над всеми областями компактного проживания сербов в Хорватии.

К власти пришло Хорватское демократическое содружество (ХДС) во главе с Ф. Туджманом. В итоге победила его наиболее радикальная позиция о создании этнически чистой Хорватии. 24 мая 1991 г. Туджман выступил на площади бана Елачича в Загребе, где заявил, что «войны могло бы не быть, если бы этого не хотела Хорватия. Мы могли добиться независимости Хорватии только войной, поэтому проводили политику переговоров, а сами создавали вооруженные отряды. Если бы этого не сделали, мы не осуществили бы нами намеченную цель. Войны можно было бы избежать, если бы мы не стремились осуществить свои цели, т.е. создать наше независимое государ-

ство». Елена Гуськова пишет, что планировалось «...независимое государство Хорватия *без сербов* (курсив мой - Б.М.).

Симон Везенталь (руководитель Венского Центра по расследованию нацистских преступлений) отмечал в 1993 г.: «Первыми жертвами войны стали 40 тыс. сербов, это были беженцы из Хорватии. Первыми были сожжены православная церковь и синагога». Началось создание высокобоеготовой хорватской армии (подразделения правящей ХДС, «черные легионы» усташей). Сербам в Хорватии оставалось лишь два пути: хорватизация и католицизация или быть людьми второго сорта. В 1991-1995 гг. из Хорватии уехали 350 тыс. сербов, большинство – после операций «Блеск» и «Буря», которые проводились с помощью техники и специалистов НАТО.

Ватикан однозначно поддерживал политику хорватских властей. В период развала Югославии Ватиканом было поставлено хорватам оружие (автоматы Калашникова) на сумму 2 млн. долл.

Двенадцать членов ЕС были далеко не единодушны в вопросах признания независимости югославских республик. Многие не хотели «преждевременного признания» или «избирательного признания», вследствие которых могут расширяться существующий конфликт и углубиться взрывная ситуация, возникнуть гражданская война и т.д.

Это говорил, в частности, французский президент Франсуа Миттеран. Генсек ООН Перес Де Куельяр написал письма предупреждения Гансу Ван Ден Бруку, голландскому министру иностранных дел и председателю Совета министров ЕС, а также немецкому министру иностранных дел Гансу-Дитриху Геншеру.

Но Германия при полной поддержке Ватикана признала Хорватию и Словению, практически навязавши свою волю остальным странам – членам Европейского Сообщества, то есть «преждевременное» признание сепаратистских республик, без предварительного решения вопросов о границах и меньшинствах. Перес Де Куельяр потом скажет, что жалеет, «что бывшие югославские республики признаны преждевременным некоординированным и избирательным способом».

Еще одним фактором «преждевременного признания» сепаратистских республик явилось то, что «мы были перед Маастрихтом¹, никто не мог позволить раскол, хотя мне тогда было более чем ясно, что мы этим решением ускорили пожар в Боснии, а может быть и в Косово». Это слова итальянского министра иностранных дел Де Микелеса. Италия вначале заняла довольно сдержанную позицию, но лишь до встречи Де Микелеса с немецким министром иностранных дел Геншером, осенью 1991 года, после этого она твердо последовала в кильватере Германии. Одновременно, она была связана позицией Ватикана, не позволявшей ей занять иную сторону по вопросам признания независимости Хорватии и Словении.

Таким образом, следует вывод, что разрушение Югославии произошло вследствие реализации интересов внешнего фактора, в первую очередь, германско-ватиканского «тандема». Оно стало ценой, которой была оплачена европейская интеграция. Речь идет о событии с колоссальными негативными историческими последствиями, среди которых – трагедия Югославии и нашего народа.

Таковую же, если не большую, разрушительную роль в развале Югославии сыграл Ватикан. Он несет ответственность за разрушение всех Югославии – Королевства Югославии, СФРЮ, СРЮ, Государственного содружества Сербии и Черногории. Ватикан бесцеремонно вмешивался и в дела Сербской Православной Церкви, яркий

¹ Договор в Маастрихте, подписанный 12-ю странами Европы и ставший правовой основой нынешней европейской интеграции ЕС (прим. Б.М.).

пример тому – признание Ватиканом автокефальности Македонской православной Церкви.

В процесс принятия решений на глобальном уровне глава Римской католической церкви был включен уже довольно давно, так же, как и в политическую жизнь Югославии. Напомним, что во время Второй мировой войны, 10 апреля 1941 г., на территории Хорватии и части Боснии и Герцеговины было провозглашено «Независимое государство Хорватия» (НГХ), фашистское государство, блокировавшееся с нацистской Германией и фашистской Италией. Католическая Церковь Хорватии во главе с архиепископом А.Степинцом, полностью поддержала эту власть. Сам архиепископ посетил, уже 16 апреля, диктатора А.Павелича и заявил ему о своей полной поддержке, а 28 апреля распространил «Пастырское письмо, в котором отождествил диктатора с католической церковью, призвав католическое духовенство следовать за Павеличем и поддерживать новое государство, потому что оно «представляет Святую Католическую Церковь». Папа Пий XII назначил в 1952 г. Степинца кардиналом, что привело к разрыву дипломатических отношений Югославии с Ватиканом (они были восстановлены в 1966 г.). Папа Иоанн Павел II впоследствии (1998 г.) беатифицирует, то есть возведет в лик блаженных, А.Степинца, и в историю католической церкви войдет такой «блаженный-преступник».

В НГХ проводился геноцид сербского народа, а также евреев и цыган. Официальной политикой была формула: «треть Сербов перекрестить в католицизм, треть прогнать и треть уничтожить». В созданной усташиами системе концентрационных лагерей, «лагерей смерти», было убито более 700 тыс. сербов, более 80-ти тыс. цыган и 30 тыс. евреев. После окончания Второй мировой войны в скалистых пределах Хорватии и Герцеговины были обнаружены многочисленные места массовой казни, т.н. «ямы», в которые усташи бросали сербов.

Среди «лагерей смерти» по масштабам и зверствам выделался Ясеновац.

В конце октября 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная конференция «Православно-католический диалог после Ясеноваца», на которой впервые в России был широко и глубоко освещен пресловутый лагерь смерти в Хорватии, а также места массовых убийств сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине.

В конце 1947 г. американскими секретными службами был составлен отчет Е.Гуверу, главе разведки ФБР. Этот рапорт описывает сугубо секретную и позорную страницу истории Ватикана: использование бывших нацистов в борьбе против коммунизма и по установлению контроля над Центральной и Восточной Европой. Из этого документа, который можно консультировать в архивах администрации в Вашингтоне, легко узнать, помимо прочего, что Франц Штангл, бывший командующий лагерем в Треблинке, Густав Вагнер, бывший командующий лагерем в Собиборе, затем Адольф Эйхман, самое ответственное лицо за геноцид, Вальтер Рауф, командующий СС за Северную Италию, Ференц Вайта, глава венгерских фашистов, а также Анте Павелич, хорватский «поглавник», избежали задержания, благодаря ватиканским связям. Этой сетью сначала управлял австрийский священник Алоиз Худал, который быстро поставлен под руководство хорватского священника Крунослава Драгановича, секретаря братства Сан Джироламо в Риме. Прекрасно организованными каналами Ватикана было переброшено 3 тыс. нацистов из лагерей пленных в Австрии и Германии в Америку и Австралию. «Есть ошеломляющие доказательства о том, что Ватикан после войны руководил сетью бывших хорватских фашистов, чтобы обеспечить бегство тысячам нацистских преступников». (Jacques Merlino. Les verites yougoslaves ne sont pas toutes bonnes a dire. Ed. Albin Mishel, 1993, p. 166-174.)

С 80-х годов римско-католическая церковь была глубоко вмешана в националистические и сецессионистские стремления Словении и Хорватии; в своих проповедях священники, а также католическая пресса поддерживали эти стремления; папа Иоанн Павел II принимал Ф.Туджмана, будущего главу независимого хорватского государства, подбадривал его...

Еще в июне 1982 г. Ватикан требовал – и это было письменным путем подтверждено между Президентом США Р.Рейганом и Папой Карелом Войтылой – выделение Хорватии и Словении из Югославии как двух католических территорий. Также Папа Иоанн Павел II требовал и увеличение роли Австрии, что произошло несколько позже. Таким образом, создавался своего рода «католический блок» в Европе. Этим Америка должна была платить за услуги Ватикана в Южноафриканском Союзе и дестабилизацию восточного блока, начиная с Польши, когда Рим и Вашингтон совместно помогали профсоюзу «Солидарность». Тогда, как писал американский журнал «Тайм» (24.02.1992 г.), был заключен «Священный Союз» между Рональдом Рейганом и Папой Иоанном Павлом II.

В конце 1990 г. Восточная Европа была «освобождена от коммунизма», то есть из-под советского влияния вышли ГДР, Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария и Румыния. «Внимательный наблюдатель не может не заметить, что хронология этих освобождений совпадает с географической картой расширения католицизма. Так, между европейскими социалистическими странами последними были эмансипированы Румыния и Болгария – страны с православным большинством населения» (Ibid., p. 166).

Все, что произошло в Восточной Европе в 80-е и в начале 90-х годов, не было бы возможно без участия папы Кароля Войтылы.

Интересны доводы французского автора Ж.Мерлино, книгу которого «Нельзя говорить вслух о всех югославских истинах» мы здесь упоминаем, о германско-ватиканском союзе. В октябре 1978 г., когда конклав избрал первого славянского папу, имя К.Войтылы было предложено именно немецкими кардиналами (автор ссылается на итальянскую и французскую прессу тех дней). Архиепископ К.Войтыла отслужил мессу в кафедральном соборе в Кельне на безукоризненном немецком языке...

И второй, не так широко известный, элемент для размышления о возможном союзе Германии и Ватикана, приведенный автором, касается экономической мощи католической церкви в Германии. Для того чтобы обеспечить независимость церквей в стране, каждый немец должен в своей налоговой декларации записать свое вероисповедание. На основе этого государство выплачивает церквям 8-10% дохода из налогов. Благодаря данному механизму немецкая католическая церковь является одной из самых богатых в мире (Ibid., p. 188). Гипотеза автора не доказана, но ее нельзя исключить.

Стоит привести и свидетельства французского генерала П.М. Галуа, где он рассказывает о неформальных встречах (в которых и сам принимал участие по приглашению немецкого министра обороны Франца Йозефа Штрауса) представителей США, Франции, Германии, Испании и Ватикана, которые состоялись еще в 1976-1977 гг. На этих встречах рассматривались также и вопросы будущего передела Югославии.

Конец 70-х – это период реализации на практике новой геополитики Ватикана. Ее выражением несомненно является первое после избрания послание массам папы Войтылы в октябре 1978 г. на площади перед базиликой Святого Петра в Риме: «Не страшитесь! Широко распахните двери Христовы! Его спасательной мощи откройте границы государств, политических и экономических систем».

Бывший прокурор МТБЮ Карла дель Понте пишет о том, что Ватикан обладает самой мощной разведкой в мире. И сказано это было в контексте разрушения Югославии (К. дель Понте. Охота. Я и военные преступники. – М.: Изд-во «Эксмо», 2008).

Не только Германия давила на Двенадцать признать скорее Хорватию и Словению – 9 декабря 1991 года в Гааге канцлер Коль, форсируя признание, даже заявил, что Германия это сделает раньше Рождества, – а активную роль в связи с экстерным признанием Хорватии и Словении взял на себя и Ватикан. 26 ноября 1991 года кардинал Содано пригласил послов США, Франции, Великобритании, Бельгии, Италии, Германии и Австрии, аккредитованных при Святом Престоле, и ознакомил их с позицией Ватикана, настаивая, чтобы их страны признали независимость Хорватии и Словении в этом же месяце. Описывая данную встречу, посол США Мелади писал, что уверен, что между Ватиканом, Германией, Австрией и Италией уже существовала договоренность о немедленном признании Хорватии и Словении, потому что их послы восторженно приняли предложение Ватикана. Ватикан первым и признал сепаратистские республики. День спустя это сделала Германия.

В связи со всем этим в первой половине января 1992 года Его Святейшество Патриарх Сербской Православной Церкви Павле написал, четыре дня спустя после признания Двенадцатью Хорватии и Словении, письмо Римскому папе Каролу Войтыле:

«Ваше Святейшество,

В качестве главы государства Ватикан Вы первым в Европе и в мире признали суверенность и независимость Хорватии и Словении, а предварительно приложили большие дипломатические и политические усилия для того, чтобы это же сразу вслед за Вами сделали и многие другие европейские страны. При этом, однако, Вы воспользовались не только государственным механизмом Ватикана, но и организмом, структурами и институциями Римско-католической Церкви. / .../ Мы упоминаем об этом не для того, чтобы начать богословскую полемику или, не дай Бог, высказать предвзятое моральное осуждение, а только затем, чтобы указать на всю меру Вашей огромной двойной ответственности перед Богом и перед историей. / .../ Поэтому мы с глубочайшим сожалением должны констатировать и то, что Ваше Святейшество своей безоговорочной поддержкой борьбы за восстановление этого /хорватского/ государства взяли на себя и тем самым распространили и на сотни миллионов римско-католических верующих во всем мире, не спросив на то их согласия, ответственность за все те средства и все те методы, которые использовались и используются сейчас представителями власти, армии и полиции теперь уже получившего международное признание хорватского государства, равно как и за каждую слезу каждого сербского и хорватского ребенка, оставшегося из-за трагической войны в еще недавно существовавшей Югославии без дома, без детства, а очень часто и без обоих родителей, равно как и за каждый горестный вздох каждого серба и хорвата, православного или римокатолика, верующего или поддавшегося соблазну, который теперь стал или беженцем, или душевным и телесным инвалидом, или убийцей, или жертвой, или всем этим одновременно.

Вы, первый в истории славянский папа и суверен государства Ватикан, продемонстрировали, что ради цели, которую считаете важной, можете благословить и освятить средства, использовавшиеся представителями молодой хорватской демократии, которые еще совсем недавно были последователями хорватского коммуниста Иосипа Броз Тито и историческими наследниками нацистского преступника Павелича, в делах которого немалое участие приняли и многие клирики Римско-католической Церкви в Хорватии. Мы, однако, верим в то, что дерево познается по его плодам, а цели оцениваются по средствам, которые применяются для их достижения. / .../ Ибо мы и в

наши несчастливые дни убедились в том, что ни политика государства Ватикан, ни дипломатия Вашей Курии, ни горькие плоды необычной этики, продемонстрированной миру в частности и Вашей деятельностью, направленной на признание хорватской государственности, не смогли уничтожить дух той Церкви, которая в первом тысячелетии христианской истории была «председательствующей в любви» среди Церквей и украсила небо бесчисленными мучениками, святыми епископами и подвижниками веры.

Ввиду всех этих причин считаем, что Вы со всей определенностью доказали духовную и богословскую несостоятельность догмата Первого Ватиканского собора о папской непогрешимости.

Его Святейшество Павле,
Патриарх Сербской Православной Церкви».

Не нужно комментировать. Сильное принципиальное, жесткое для церковного иерарха письмо. Обвинения папы Иоанна Павла II прямы и конкретны. Может быть это и поколебало главу государства Ватикан. Он испугался последствий своей деятельности и год спустя свое письмо Генсеку ООН Бутросу Бутрос-Гали от 6 марта 1993 года начал словами: «Боже мой, что мы сделали?». Папа в своем письме требовал от Генерального Секретаря Объединенных Наций «новых инициатив», чтобы прекратить, как он сказал, «резню» в бывшей Югославии. На самом деле речь шла о гражданской войне, о неизбежности которой предупреждали очень многие, и Слободан Милошевич, и Радован Караджич, и на Западе, если последует поспешное признание бывших югославских республик. 9 декабря 1991 года лорд Каррингтон, председатель Международной конференции по бывшей Югославии, обратился к Двенадцати и сообщил, что позиция С.Милошевича по Боснии и Герцеговине совершенно ясна: «Если ее независимость будет признана прежде чем будет заключен договор между тремя народами (в Боснии и Герцеговине. – Прим. Б.М.), гражданская война становится неизбежной...». Но на момент признания договор между сербами, мусульманами и хорватами, проживающими в Боснии и Герцеговине, заключен не был. Не был он заключен именно потому, что этого не хотели ЕС и папа Иоанн Павел II. И гражданская война в БиГ вспыхнула.

Эта война долгое время была войной «всех против всех», три стороны – сербы, мусульмане и хорваты – воевали друг против друга. Но военная удача, стратегическая инициатива ценой невероятных усилий и понимания, что отступить некуда, мусульман и хорватов поддерживают слишком мощные внешние силы, удерживалась в руках сербов. Переломный момент наступил с вмешательством США и Ватикана. Тогда, в 1994 г., когда провалился очередной план мирного урегулирования по БиГ (план Оуэна-Столтенберга), а у хорватов оставалось не более 10% территории БиГ, хорватское руководство обратилось к США с просьбой включиться в процесс мирного урегулирования. Б.Клинтон должен был проявить себя как мировой лидер решением вопроса о БиГ – и в середине января 1994 г. была выработана базовая концепция американской мирной инициативы по урегулированию хорватско-боснийского конфликта: необходимо остановить войну между мусульманами и хорватами. В хорватском Саборе была принята соответствующая декларация, а затем прошли встречи хорватского министра иностранных дел М.Гранича с кардиналами и потом – с папой К.Войтылой. Как указывал М.Гранич в интервью хорватскому ТВ в ноябре 2005 г., папа хорватам направил ясное послание: надо остановить войну между хорватами и «бошняками», между католиками и мусульманами, только тогда, по его словам, будет установлен «так необходимый мир...». Политические категории и геополитические цели посыла-

ки более чем понятны... В итоге была создана Мусульmano-хорватская федерация, а в настоящее время по Дейтонским соглашениям Босния и Герцеговина разделена на два «энтитета» – Федерацию БиГ (мусульмане и хорваты) и Республику Сербскую БиГ (сербы). Решение об объединении хорватов с их историческими оппонентами – мусульманами – для создания единого «фронта» против сербов было принято двумя ключевыми игроками на мировой арене – США и Ватиканом...

После установления дипломатических отношений СФРЮ с Ватиканом в 1966 г. И.Б. Тито посетил Ватикан и встречался с папой Павлом VI. Приглашение папе посетить Югославию вручалось несколько раз.

В 2011 году должен состояться визит папы Бенедикта XVI в Хорватию. Цель папского визита – повторная беатификация покойного кардинала А.Степинца. Папа Иоанн Павел II несколько раз посещал Хорватию. Он ни разу так и не посетил Ясеновац, хотя Сербская Православная Церковь призывала его к этому. Не произнес он ни одной молитвы, ни одного слова раскаяния. В СПЦ некоторые ожидали, что римский папа извинится перед нашим народом за поддержку руководства католической церкви, оказанную усташескому Независимому Государству Хорватии. Увы...

В 2013 году намечен визит папы Бенедикта XVI в Сербию. Вследствие страшных преступлений Ватикана против сербов, в частности геноцида над сербским народом в период Второй мировой войны, многие люди и в Сербии, и за ее пределами, и в России, уверены в том, что такой визит не должен состояться без окончательного признания ответственности и исторического покаяния Ватикана.

В 1941-1945 гг. в Хорватии проводился геноцид сербов. Преступление геноцида в НГХ совершалось усташами плановым способом при активном участии духовенства с помощью Загребского архиепископата, об этом был информирован и по существу поддержал происходившее Ватикан.

«Геноцид стал ключевым элементом еврейской коллективной идентичности и основой, на которой покоится (существует) государство Израиль», написала выдающийся югославский ученый Смиля Аврамов. А геноцид сербов, проведен в период Второй мировой войны в НГХ, который по способам убийств людей и мотивам относится к самым чудовищным сторонам новейшей истории, оказался вычеркнут из истории мировой. (Ср.: Смиля Аврамов. Геноцид у Југославији 1941-1945, 1991..., ИГАМ. – Белград, 2008. – С. 66.)

Вычеркнут геноцид над Сербскими был не только из мировой, но до недавнего времени и из национальной истории. Эта своего рода «отмена» собственной истории в СФРЮ происходила по ряду исторических причин. Во Второй мировой войне велась широкая антифашистская борьба югославского народа, в которой участвовала и часть хорватского народа. В послевоенное революционное время была создана атмосфера общественного подъема на (неверных) лозунгах «братства-единства всех народов Югославии», строительства нового социалистического общества ... Наконец, завершение Второй мировой войны было в Югославии исключительно сложным в результате конфронтации, то есть гражданской войны между партизанами во главе с коммунистами и сербскими монархистами, которые возглавляли четнические отряды (де-факто, блокировавшиеся с оккупантами), что отражалось и вызывало трения и

проблемы в антигитлеровской коалиции, в частности, между Советским Союзом и англо-американцами. В данных исторических условиях само упоминание геноцида сербов было очень деликатным вопросом, вызывало тяжелую реакцию.

Но здесь не место и не время углубляться в анализ упомянутых условий и искать меру объективных причин, проистекающих из самой эпохи, манипуляций и обмана правящих сил и чувства исторической несправедливости, ибо близкое прошлое не могло исчезнуть из сознания сербского народа. Оно ярко проявилось в 1991 г., когда после первых акций центральной хорватской власти сербы в ответ на них были вынуждены вводить ночные дежурства, патрулирование улиц, создавать группы самообороны, а затем и Республику Сербскую Крайину...

Нельзя не видеть связь между событиями 1941 и 1991 гг. В обоих случаях произошло разрушение Югославии, отделилась Хорватия, провозгласив свое независимое государство. И делалось это при активной всесторонней помощи Германии и Ватикана, военной, политической, дипломатической...

После разрушения Югославии в 90-х гг. этническое пространство сербского народа сузилось примерно на одну треть. Практически не стало Сербской Крайины, Восточной и Западной Славонии в Хорватии, сербский народ де-факто изгнан из Косова, колыбели своей духовности и государства.

Более того, сербам приписываются преступления в ходе развала СФРЮ, «агрессия» против своей собственной страны, даже геноцид над мусульманами в Боснии и Герцеговине (Сребреница). Хозяева так называемого Международного трибунала для бывшей Югославии (МТБЮ) в Гааге, натовского рычага агрессии и диктата, ввели понятие «совместных преступных действий» (joint criminal enterprise). В лице отдельных сербов они обвиняют все сербские организации и институты в Сербии и Хорватии, в том числе Сербскую Академию наук и искусств и Сербскую Православную Церковь, в преступлениях.

Всему этому нужно сопротивляться. Сегодня постоянно растет и расширяется круг аналитиков, изучающих и освещающих из разных углов проблему геноцида над сербским народом. Это один из ключевых вопросов не только истории сербского народа, а и его существования.

В данном аспекте Международная конференция «Православно-католический диалог после Ясеноваца» является большим вкладом в дело глубокого освещения в России геноцида над сербским народом.

Крупные научные авторитеты не только правовой науки, но и философии, социологии, литературы, даже авторы из рядов католического духовенства, выдвинули тяжкие обвинения в адрес папы Пия XII и политики Ватикана во Второй мировой войне.

Множество критических слов было направлено и по адресу папы Иоанна Павла II и политики Ватикана по поводу взрыва в Югославии в начале 90-х. Всего этого недостаточно.

Время молчания на эти темы, даже на просторах бывшей Югославии, давно прошло. Безвозвратно.

Трибуналы в Нюрнберге и Гааге. Некоторые общие черты

Н.Г. Михайлов¹

Несомненно, что между двумя трибуналами, которые разделяет почти полвека, невозможно провести полную аналогию. Тем не менее, наряду с существенными отличиями у них можно найти и некоторые общие черты².

Прежде всего, они во многом схожи по процедуре их создания. Как известно, Международный Военный Трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси³ был учрежден в соответствии с Соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между правительствами четырех стран, а именно, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики⁴. Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года⁵, учрежден 25 мая 1993 г. резолюцией № 827 Совета Безопасности ООН, т.е. представителями 15 стран – членом ООН.

Таким образом, ни в том, ни в другом случае широкое мировое сообщество не было вовлечено в процесс создания международных уголовных судебных органов. Основываясь на процедуре их учреждения, ни первый, ни второй нельзя отнести к истинно международным судебным органам.

Устав МВТ разработан после совершения высокопоставленными государственными и военными деятелями Германии действий, за которые они были привлечены к уголовной ответственности и осуждены этим Трибуналом. В соответствии с Уставом МТБЮ его временная юрисдикция также распространяется и на деяния, совершенные до момента его принятия, так как она охватывает период, начинающийся с 1 января 1991 г.

Оба трибунала являются *ad hoc* судебными органами. Нюрнбергский Трибунал создавался «для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси»⁶. МТБЮ учрежден «с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г.»⁷. Однако в отличие от своего предшественника последний необоснованно распространил свою юрисдикцию на иные, еще не начавшиеся в момент его учрежде-

¹ Михайлов Николай Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель Руководителя Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя министра юстиции Российской Федерации; действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3-го класса.

С февраля 1997 по январь 2003 гг. автор данной статьи работал в качестве руководителя одной из следственных групп Международного трибунала по бывшей Югославии.

² Сравнительный анализ компетенции двух Трибуналов, а также Регламента МВТ и Правил процедуры и доказывания МТБЮ в данной статье не производится.

³ В дальнейшем также упоминается как Нюрнбергский Военный Трибунал, Трибунал в Нюрнберге и МВТ.

⁴ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. – Ст. 1.

⁵ В дальнейшем упоминается также как Международный трибунал по бывшей Югославии, Трибунал по бывшей Югославии и МТБЮ.

⁶ Устав МВТ. – Ст. 1.

⁷ Эта цель была впервые указана в Резолюции Совета Безопасности № 808 от 22 февраля 1993 г.

ния, вооруженные конфликты. При беспристрастном толковании источников его права можно прийти лишь к одному выводу, а именно: ни о каком конфликте в Косово речи в этих документах не шло, поскольку вооруженного конфликта там еще не существовало. Приняв в свое производство дела о серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных во время конфликта в Косово, МТБЮ, наделил себя временной юрисдикцией, присущей не для *ad hoc* судебных органов, каковым он является, а для постоянных международных судов и трибуналов, что идет вразрез с таким основополагающим принципом правосудия, как принцип законности¹.

Следующее сходство. Эти Трибуналы представляют собой суды победителей. Нюрнбергский Трибунал, на наш взгляд, является классическим примером суда победителей². Таковым он признается и в МТБЮ. Так, в определении Судебной камеры по «ходатайству Прокурора о мерах защиты потерпевших и свидетелей, проходящих по делу *Тадича*», в частности, говорится, что «судебные разбирательства в Нюрнберге и Токио были охарактеризованы как «правосудие победителей», потому что только побежденным были предъявлены обвинения в нарушении международного гуманитарного права. Их преследовали в судебном порядке. Они были наказаны за совершение преступлений, специально определенных в правовом акте, принятом победителями после завершения войны»³.

Пусть в меньшей степени, но такая оценка справедлива и по отношению к деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии. Аналогия между ним и его предшественниками – Нюрнбергским и Токийским трибуналами – напрашивается поневоле. Главное сходство состоит в том, что во всех трех случаях победители судили побежденных, что принцип универсальности юрисдикции применялся ими избирательно.

Бесспорно, что победителями в конфликтах на Балканах были страны НАТО, а побежденными, в конечном итоге, оказались вовлеченные в него народы бывшей Югославии, и прежде всего босняки, сербы и хорваты. В МТБЮ к уголовной ответственности главным образом привлекались высшие должностные лица и граждане бывшей Югославии, подавляющее большинство из которых составляли сербы, а совершенные в 1999 г. военнослужащими НАТО на территории бывшей Югославии преступления, а именно в Косово и Сербии, остались безнаказанными.

В первый состав Судебных и Апелляционной камер Трибунала, сформированных в 1993-1994 гг., входили представители таких стран, как Египет, Италия, Канада, Франция, Нигерия, Китай, США, Коста-Рика, Пакистан, Австралия и Малайзия. Первым Прокурором Трибунала был назначен гражданин ЮАР⁴, а его заместителем – гражданин Австралии. Как можно видеть, подавляющее большинство из этих стран либо принадлежат к Организации Североатлантического договора, либо активно поддерживали государства – члены НАТО во время их вооруженной кампании против Сербской Республики Боснии и Герцеговины, как, например, Австралия, либо являют-

¹ См. напр.: Ст. 11 Римского Статута «Юрисдикция *ratione temporis*», где констатируется, что «Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу настоящего Статута».

² Об этом можно судить хотя бы по содержанию ст. 3 его Устава, которая гласит, что «Ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой».

³ *Prosecutor v. Dusko Tadic a/k/a «Dule», Decision on the Prosecutor's Motion Requesting Protective Measures for Victims and Witnesses*, Case No. IT-94-1-T, T.Ch. II, 10 Aug. 1995, para. 21. Источник: <http://www.un.org/icty/tadic/trialc2/decision-e/100895pm.htm>.

⁴ International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since, 1991. YEARBOOK, 1994. Printed in the Netherlands. ICTY, 1995. – P. 194-202.

ся мусульманскими странами, как Египет, Пакистан и Малайзия, либо католическими, как Коста-Рика.

В 1999 г., когда страны НАТО стали наносить бомбовые удары по территории Союзной Республики Югославии, в Судебных и Апелляционной камерах работали Судьи из США, Гайаны, Италии, Франции, Великобритании, Малайзии, Египта, Китая, Колумбии, Замбии, Португалии, Австралии, Марокко и Ямайки¹. Перед началом бомбардировок 22 мая 1999 г. Прокурором Луиз Арбур (гражданкой Канады) было подписано, а 24 мая 1999 г. Судьей Хантом, представлявшим Австралию², утверждено, скороспелое обвинительное заключение против президента и других высших руководителей Союзной Республики Югославии и Сербии³.

Именно из-за национальной и, хотя и в меньшей степени, религиозной принадлежности Судей сербское население Союзной Республики Югославии и Сербской Республики Боснии и Герцеговины (православные христиане) не испытывало доверия к МТБЮ и не считало вынесенные им решения справедливыми. В связи с этим вряд ли можно говорить о том, что в результате деятельности МТБЮ цели международного правосудия были полностью достигнуты и что он в полной мере содействовал восстановлению мира между тремя национальными, или этническими, группами в Боснии и Герцеговине, когда, по крайней мере, одна из них воспринимала его как суд победителей⁴.

Нюрнбергским Трибуналом были осуждены высокопоставленные государственные и военные деятели, виновные в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. МТБЮ хотя и начинал свою судебную деятельность с дел о преступлениях, совершенных обвиняемыми среднего и низкого уровня, но к настоящему времени ему удалось привлечь к уголовной ответственности основную массу наиболее высокопоставленных государственных и военных должностных лиц всех стран и государственных образований, участвовавших в вооруженных конфликтах в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Косово. Канцелярия Прокурора готовила обвинительные заключения и в отношении президентов Боснии и Герцеговины и Хорватии, но в связи со смертью обоих президентов расследования в отношении них были прекращены.

И Трибунал в Нюрнберге, и МТБЮ уделяли недостаточное внимание жертвам преступлений – потерпевшим. Ни в Уставе, ни в Правилах процедуры и доказывания МТБЮ не предусмотрена компенсация потерпевшим за причинение им ущерба в случае посягательства на их жизнь и физическую неприкосновенность и при потере кормильца, произошедшей в результате совершения преступления.

Еще одна общая черта. Ни МВТ, ни МТБЮ нельзя назвать исключительно судебными органами. И в первом, и во втором осуществлялись такие виды деятельности, которые на государственном уровне обычно входят в компетенцию самостоятельных правоохранительных органов, таких как прокуратура, а в случае с МТБЮ также и таких, как полиция и органы юстиции. Секретариат МТБЮ, предназначенный для выполнения административных функций и обслуживания Трибунала, т.е. для оказания содействия работе Судебных и Апелляционной Камер, Канцелярии Прокурора и за-

¹ Sixth annual Report of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991, dated 31 July 1999. – Para. 9. UN document: A/54/187 – S/1999/846.

² Ibid. – Para. 87.

³ Источник: <http://www.un.org/icty/indictment/english/mil-ii990524e.htm>

⁴ Подробнее об этом см.: Михайлов Н.Г. Международный трибунал по бывшей Югославии. О самостоятельности, независимости и беспристрастности // Обозреватель. – Observer. – 2003. – № 11 (166). – С. 91-100.

щитников обвиняемых, имеет в своей структуре отделение содержания под стражей – Следственный изолятор и Секцию по делам потерпевших и свидетелей, отвечающую за принятие защитных мер в отношении потерпевших и свидетелей.

Судьи обоих Трибуналов, наряду с судейской, выполняли и несвойственную их профессии законодательную функцию. В соответствии со ст. 13 Устава МВТ Трибунал в Нюрнберге сам устанавливал регламент своей работы, который не должен был противоречить положениям его Устава. Аналогичным образом, согласно ст. 15 Устава МТБЮ, его Судьи принимают Правила процедуры и доказывания для проведения досудебного этапа разбирательства, судебного разбирательства и обжалования, принятия доказательств, защиты потерпевших и свидетелей и других соответствующих вопросов. Им дано право дополнять и изменять Правила процедуры и доказывания, которые, по существу, играют роль уголовно-процессуального кодекса Трибунала. Кроме того, Судьи принимают «Правила содержания под стражей», «Инструкцию о назначении адвокатов защиты» и «Инструкцию по практике», касающуюся объема меморандумов, представляемых суду сторонами процесса.

Выполнение Судьями МТБЮ одновременно и судебных, и законодательных функций (закключающихся в принятии Правил процедуры и доказывания и внесении в них изменений и дополнений) не согласуется с общепризнанной политико-правовой доктриной разделения властей или компетенции. Наряду с проблемой легитимности такое смешение различных властных функций представляет собой еще один из основных недостатков судебного органа, создаваемого для специального случая.

По состоянию на 10 декабря 2009 г. Правила процедуры и доказывания, принятые Судьями трибунала в феврале 1994 г., изменялись и дополнялись 45 раз, т.е. в среднем 3 раза в год¹. Принимая во внимание то обстоятельство, что судебные процессы в Трибунале нередко растягивались на несколько лет, в такой ситуации задача защитников становилась чрезвычайно трудной, поскольку от момента появления обвиняемого в Трибунале до окончательного решения по его делу, принимаемому Апелляционной камерой, в Правила процедуры и доказывания вносились десятки изменений и дополнений. Это значительно усложняло работу защитников, так как при анализе и использовании решений, принятых Судейскими и Апелляционной камерами в разное время, начиная со стадии производства в суде до судебного разбирательства и заканчивая апелляционным производством, а также при оценке действий следователей и обвинителей Канцелярии Прокурора защитникам постоянно приходилось учитывать, какое правило находилось в силе в момент принятия того или иного судебного решения или производства следственного действия, не было ли какое-либо правило отменено, изменено или дополнено и как это отразилось на правах конкретного обвиняемого.

Один пример для иллюстрации. Обвиняемый Блашкич был помещен под стражу 1 апреля 1996 г., а решение по его апелляции на приговор Судебной камеры от 3 марта 2000 г. было вынесено только 29 июля 2004 г.². За это время различные положения Правил процедуры и доказывания дополнялись, либо изменялись, либо подвергались ревизии 25 раз. Очевидно, что такое непрерывное изменение правил уголовного судопроизводства никак не облегчало задачу защитников.

Критика в адрес МТБЮ в связи с тем, что он слишком часто вносил изменения и поправки в Правила процедуры и доказывания, поступала уже в 1996 г. Первый

¹ См.: ICTY Rules of Procedure and Evidence. As Amended 10 December 2009. (Правила процедуры и доказывания трибунала с изменениями и дополнениями на 10 декабря 2009 г.). Источник: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Rules_procedure_evidence/IT032_rev44_en.pdf

² *Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Judgement*, Case No. IT-95-14-A, App. Ch. 29 Jul. 2004, Chapter XIII, Disposition. Источник: <http://www.un.org/icty/blaskic/appeal/judgement/index.htm>.

Президент Трибунала Антонио Кассезе весьма убедительно отреагировал на нее 19 ноября 1996 г. в своем обращении к Генеральной Ассамблее ООН. В частности, он отметил, что хотя обычно принятие Правил и процедур доказывания является функцией не судебных, а законодательных органов, тем не менее, возлагая эту необычную задачу на Судей трибунала, Совет Безопасности поступил правильно. Он также подчеркнул, что тогда, когда Судьям приходится заполнять пробелы, оставленные в Уставе, они делают это в пределах, очерченных Советом Безопасности. Кассезе сделал особое ударение на том, что ни одно из правил, содержащихся в Правилах процедуры и доказывания, и ни одна поправка к ним не могут нарушать принципов, сформулированных в Уставе.

Отвечая непосредственно на критику относительно неоднократного изменения и дополнения Правил процедуры и доказывания, Президент Трибунала, прежде всего, указал на то, что в свете новых проблем, которые появились, и новых неожиданно возникших ситуаций внесение таких изменений и дополнений было необходимо в интересах правосудия. Он перечислил ряд причин, обусловивших неизбежность внесения изменений и дополнений в Правила процедуры и доказывания, а именно: необходимость расширения объема прав обвиняемого, усиления мер защиты потерпевших и свидетелей, принятия во внимание мнения принимающей страны, достижения большей последовательности, ясности и полноты Правил процедуры и доказывания.

Объясняя, почему Правила процедуры и доказывания не были безупречными на момент их принятия, Кассезе настаивал на том, что для первого истинно международного трибунала принятие с первой попытки идеального первого международного уголовно-процессуального и доказательственного кодекса было невозможным по причинам, независящим от Судей. Он обосновал это сложностью стоящих в тот период времени перед Трибуналом задач, поскольку нужно было впервые разработать правила для всех стадий уголовного процесса, которые включают: предварительное следствие, составление обвинительного заключения, досудебные слушания, судебное разбирательство, апелляционное производство и пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу.

Президент трибунала утверждал, что в начале 1994 г., когда Правила процедуры и доказывания были приняты Судьями, т.е. более чем за 12 месяцев до прибытия первого обвиняемого в место нахождения Трибунала, было невозможно абсолютно правильно предвидеть и решить все возникавшие впоследствии каждый день проблемы, касающиеся средств доказывания, а также относящиеся к внутренней организации Трибунала¹. Через год, т.е. в ноябре 1997 г., Президенту трибунала вновь пришлось обосновывать перед Генеральной Ассамблеей ООН необходимость внесения изменений в Правила процедуры и доказывания².

Несомненно, что в 1996 и 1997 гг. аргументация Кассезе вполне годилась для объяснения многочисленных поправок в Правила процедуры и доказывания. Однако и спустя 15 лет после начала его функционирования, на завершающем этапе деятельности Трибунала, в Правила процедуры и доказывания все еще вносились поправки.

¹ Cassese A. Address to the General Assembly of the United Nations, 19 November 1996 // International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since, 1991. YEARBOOK, 1996. Printed in the Netherlands. ICTY, 1997. P. 223. ISBN: 92-1-156701-9 ISSN: 1020-3907.

² Cassese A. Address to the General Assembly of the United Nations, 19 November 1996 // International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since, 1991. YEARBOOK, 1996. Printed in the Netherlands. ICTY, 1997. P. 223. ISBN: 92-1-156701-9 ISSN: 1020-3907.

Итак, некоторые общие черты двух Трибуналов проявляются в том, что: в обоих случаях широкое мировое сообщество не было вовлечено в процесс их создания; они являются *ad hoc* судебными органами; положения их Уставов имеют обратную силу; они представляют собой суды победителей; и тем, и другим Трибуналом были привлечены к уголовной ответственности и осуждены высокопоставленные государственные и военные деятели; и Трибунал в Нюрнберге, и МТБЮ уделяли недостаточное внимание жертвам преступлений – потерпевшим; Трибуналы нельзя назвать исключительно судебными органами; Судьи, наряду с судьейской, выполняли и несвойственную их профессии законодательную функцию.

Значение гарантий для урегулирования проблем международного банковского права

А.М. Ибрагимов¹

Урегулированные международным правом международные экономические отношения представляют собой высокоразвитую сложную систему, объединяющую разнородные по объекту и по субъектам виды общественных отношений. Соответствующие им международные нормы, закрепленные в крупных международных договорах, являются нормативной гарантией унифицированного регулирования экономических отношений, в частности, в рамках банковской сферы.

Национальным регулятором таких отношений выступает банковское право, традиционно тяготеющее к сфере частного права, однако представляющее собой комплексную правовую отрасль, в которой нормы частного и международного публичного права переплетаются тесно. Вместе с тем, в результате интернационализации всей совокупности экономических отношений банковская деятельность объективно и неизбежно выходит за рамки отдельных государств и приобретает трансграничный характер. В мире появляются новые различные субъекты банковских правоотношений, неизвестные национальному банковскому праву, – международные финансово-кредитные организации.

Одним из важнейших направлений деятельности кредитных организаций является выдача банковских гарантий (гарантийные операции банков). Высокий уровень однотипности таких массовых операций создает объективные предпосылки для унификации их правового регулирования. И хотя внутреннее законодательство различных государств, имеющее прямое отношение к интернационализации банковской деятельности, содержит нормы, регулирующие данный вид деятельности, наряду с ними применяются унифицирующие договорные и обычные нормы международного права, сложившиеся в межбанковской практике, которые получили одобрение Международной Торговой Палаты (МТП) и используются в международных банковских операциях.

Коль скоро мы заметили, что выдача банковских гарантий (равно как и их содержание), помимо национального законодательства государств, регулируется также договорными и обычными международными нормами, возникает иллюзия сходства банковских гарантий с международно-правовыми гарантиями, применяемыми в публичных отношениях. Обе эти гарантии, являясь средствами обеспечения тех или иных договорных обязательств, на поверку различны. Их следует различать по субъектному составу (например, для банков-

¹ *Ибрагимов Ахмед Муслимович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета.*

ских гарантий в общем виде субъекты – это международные и национальные финансово-кредитные учреждения, юридические лица; для публичных, имея в виду международно-правовые гарантии, – государства и международные организации), по специфике объекта правового регулирования, по содержанию, по способу реализации и некоторым другим параметрам. В данной статье не ставится задача подробнейшего анализа затронутых различий по указанным критериям, в ней в гораздо большей степени показана роль гарантий в специфическом их назначении как правовых регуляторов проблем банковско-экономического сообщества. Тем не менее, в нижеследующем тексте в том или ином контексте будут очерчены несовпадающие свойства публично-правовых и банковских гарантий.

Как известно, международно-правовые гарантии являются объектом только международного публичного права, по сути своей они являются специальными договорными обязательствами по обеспечению установленных прав или интересов того или иного государства, выполнению договорных установлений, сохранению определенного положения вещей, лишенных, как правило, материального контента. Национальное право государств имеет к созданию и обеспечению таких гарантий минимальное отношение.

То ли дело банковские гарантии. В силу наличия как национально-правового, так и международно-правового регулирования деятельности банков по выдаче гарантий следует говорить о комплексном характере такого регулирования и, следовательно, о достаточно ошутимом отнесении соответствующих норм к области международного банковского права. В гарантийных операциях, обслуживающих международный коммерческий оборот, участвуют банки различных государств, тем самым создаются предпосылки для применения не только внутригосударственных норм, но и положений международного банковского права, которые возрастают в своей роли. Возрастающую роль банковских гарантий как комплексного правового института способствуют как минимум два обстоятельства: во-первых, возможность использования банковской гарантии для обеспечения исполнения любых видов сделок как финансового (кредитование), так и нефинансового характера (подряд, поставка); во-вторых, возможность использования банковской гарантии для ускоренного возмещения материального ущерба, возникшего вследствие ненадлежащего исполнения договорных обязательств частного характера. Реализация таких возможностей напрямую связана с национальными и международно-правовыми источниками (договорными и обычными), а также с определением понятия банковской гарантии, в котором отражаются особенности объекта регулирования этого института.

В западной юридической науке отмечалось, что не существует унифицированного определения гарантии, которое использовалось бы в международной коммерческой практике. Это связано, в первую очередь, с тем, что национальное право различных государств (главным образом, гражданское право) базируется на различных концепциях обеспечения контрактных обязательств и использует различные термины (например, *guarantee*, *standby letter*, *performance bond*). Кроме этого, западная юридическая практика, особенно в странах англосаксонской системы права, разграничивает понятия «гарантия» (*guarantee*) и «гарантийное письмо» (*letter of guarantee*), рассматривая гарантию как первичное обязательство уплатить определенную денежную сумму в качестве обеспечения исполнения основного контракта, а гарантийное письмо – как вторичное обязательство. С точки зрения правового эффекта и порождаемых юридических последствий западные юристы неоднократно подчеркивали схожесть банковской гарантии и договора поручительства (*surety ship*)¹, о чем в нашей работе будет еще отмечено.

¹ См.: Бирюкова Л.А. Банковские гарантии: теория и практика. – М., 2004. – С. 47.

Между тем, для наглядной демонстрации несходства классических международно-правовых гарантий с банковскими гарантиями сошлемся на отечественный опыт регулирования последних. Выясняется, что в российских правовых нормах, регулирующих банковские гарантии, имеются некоторые заметные отличия от международных правил. Первое из них – это диспозитивность регулирования банковских гарантий. Новый Гражданский кодекс (ГК) РФ в значительном числе норм установил, что международные правила применяются, если договором не установлено иное. В связи с этим можно утверждать, что высокая степень диспозитивности правового регулирования, выражающаяся в незначительном количестве прямых предписаний и отсутствии запретов, снижает эффективность реализации правовых норм и придает им в значительной степени декларативный характер. С учетом вышесказанного более эффективными представляются нормы международного банковского права по гарантиям, сформулированным МТП: Унифицированные правила по договорным гарантиям 1978 г. (Публикация МТП № 325), Унифицированные правила для гарантий по требованию 1992 г. (Публикация МТП № 458)¹. Без ущерба для нашего анализа фактора гарантий в регулировании проблем банковского права уточним, что нормы этого института, содержащиеся в сформулированных МТП Унифицированных правилах, имеют юридическую силу, хотя и не прямую. Они представляют собой неофициальную кодификацию обычаев, обобщение практики регулирования международных коммерческих отношений. В случае банковской гарантии на применение правил МТП должно содержаться прямое указание в тексте гарантии. Ничего подобного в регулировании международно-правовых гарантий в межгосударственном общении нет, они в каждом случае специфичны, имея в виду их самостоятельность и свободу от национального права государств, неповторимы, хотя ставят своей основной задачей обеспечение тех или иных договорных установлений.

Представляется, что более подробное рассмотрение банковских гарантий в классификации также поспособствует их отграничению от публично-правовых (международных) гарантий. Так, в зависимости от механизма платежа по гарантии в международной практике выделяют две большие группы гарантий: условные гарантии и гарантии по требованию.

Правовое регулирование условных гарантий в международном банковском праве осуществляется обычно с помощью правовых норм, закрепленных в Унифицированных правилах МТП 1978 г. (Публикация МТП № 325). Правила 1978 г. не сделали попыток раскрытия природы банковской гарантии. В них посредством описания различных ее типов определяется способ реализации гарантии. В соответствии с Правилами 1978 г. в международной коммерческой практике могут использоваться три типа условных гарантий:

- Гарантия исполнения контракта (*performance guarantee*) – банк-гарант берет обязательство перед бенефициаром (импортером, заказчиком) в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта со стороны принципала (экспортера, подрядчика) выплатить гарантийную сумму. Цель данной гарантии – компенсация ущерба, понесенного бенефициаром в результате неисполнения контракта принципалом. Этот тип является наиболее распространенным по строительству и торговым контрактам.

- Тендерная гарантия (*tender guarantee*) – банк-гарант берет обязательство перед бенефициаром выплатить гарантийную сумму в случае, если принципал, выиграв тендер, в дальнейшем откажется от заключения контракта. Цель – компенсация расходов бенефициара на проведение нового тендера. Данная гарантия применяется по строи-

¹ См.: Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: Учебник. – М., 2009. – С. 54.

тельными контрактам, контрактам на проведение геологоразведочных и изыскательских работ.

- Гарантия возврата платежей (repayment or advance payment guarantee) – банк-гарант берет обязательство перед бенефициаром выплатить гарантийную сумму, если принципал не выполнит своих контрактных обязательств и бенефициар расторгнет контракт. В этом случае банковская гарантия компенсирует авансированную бенефициаром и не возвращенную принципалом сумму¹.

Правила 1978 г. не получили широкого применения. Практика показала объективную необходимость упрощения отраженной в них процедуры реализации прав по банковской гарантии как способа обеспечения исполнения обязательств.

В апреле 1992 г. МТП издала Унифицированные правила для гарантий по требованию (Публикация МТП № 458), которые в большей степени отражают международную практику использования банковских гарантий и в то же время сохраняют цель первоначальных Правил – уравнивать интересы различных сторон и не допускать злоупотреблений при требовании платежей по гарантии. Вместе с тем, новые Унифицированные правила отличаются от предыдущей публикации абсолютно новым механизмом выплаты гарантийной суммы. Согласно Правилам 1992 г. (ст. 2), гарантийная сумма выплачивается немедленно после получения соответствующего платежного требования бенефициара. Бенефициару не требуется более доказывать неисполнение или ненадлежащее исполнение принципалом своих обязательств по основному контракту. Именно в этом состоит принципиальное отличие Правил МТП 1992 г. от Правил 1978 г.² Сфера применения новых Унифицированных правил гораздо шире. В нее включаются не только договорные гарантии, упоминаемые в Правилах 1978 г., но и любые другие типы гарантий.

С позиции отработки в будущем механизма судебного обеспечения международных публично-правовых гарантийных обязательств для нас не может не представлять интереса такой тип банковских гарантий, отраженный в Правилах 1992 г., как судебная гарантия (**judicial guarantee**), **используемая в качестве одной из мер по обеспечению иска в судопроизводстве**. Если по требованию истца в качестве меры по обеспечению иска применен арест имущества или денежных средств ответчика, последний вправе предложить судебную гарантию как основание для отмены ареста. Судебная гарантия подлежит оплате по представлению решения суда или мирового соглашения, подтверждающего право истца на получение определенных денежных сумм с ответчика в удовлетворение своих исковых требований. Сумма гарантии, как правило, соответствует сумме иска или стоимости арестованного имущества и т.д. Учитывая имеющуюся в праве общую взаимосвязь его элементов, нельзя исключать пригодность феномена судебной гарантии как некоего ориентира для призвания судебных институтов в помощь обеспечению публичных правовых обязательств государств.

Достижению ясности при сличении банковских и международно-правовых (публичного порядка) гарантий может способствовать еще одна деталь. Так, в международной банковской практике широко распространены и играют роль обычая Правила выдачи банковских гарантий, отличные от Правил предоставления международно-правовых гарантий. На основе Правил выдачи банковских гарантий применяются стандартные формы различных типов таких гарантий. Однако используя ту или иную стандартную форму в конкретном случае, следует всегда учитывать императивные нормы законодательства, действующего в месте выдачи гарантии, а также зако-

¹ См.: *Ермаков С.Л.* Банковская гарантия в кредитных сделках: теория и практика. – М., 2006. – С. 79.

² См.: *Бирюкова Л.А.* Указ. соч. – С. 62.

нодательства, применимого в качестве материально-правового регулирования соответствующих правоотношений. Окончательный текст гарантий обязательно должен представлять собой результат согласования намерений банка-гаранта и бенефициара. Характер положений, записанных в тексте гарантии, зависит от усмотрения сторон. Однако любая банковская гарантия должна включать следующее: ссылку на основной контракт, в соответствии с которым она выдается; срок действия; гарантийную сумму и валюту, в которой она выплачивается; средство и место осуществления платежа; применимое право; порядок разрешения споров; механизм платежа по гарантии. Для сравнения: в отличие от Правил выдачи банковской гарантии по стандартной форме публичные международно-правовые гарантии далеки от обличения в такую или подобную ей форму.

Гарантийное обязательство, участниками которого являются, помимо иностранцев, российские юридические или физические лица, должно отвечать императивным нормам российского законодательства. Поскольку гарантия представляет собой соглашение между бенефициаром и банком-гарантом, к ней применимы нормы о форме внешнеэкономических сделок, закрепленные в Гражданском кодексе РФ (п. 3 ст. 162). Банковская гарантия должна быть выдана обязательно в письменной форме и подписана уполномоченными должностными лицами банка-гаранта. Если речь идет о не прямой гарантии, то и сама гарантия, и контргарантия банка-эмитента должны быть представлены в письменной форме.

Для полноты анализа затронутой детали следует подчеркнуть, что большая часть принципов, содержащихся в рассмотренных Правилах, воспринята Гражданским кодексом РФ в полном объеме, в частности, за некоторыми исключениями, это относится к разделам, посвященным общим положениям, обязательствам и ответственности, положениям об истечении срока действия гарантии. Часть норм имеет определенные различия, например, Правила о содержании гарантии, о субъектном составе, Правила о предъявлении требования и др. Однако некоторая часть норм, сформулированных в Правилах 1992 г., не нашла своего отражения в нормах российского права. В частности, не были восприняты ст. 8 Правил, по которой в гарантии может содержаться специальное условие об уменьшении суммы гарантии; положение ст. 26 Правил о продлении срока действия гарантии в качестве альтернативы требованию о платеже. С другой стороны, некоторые нормы ГК РФ не имеют аналога в Правилах 1992 г. К ним, в частности, относятся положения о том, что за выдачу банковской гарантии принципал уплачивает гаранту вознаграждение, содержание нормы ст. 379 ГК РФ о регрессных требованиях гаранта к принципалу, а также некоторые другие установления.

Более того, наряду с Унифицированными правилами МТП 1978 и 1992 гг. правовой режим банковских гарантий регулируется международным договором – Нью-Йоркской конвенцией ООН 1995 г. о независимых гарантиях и резервных аккредитивах, вступившей в силу 1 января 2000 г. Из названия документа нетрудно понять, что Нью-Йоркская конвенция не затрагивает публичных международно-правовых гарантий. Основная ее цель заключается в том, чтобы создать единообразное правовое регулирование как института собственно банковской гарантии, так и института резервного аккредитива, сложившегося в практике США¹. Соответственно, Конвенция использует не термин «гарантия», а понятие «обязательство», охватывающее оба института. Конвенция прямо указывает, что «обязательство означает независимое обязательство, под которым в международной практике понимается независимая гарантия или резервный аккредитив, выдаваемый банком, содержание которого состоит в уплате бенефициару

¹ См.: *Лебедев С.Н.* Единообразный торговый кодекс. Офиц. текст-1990: Пер. с англ. / Авт. вступ. Дж. Уайт, Р.Саммерс; науч. ред. и авт. введ. С.Н. Лебедев. – М., 1996. – С. 34.

определенной суммы по простому требованию или по требованию с представлением других документов, указывающих, что платеж причитается по причине неисполнения какого-либо обязательства» (п. 1 ст. 2).

Аналогично Правилам 1992 г. Конвенция подчеркивает независимость банковской гарантии от основного договора, устанавливая, что она независима в случаях, когда обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от наличия или действительности основной сделки или какого-либо иного обязательства (п. «а» ст. 3). Вместе с тем, Конвенция содержит ряд положений, которые входят в противоречие с этим принципом и устанавливают несколько форм связи банковской гарантии с основным договором¹.

Гаранту дано широкое право приостановить платеж, если совершенно очевидно, что с учетом вида и цели обязательства для требования нет достаточных оснований (п. 1 «с» ст. 19). Конвенция разъясняет, что требование не имеет достаточных оснований в следующих случаях: обстоятельство или риск, в случае возникновения которых обязательство должно было обеспечить интересы бенефициара, бесспорно, не возникли; основное обязательство принципала признано недействительным судом или арбитражем; основное обязательство, бесспорно, было исполнено удовлетворительным для бенефициара образом; исполнению основного обязательства явно воспрепятствовало умышленное неправомерное поведение бенефициара (п. 2 ст. 19).

В целом Конвенция расширила связь банковской гарантии и основного договора, в обеспечение исполнения которого она выдана, что отличает ее от Правил 1992 г. не с самой лучшей стороны. При формулировании норм Конвенции сказалось влияние банковского сообщества, традиционно выступающего гарантом и стремящегося по возможности ограничивать платежи по банковским гарантиям путем установления прочной связи самой гарантии и основного договора, сводящей, по сути, на нет автономный характер гарантии и превращающей ее в обычное поручительство.

Обеспечительный характер самого поручительства связан с привлечением к обязательству других лиц, за счет имущества которых, наряду с имуществом должника, могут быть удовлетворены требования кредитора при нарушении обязательства должником². При поручительстве ответственным перед кредитором за исполнение обеспеченного поручительством обязательства, наряду с должником, становится другое лицо – поручитель³.

Поручительство выступает как самостоятельная двусторонняя сделка, заключаемая между поручителем и бенефициаром. Следовательно, ее формирует волеизъявление двух сторон. В этом наблюдается полное единогласие среди юристов. Банковская же гарантия, как это определено в науке и практике, является односторонней сделкой. Для ее совершения потребно волеизъявление только одной стороны – гаранта. По мнению английских ученых, банковская гарантия представляет собой договор, т.е. двустороннюю сделку, когда соглашение о гарантировании какого-либо обязательства заключается между гарантом и бенефициаром. Однако такой договор носит односторонний характер, так как обязанность уплатить гарантийную сумму лежит исключительно на стороне гаранта⁴.

¹ Унифицированные правила для межбанковского рэмбурсирования по документарным аккредитивам. Uniform rules for bank-to-bank reimbursements under documentary credits. Комментарий: на рус. и англ. яз.: Пер. с англ. Л.В. Аверьяновой. – М., 1998. – С. 68-71.

² См.: Новоселова Л.А. Поручительство и банковская гарантия как способы обеспечения исполнения обязательства // Гражданин и право. – 2001. – № 10. – С. 89-90.

³ См.: Олейникова И.Н. Деньги. Кредит. Банки: Учебное пособие. – М., 2008. – С. 60.

⁴ См.: Holden M. Law and Practice of Banking. London, 1993. – P. 201.

Представляется целесообразным выделить два характерных признака банковской гарантии, формирующих полное понимание ее специфического характера в отличие от гарантий, практикуемых в международном публичном праве. Это: 1) независимый характер банковской гарантии, имея в виду прямое указание ГК РФ на то, что предусмотренное банковской гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит в отношениях между ними от того основного обязательства, в обеспечение которого она выдана, даже если в гарантии будет содержаться ссылка на это обязательство (ст. 370 ГК РФ); 2) специфика взаимоотношений «гарант – принципал». Такая специфика заключается, в частности, в том, что за выдачу банковской гарантии принципал уплачивает гаранту вознаграждение (п. 2 ст. 369 ГК РФ). Кроме того, гарант вправе потребовать от принципала в порядке регресса возмещения сумм, уплаченных бенефициару по банковской гарантии в порядке и на условиях, определяемых соглашением гаранта с принципалом, во исполнение которого была выдана гарантия (п. 1 ст. 379), что совсем несовместимо с характеристикой публичных правовых гарантий. Существует два подхода к толкованию этой нормы ГК РФ. Согласно первому подходу гарант имеет право регрессного требования к принципалу только в случае прямого на то указания в договоре о предоставлении банковской гарантии. Согласно второму подходу, право регрессного требования к принципалу возможно только в случае наличия соглашения гаранта с принципалом, что в принципе может идеально устраивать принципала, виновного в неисполнении своих обязательств по основному договору. Второй подход отражает несовершенство существующей практики и должен быть скорректирован методом отнесения регрессного требования к принципалу к категории обязательных условий договора о предоставлении банковской гарантии. Из всего этого вытекает, что взаимоотношения гаранта и принципала обладают тремя особенностями: 1) они имеют возмездный характер; 2) должны быть опосредованы соглашением; 3) характерной особенностью является ответственность. Ответственность гаранта в отличие, например, от ответственности поручителя не является ни субсидиарной, ни солидарной, так как гарант отвечает независимо от принципала. Это самостоятельная ответственность гаранта, которая наступает при наличии одного юридического факта – неисполнения должником-принципалом своего обязательства перед кредитором-бенефициаром.

Итак, банковская гарантия представляет собой отличное от международной гарантии публично-правового порядка самостоятельное гражданско-правовое обязательство одностороннего характера одного субъекта-гаранта перед бенефициаром. Придерживаясь в принципе такого заключения, следует заметить, что оно не в полной мере отражает суть анализируемой банковской гарантии в свете целостного отражения картины ее доктринального освещения. Выше мы подчеркнули, в частности, что Нью-Йоркская конвенция ООН 1995 г. о независимых гарантиях и резервных аккредитивах свела к нулю автономное значение банковской гарантии, связав ее с основным договором, в обеспечение которого она выдана. Тем самым конвенция, отражая существующую в государствах практику, превратила банковскую гарантию в обычное поручительство. В свете всего сказанного банковская гарантия выступает все же не в одной, а в двух «ипоста-сях». Это, во-первых, самостоятельное гражданско-правовое обязательство одностороннего характера одного субъекта-гаранта перед бенефициаром; во-вторых, данная гарантия зачастую выступает в качестве обычного поручительства. Стало быть, нельзя соглашаться с однозначными оценками отечественных и зарубежных авторов, признающих за банковской гарантией должностное быть только лишь самостоятельным гражданско-правовым обязательством гаранта, не связанным с основным договором. Одним из важных выводов проведенного нами изучения вопроса представляется то, что сравнительный анализ положений Гражданского кодекса РФ и Унифицированных правил для гарантий по требованию

1992 г. позволяет утверждать, что в целом правовое регулирование банковской гарантии по российскому законодательству соответствует нормам, закрепленным в международных Правилах 1992 г.

Международное спортивное процессуальное право: некоторые аспекты решения МСА по делу российских легкоатлетов

А. Луппова¹

В последнее время все чаще дела российских спортсменов рассматриваются Международным спортивным арбитражным судом Лозанны (далее – МСА), повышение доверия к которому со стороны мировой спортивной общественности уже давно является одной из основных тенденций международного спортивного процессуального права.

Одним из самых интересных за последние годы стало дело семи российских спортсменок-легкоатлеток. 31 июля 2008 года Международная ассоциация легкоатлетических федераций (далее – ИААФ) обнародовала письмо, в котором объявила о временном отстранении от участия во всех проводимых под своей эгидой соревнованиях семи российских спортсменок: Юлии Фоменко (бег на 1500 м), Гульфии Ханафеевой (молот), Дарьи Пищальниковой (диск), Елены Соболевой (800 и 1500 м), Татьяны Томашовой (1500 м), Светланы Черкасовой (800 м) и Ольги Егоровой (5000 м)². Пять из них в скором времени должны были отправиться на Олимпиаду в Пекин. Легкоатлеты, в числе которых были потенциальные претенденты на призовые места, обвинялись в манипуляции допинг-пробами. В анализах одного и того же человека, проведенных в разное время, не совпадал ДНК. Спортивному арбитражному суду в порядке апелляционной процедуры надлежало рассмотреть правомерность наложенных на спортсменок санкций Специальным Комитетом Всероссийской федерации легкой атлетики (далее – АРАФ). В Конституциях и Правилах большинства международных спортивных федераций и ассоциаций прописана возможность подачи апелляций именно в МСА – международный орган, компетенция которого в области разрешения спортивных споров не подвергается сомнениям. Созданный в 1984 году по инициативе МОК в Лозанне, позднее, в 1994 году, утвердился в своей независимости путем образования Международного арбитражного совета в области спорта, который обеспечивает соблюдение равенства прав сторон перед МСА³.

При рассмотрении этого дела в МСА было установлено следующее. В марте 2007 года, когда у ИААФ возникло подозрение, что в России нарушаются правила антидопинговой внесоревновательной программы, Ассоциация инициировала тщательное расследование, продолжавшееся больше года. Было принято решение о начале обширной проверки, заключавшейся в сравнении соревновательных и внесоревновательных анализов во взаимодействии с ВАДА-аккредитованной (Всемирное антидопинговое

¹ Луппова Анастасия – аспирант кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ».

² Газета «Советский спорт» от 01 августа 2008 г., № 110(17588).

³ Blackshaw I., Siekmann R., Soek J. The court of arbitration for sport, Hague, ASSER-PRESS, 2006. – P. 22-23, 50.

агентство) лабораторией в Лозанне. В ходе нее было обнаружено, что одни и те же пробы спортсменов не совпадали. После этого несколько пар анализов было передано для исследования в Судебную генетическую лабораторию Медицинского университета Лозанны. По результатам ДНК-тестов выявили несоответствия у вышеупомянутых семи российских легкоатлетов.

21 июня 2008 года доктор Габриэль Долле, антидопинговый администратор ИААФ, в официальном письме уведомил Президента АРАФ о возможном нарушении статьи R32.2(b,e) Правил проведения соревнований ИААФ 2008 года (далее – Правила ИААФ)¹, в которых говорится об использовании запрещенных препаратов или методов, а также о манипуляциях с допинг-пробами либо иных нарушениях процедуры допинг-контроля. После этого в Москве 22 июля спортсмены были приглашены на повторное взятие генетического материала для проведения дальнейших исследований. 30 июля доктор Долле известил российскую сторону о прошедшей сравнительной экспертизе. В ходе нее было выявлено, что новый материал по ДНК идентичен со взятым на соревнованиях, но не совпадает с внесоревновательными пробами. На основании данных исследований был сделан вывод о подмене допинг-проб. В том же письме было выражено решение ИААФ о временном отстранении спортсменов от соревнований. В соответствии со статьями 38.6, 38.7 и 60.3 Правил ИААФ² наши легкоатлеты решили воспользоваться своим законным правом и запросить специальные слушания в национальной федерации. Для рассмотрения дела в рамках нашей спортивной организации была создана Специальная Комиссия АРАФ, которая после проведения ряда закрытых заседаний 27 октября 2008 года представила ИААФ решение о двухлетней дисквалификации спортсменов. Сроком начала отбывания дисквалификации было рекомендовано считать взятие допинг-проб в период с 7 апреля по 23 мая 2007 года, в зависимости от даты контроля конкретного обвиняемого. Также рекомендовано с этого времени все результаты, показанные легкоатлетами на соревнованиях, считать недействительными. Решение Комиссии было основано на статьях 32.2(b,e) и 40.1 Правил ИААФ. В последней говорится о санкциях за нарушение статьи 32.2(b,e), а именно: за первое нарушение правил – минимальный срок отстранения от соревнований в 2 года.

Таким образом, согласно статье 60.28 Правил ИААФ, все возможные процедуры до рассмотрения дела в МСА были соблюдены. Согласно апелляционному арбитражному порядку Международного спортивного арбитражного суда, «любая сторона имеет право на апелляцию в отношении решения дисциплинарного суда или аналогичной инстанции федерации, ассоциации или другой спортивной организации, если это предусматривает устав или регламент упомянутых спортивных организаций... При условии, что до апелляции были исчерпаны все законные пути, которыми апеллирующая сторона располагает по уставу или регламенту спортивной организации»³. Согласно Правилам проведения соревнований ИААФ-2008, Ассоциация является стороной, имеющей право подачи апелляции в САС⁴. ИААФ столь мягкое, по мнению ее руководства, решение не устроило, о чем официально заявил Президент Ассоциации Ламин Диак: «ИААФ не приемлет такого развития событий, когда спортсмены, пред-

¹ Правила проведения соревнований ИААФ 2008, 32.2(b,e) // По материалам официального сайта Немецкого спортивного арбитражного суда <http://www.dis-sportschiedsgericht.de/Material/DLV/IAAF/IAAF_Competition_Rules_2008.pdf>

² Там же: 38.6/38.7/60.3.

³ Алексеев С.В. Международное спортивное право. – М.: ЮНИТИ, 2008. – С. 796-797.

⁴ Правила проведения соревнований ИААФ 2008, гл. IV, 60.13 // По материалам официального сайта Немецкого спортивного арбитражного суда <http://www.dis-sportschiedsgericht.de/Material/DLV/IAAF/IAAF_Competition_Rules_2008.pdf>

намеренно не соблюдавшие столь серьезные анти-допинговые правила, будут отбывать наказание всего 9-10 месяцев с момента принятия решения АРАФ... Более того, я считаю, что обстоятельства, сопутствующие этому делу, служат основанием для того, чтобы ИААФ настаивал на продлении срока наказания много более, чем на 2 года»¹. В своей апелляции от 26 ноября 2008 года на решение Специальной Комиссии АРАФ Ассоциация потребовала для спортсменов дисквалификации на 4 года, мотивируя это следующими аргументами: преднамеренная природа, по их мнению, нарушения правил легкоатлетами; дополнительные улики, основанные на заключении компетентного лица об измененном составе крови в связи с возможным использованием запрещенных препаратов; уже примененные более строгие санкции к спортсменам по аналогичным делам; отягчающие обстоятельства, согласно Кодексу ВАДА-2009; увеличение эффективности борьбы с допингом в целом.

«В течение 10 дней после истечения срока для подачи апелляционного заявления апеллянт представляет в МСА памятную записку, содержащую описание фактов и перечень правовых норм, на основании которых подана апелляция, с приложением всех документов и вещественных доказательств, которые он намеревается представить. В отсутствие такой памятной записки апелляция считается отозванной»². Однако ИААФ предоставила перечисленную информацию лишь 19 января 2009 года, руководствуясь статьей R32 Кодекса Спортивного Арбитража (далее – Кодекс), гласящей, что «по мотивированной просьбе председатель арбитражной группы или в его отсутствие Президент соответствующей палаты может продлить срок, назначенный в соответствии с настоящим Процедурным регламентом, если это оправдывается обстоятельствами»³.

В соответствии с правилами апелляционной процедуры МСА после получения памятной записки принимает все необходимые меры по проведению арбитража, а именно: канцелярия направляет апелляционное заявление ответчику, а Президент палаты приступает к назначению арбитражной группы⁴. В данном случае дело рассматривалось коллегиально, арбитражная группа в соответствии с правилами состояла из председателя и двух арбитров, выбранных сторонами.

На основании статьи R55 Кодекса МСА ответчик (АРАФ и семь спортсменов), получив копию мотивированного апелляционного заявления, должен в течение 20 дней представить ответ, содержащий описание средств защиты, любое исключение некомпетентности, документы и вещественные доказательства, которые намеревается использовать⁵.

Получив памятную записку апеллянта и ответ респондента, далее арбитражная группа приступила к рассмотрению некоторых правовых аспектов дела российских легкоатлетов. Среди них наиболее важными являются: юрисдикция МСА, законность данной апелляции, что было подтверждено статьей R47 Кодекса и статьей 60.26 Правил ИААФ; а также вопрос применимого права, норм права, внутренних специальных правил, разрешение которого закреплено статьями 60.28 и 60.29 вышеупомянутых Правил, а также статьей R58 Кодекса. В связи с этим главенствующим правом было выбрано монегасское право (штаб-квартира ИААФ находится в княжестве Монако). По мнению суда, данное дело должно было быть разрешено на основании следующих

¹ IAAF appeals decision on Russian athletes to CAS, 27 November 2008, News // По материалам официального сайта ИААФ <<http://www.iaaf.org/aboutiaaf/news/newsid=48434.html>>

² Алексеев С.В. Международное спортивное право. – М.: ЮНИТИ, 2008. – С. 798.

³ Code of sport-related arbitration, R32 // По материалам официального сайта CAS <http://www.tas-cas.org/en/arbitrage_reglement.asp/4-0-1029-4-1-1/5-0-1089-7-1-1/>

⁴ Алексеев С.В. Международное спортивное право. – М.: ЮНИТИ, 2008. – С. 798.

⁵ Code of sport-related arbitration, R55 // По материалам официального сайта CAS <http://www.tas-cas.org/en/arbitrage_reglement.asp/4-0-1031-4-1-1/5-0-1089-7-1-1/>

источников спортивного права – это Конституция ИААФ, Правила ИААФ, Регламент ИААФ.

На 2-3 июля 2009 года назначили слушания, где были опрошены свидетели по данному делу, оповещенные об ответственности за лжесвидетельствование по швейцарскому законодательству.

Доктор Кастелла, директор Судебной генетической лаборатории, говоря о степени ответственности своей лаборатории, проводящей экспертизы в криминальных делах, подтвердил надежность результатов анализов, проведенных в их стенах.

Допинг-контролеры Евгений Антильский и Елена Малеваная, работники шведской компании «International Doping Tests and Management» (далее – IDTM), нанятой ИААФ для взятия и транспортировки допинг-проб, заявили, что никогда не пытались подменить допинг-пробы, не сталкивались с проблемами во время взятия анализов. Вместе с тем, они не исключают возможности, что спортсмены могли быть предупреждены об их приезде, так как не всегда получалось сразу по прибытии на место тренировок договориться о взятии внесоревновательных проб.

Ильина, допинг-контролер и координатор офиса IDTM в Москве, также заявила, что никогда не пыталась подменить допинг-пробы. Пояснила, что после забора анализов они транспортируются в их офис, где хранятся в соответствии со всеми требованиями. Далее они переправляются с курьером в Минск, откуда следуют с помощью услуг DHL в ВАДА-аккредитованную лабораторию в Лозанне. Она охарактеризовала курьера как сотрудника надежного, заслуживающего доверие.

Леоненко, курьер IDTM, также заявил, что никогда не пытался подменить допинг-пробы. Пробы были переданы ему Ильиной в запечатанном виде, после чего он поездом переправил их в Минск, сразу же отвезя в офис DHL со всеми сопутствующими документами, заполненными ею же. Паола Рэдклиф, легкоатлетка, рекордсменка, член Комиссии легкоатлетов ИААФ, выступила с заявлением, что Комиссия лоббирует увеличение минимального срока дисквалификации – 2 года, когда речь идет о серьезном нарушении спортивных правил, так как, по ее мнению, это единственный эффективный способ борьбы с допингом. Профессор Д'Онофрио, член Комиссии ВАДА, специалист в области гематологии. Проводя анализ взятых проб, профессор обнаружил ряд аномальных изменений крови, которые, возможно, могли возникнуть в ходе длительного употребления эритропоетина (rh-EPO) или иных форм допинга. Капдевил, менеджер по результатам допинг-проб ИААФ, который непосредственно помогал вести расследование ИААФ, рассказал, что подозрения на российскую внесоревновательную допинг-программу закрались в тот момент, когда были подсчитаны случаи нарушений, а именно одно на 45 тестов. Для сравнения в США одно нарушение допинговых правил приходится на 5 тестов. Это и послужило поводом для обширного расследования. На вопрос о том, почему российская сторона узнала о нем столь поздно, сообщил, что ввиду работы с разными экспертами и лабораториями и количеством сравниваемых проб (53 у 21-го спортсмена) была проведена большая работа по логистике, соответственно, процесс несколько затянулся¹.

После того, как стороны предоставили всю информацию по данному делу и прошли слушания, где были опрошены свидетели, суд приступил к рассмотрению вопроса состоятельности представленных доказательств. По правилам ИААФ бремя доказывания лежит на Ассоциации, национальной федерации или любой другой уполномоченной организации, имеющих основания предполагать совершение нарушения антидопинговых правил. Принимая во внимание всю серьезность сделанного предположения,

¹ CAS (18.11.2009-2008/A/1718-1724) // По материалам официального сайта СА <http://www.tas-cas.org/d2wfiles/document/3767/5048/0/20091118165643673.pdf>

орган, проводящий заслушивания, должен быть полностью удовлетворен предъявленными фактами. Стандартами доказательства является подтверждение вышеперечисленными организациями фактов нарушения антидопингового правила, которые могут быть установлены любыми достоверными способами, включая, но не ограничиваясь, признанием, показаниями третьих лиц, свидетельскими показаниями, отчетами специалистов, документами, заключениями, сделанными на основании многолетних наблюдений и другой аналитической информации¹. Суд в своем решении опирался на пункт 4 статьи 33 Правил ИААФ, в которой говорится об установлении фактов любыми надежными средствами, важнейшим из которых является проведение анализа проб ВАДА-аккредитованными лабораториями, за которыми закрепляется презумпция соответствия применяемых процедур². Здесь следует обратиться к тому эпизоду, что исследования ДНК спортсменов проводились в ВАДА-неаккредитованной Судебной генетической лаборатории Медицинского университета Лозанны, что идет вразрез установленным правилам, однако Суд исключил возможность недоверия результатам анализов ввиду того, что услуги данной лаборатории применяются при расследовании криминальных дел в Швейцарии и офицеры данной службы очень хорошо знают меры предосторожности, ограждающие от возможной порчи или иных манипуляций тестируемые ДНК. Таким образом, арбитры посчитали нерушимым доказательством то, что ДНК-пробы, собранные у спортсменов в июле 2008 года, идентичны пробам, взятым на соревнованиях, и не совпадают с ДНК, взятыми в рамках внесоревновательной антидопинговой программы. В данном случае Суд признает важность совокупности косвенных доказательств. Из показаний свидетеля Каstellла, директора Судебной генетической лаборатории, следует, что процедура данного исследования была рядовой и хорошо отработанной, результаты являются надежными и любая фальсификация исключена. Также были пристально рассмотрены показания Капдевиля, менеджера по результатам допинг-проб ИААФ, который утверждал, что осуществление допинг-контроля на соревнованиях – намного более строгая процедура, чем внесоревновательная практика. Отсюда и был сделан вывод о применении противоправных действий со стороны спортсменов во время последней. Также Капдевиль рассказал Суду о возможных способах подмены проб, таких как использование катетера или запасного контейнера. На основании этого арбитры посчитали возможным использование спортсменами урины третьих лиц. К косвенным доказательствам МСА причисляет совокупность того, что все обвиняемые являются спортсменами высших рангов, легкоатлетами, из одной страны; нарушения были выявлены примерно в одно и то же время и в рамках одной и той же внесоревновательной программы – что говорит о коллективности их действий и не может быть совпадением. Ссылаясь на показания профессора Д'Онофрио о выявлении возможного долгосрочного использования легкоатлетами эритропоэтина, арбитры затронули тему мотива – составляющую косвенного доказательства. По их мнению, спортсмены хотели вероятно скрыть использование запрещенного препарата, что мотивировало их на подмену допинг-проб. Говоря о предположительном желании третьих лиц навредить обвиняемым, суд сделал вывод, что внесоревновательные пробы не были подменены недоброжелателями, так как в таком случае они не заменяли бы урину спортсменов на «чистую» урину других людей. Когда МСА подошел к рассмотрению системы хранения, охраны и транспортировки

¹ Правила проведения соревнований ИААФ 2008, 33.1, 33.2 // По материалам официального сайта Немецкого спортивного арбитражного суда <http://www.dis-sportschiedsgericht.de/Material/DLV/IAAF/IAAF_Competition_Rules_2008.pdf>

² Правила проведения соревнований ИААФ 2008, 33.4 // По материалам официального сайта Немецкого спортивного арбитражного суда <http://www.dis-sportschiedsgericht.de/Material/DLV/IAAF/IAAF_Competition_Rules_2008.pdf>

допинг-проб из России в Лозанну, спортсмены обратили внимание на общеизвестные факты, которые свидетельствуют о том, что пробы были экспортированы незаконно и без получения надлежащего разрешения. Однако Суд не нашел связи между очевидным нарушением административного и таможенного внутреннего законодательства России и неприкосновенностью проб, обратив внимание на показания опытного курьера IDTM Леоненко, который, по мнению арбитров, осознавал всю важность нахождения в сохранности данной посылки, и признал их правдивыми и надежными.

«Решение МСА является окончательным и обязательным для всех сторон и национальных федераций. Обжалование решений МСА не допускается...»¹ – статья 60.31 Правил ИААФ 2008, которой подчинились обвиняемые 22 июля 2009 года, когда была нотифицирована резолютивная часть решения МСА. Суд принял следующее решение: руководствуясь материалами дела и статьями 40.1, 40.9 Правил, дисквалифицировать спортсменов на срок 2 года и 9 месяцев, начиная с 3 сентября 2008 года – дня заседания Комиссии АРАФ; согласно статье 39.4, аннулировать все результаты соревнований обвиняемых легкоатлетов, лишить их титулов и призовых денег, начиная с периода взятия внесоревновательных допинг-проб и обнаружения нарушений Правил ИААФ. Назначая период отбывания дисквалификации, Суд не принял во внимание показания профессора Д'Онофрио о возможном использовании легкоатлетами эретропоетина, а также отверг аргумент ИААФ об отягчающих обстоятельствах в соответствии с Кодексом ВАДА-2009, мотивируя это тем, что нарушения произошли раньше и кодекс в данном случае обратной силы не имеет. Вместе с тем, арбитры посчитали невозможным назначить минимальный срок в соответствии с Правилами ИААФ, опираясь на ранее вынесенные решения по аналогичным делам, в которых спортсмены за впервые нарушенные антидопинговые правила отбывали дисквалификацию в 2 года. Суд усмотрел в действиях спортсменов отягчающие обстоятельства, выраженные в коллективности и умышленности вменяемых в вину манипуляций с пробами.

На взгляд автора, в данном решении имеется ряд юридических проблем. Одной из них является то, что легкоатлеты не были уведомлены о начале расследования. О праве спортсмена быть своевременно проинформированным об обнаружении факта нарушения антидопинговых правил говорится в статье восьмой антидопингового Кодекса ВАДА 2003 года². Однако суд не принял данный аргумент к рассмотрению. Вызывает некоторые вопросы еще и то, Суд вынес решение, коренным образом противоречащее основополагающему принципу судопроизводства презумпции невиновности. Прямых улик, доказывающих подмену допинг-проб спортсменами, не найдено, а руководствоваться лишь единовременностью и коллективностью совершенного нарушения нам видится не совсем корректным, особенно учитывая то, что анализы забирали разные допинг-контролеры, в разное время, а также то, что сама процедура взятия биоматериала проходит под строгим надзором, и сами допинг-контролеры, опрошенные в качестве свидетелей, подтвердили, что не сталкивались с какими-либо сложностями и проблемами в процессе сбора проб.

Таким образом, имеющейся у Международного спортивного арбитражного суда информации было явно недостаточно для вынесения данного решения. С одной стороны, арбитры сделали выводы, далеко выходящие за рамки представленных обвинением фактов, но в то же время не приняли во внимание ряд важных аргументов защиты.

¹ Правила соревнований ИААФ 2008, 60.31 // По материалам официального сайта Немецкого спортивного арбитражного суда <http://www.dis-sportschiedsgericht.de/Material/DLV/IAAF/IAAF_Competition_Rules_2008.pdf>

² World Anti-Doping Code 2003, Art.8 // По материалам официального сайта ВАДА <http://www.wada-ama.org/rtecontent/document/code_v3.pdf>

Такой подход к делу российских легкоатлетов вызывает сомнение в тщательности данного арбитражного процесса и добросовестности МСА при принятии безапелляционного решения, что в очередной раз заставляет задуматься об ущемлении прав наших спортсменов в международных спортивных судебных и арбитражных органах.

Международная обстановка и международное право: содержание, значение и виды международной обстановки

Р.Г. Камнев¹

Наше понимание международной обстановки базируется на том, что в основе она представляет собой системное образование, состоящее из ряда элементов реального мира, в связи с чем международная обстановка и получает свою качественную определенность. Указание на системный характер международной обстановки предопределяет необходимость выявления составляющих ее элементов.

Думается, что в качестве элементов международной обстановки должны быть выделены лишь такие составляющие, которые отражают влияние на события и действия факторов окружающей среды.

Среди них необходимо назвать, прежде всего, такие ее обязательные элементы, как время и место. Действительно, в справочных и научных философских изданиях мы можем найти подтверждение приведенному суждению. «В том, что В. и П. неотделимы от материи, – указано, например, в «Философском словаре», – проявляются их универсальность и всеобщность. П. выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, В. же – последовательность сменяющих друг друга явлений. <...>. Диалектический материализм признает не просто внешнюю связь В. и П. с движущейся материей, а считает, что движение является сущностью В. и П. и что, следовательно, материя, движение, В. и П. неотделимы друг от друга»².

Не подлежит никакому сомнению, что с этими двумя философскими категориями (пространством и временем) связаны и понятия места и времени, используемые для обозначения признаков международной обстановки. «Место, – подчеркивается в одной из философских энциклопедий, – часть пространства, центр соотношения физических тел»³. Тот же смысл выявляется у слова «место» в результате его семантического толкования. «Место, – указывает в своем «Словаре русского языка» С.И. Ожегов, – это пространство, которое занято или может быть занято кем-нибудь, чем-нибудь, на котором что-нибудь происходит, находится или где можно расположиться»⁴. С философских позиций «время – это основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений»⁵. Оно

¹ Камнев Руслан Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Волгоградского филиала Академии труда и социальных отношений.

² Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – С. 58.

³ Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. II / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. – С. 537.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – С. 307.

⁵ Большая Советская Энциклопедия: В 30-ти т. – Т. 5. Вешин-Газли / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1971. – С. 434.

есть форма «протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения и развития»¹. В Толковом словаре В. Даля время определяется как «длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий и т.п.»². По С.И. Ожегову, «время – это промежуток той или иной длительности, в который совершается что-нибудь; определенный момент, в который происходит что-нибудь»³.

Итак, задавая параметры самого деяния, место и время вполне могут быть элементами международной обстановки, т.е. частью того, что по отношению к событию и действию выступает системой внешних условий.

Кроме пространственно-временных характеристик международной обстановки в качестве ее элементов могут быть и другие факторы внешней среды.

Сформулируем еще одно замечание применительно к выделению элементов международной обстановки. Обстановку в международном праве образует не их механическое сочетание, а диалектическое единство. Это значит, что, выясняя конкретную обстановку, следует учитывать и фактор взаимодействия между составными частями окружающей среды.

Возникает также вопрос: каким же образом могут быть классифицированы те условия, которые образуют международную обстановку?

Логично было бы соотносить классификацию элементов международной обстановки с выделяемыми философской наукой основными формами материи. «С точки зрения современной науки, – указывается в одном из философских словарей, – основные формы М. – это: 1) системы неживой природы (*элементарные частицы* и поля, атомы, молекулы, макроскопические тела, космические системы различных порядков; 2) биологические системы (вся биосфера, от микроорганизмов до человека); 3) социально организованные системы (человек, общество)»⁴.

Влияние международной обстановки на развитие теории и практики международного права отмечалось достаточно давно, что, в свою очередь, подтверждает актуальность творческого осмысления указанного юридического феномена. Еще Ф.Ф. Мартенс писал: «Наука международного права и ее развитие тесно связаны с международной жизнью, с теми реальными отношениями, которые существуют в различные эпохи между государствами. Связь эта объясняется, с одной стороны, неизбежным влиянием, которое оказывают окружающая обстановка, фактически сложившиеся взгляды писателей, посвятивших свои труды международному праву; с другой стороны – воздействием теоретических воззрений этих писателей на взгляды и деятельность правительств»⁵.

Интерес к рассматриваемому правовому явлению может быть объяснен высоким прогностическим потенциалом, который заключает в себе рассматриваемое международно-правовое явление. Этот потенциал, прежде всего, значим с позиций дескриптивного и прескриптивного прогноза развития событий, о котором писал И.И. Лукашук. «Существенной особенностью международно-правового прогнозирования,

¹ Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2000. – Т. I. – С. 450.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. I-IV. – М.: Русский язык, 1989. – Т. I. – С. 260.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – С. 93.

⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – С. 210.

⁵ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2-х т. / Под ред. и с библиогр. очерком д-ра юрид. наук, проф. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – Т. 1. – С. 134.

– отмечал автор, – является место, занимаемое прескриптивным прогнозом. Дескриптивный, т.е. описательный, прогноз призван определять возможные варианты будущего. Прескриптивный, т.е. предписывающий, прогноз указывает желательный вариант будущего и предписывает должное поведение»¹. Говоря о важности международно-правового прогнозирования для науки международного права, названный ученый утверждал: «Будущее международного права определяется тенденциями мирового развития. Поэтому международно-правовое прогнозирование должно опираться на прогноз социального развития в целом. Однако в силу своей автономии право обладает и собственными особенностями развития. Это дает основание говорить об особой отрасли знаний – международно-правовой прогностике. Наличие такой отрасли в науке международного права – свидетельство его зрелости»². Исследование вопросов, связанных с международной обстановкой, необходимо в силу того, что она выступает фактором многообразия окружающего мира, обуславливающим тот или иной процесс или явление, в котором эти явления, процессы возникают, существуют и развиваются.

Изучение данного явления правовой действительности также имеет немаловажное значение и для решения некоторых проблем отдельных отраслей международного публичного права, прежде всего, права международных договоров, права мирного разрешения международных споров, права международной безопасности, права международной защиты прав человека³, международного гуманитарного права (в узком смысле)⁴. Но наиболее тесное соотношение оно имеет с такой отраслью рассматриваемой правовой системы, как право международной ответственности. Настоящую работу целесообразно построить именно на классификации видов международной обстановки с учетом ее влияния на решение отдельных аспектов, непосредственно связанных с международной ответственностью.

Характеризуя международную обстановку как единое понятие, мы вместе с тем не должны упускать из виду многообразие проявлений одной и той же сущности. Количественный состав международной обстановки, а также качественное состояние образующих ее структурных элементов в конкретных случаях могут быть самыми различными, поэтому внешняя форма выражения и объективный характер международной обстановки также могут быть самыми разнообразными. Факты многообразия

¹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 517.

² Там же. – С. 516; О приоритетном значении научной прогностики социального развития см.: *Он же*. Современное право международных договоров: В 2-х т. Том I. Заключение международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 43; И.И. Лукашук также справедливо отмечал: «В наше время, когда неизмеримо усложнились система международных отношений и происходящие в ней процессы, уже невозможно справиться с решением международных проблем на основе лишь имеющегося опыта, путем эмпирического поиска и нащупывания нужного решения. В новых условиях необходимо упреждающее изучение закономерностей развития международных отношений и возможных направлений их развития, а также характера средств воздействия на эти отношения не только в настоящем, но и в будущем» (там же. – С. 51).

³ Так, Г.И. Тункин указывал, что «развитие международной защиты прав человека зависит от многих обстоятельств, и в первую очередь от улучшения международной обстановки, прекращения агрессивных действий империалистических держав, вызываемой ими гонки вооружений и обострения международных отношений» (Тункин Г.И. Теория международного права / Под общ. ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2009. – С. 70).

⁴ С.В. Черниченко считает целесообразным продиктованное исключительно соображениями достижения целей конкретного исследования объединение норм и институтов, относящихся к различным отраслям международного права. Он пишет, что «взаимопроникновение» отраслей международного права объясняет объединение определенных норм международного права, принадлежащих к разным отраслям, в качестве предмета исследования» (Международное право: Учебник / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 45).

заставляют исследователя искать наиболее существенные черты сходства и различий. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость построения классификации видов изучаемого феномена, в нашем случае – международной обстановки.

Для целей настоящей работы немаловажное значение имеет выяснение соотношения понятий «международная обстановка» и «международная ситуация». На наш взгляд, нет оснований ни для отождествления указанных понятий, ни для того, чтобы считать обстановку частью ситуации либо ситуацию фрагментом обстановки. В то же время несомненна взаимосвязь этих понятий. И в том и в другом случае речь, безусловно, идет о неких внешних обстоятельствах, но обстоятельствах, отличающихся качественным своеобразием, в связи с чем возможна их однозначная оценка. Понятие «международная ситуация» имеет тесную связь с категорией «международная обстановка», но не тождественно ей. В «международной ситуации», думается, заложен не только объективный, но и субъективный момент, момент оценки субъектом международного права той или иной обстановки.

Вряд ли можно утверждать, что вопрос о видах международной обстановки глубоко и всесторонне изучен.

Возможность построения классификаций видов, составляющих объем одного и того же понятия, по разным основаниям подчеркивается наукой логикой¹. Наукой логикой разработаны, например, правила, которые любой исследователь должен соблюдать, производя деление понятий. Представляется целесообразным привести указанные правила. Они могут быть сведены к следующим требованиям:

1. Соразмерность деления: объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов делений.

2. Деление должно проводиться только по одному основанию. Это означает, что нельзя брать одновременно два или большее число признаков, по которым производилось бы деление.

3. Члены деления должны исключать друг друга, т.е. не иметь общих элементов, быть соподчиненными понятиями, объемы которых не пересекаются.

4. Деление должно быть непрерывным, т.е. нельзя делать «скачки» в делениях².

Наукой логикой подмечены также наиболее типичные ошибки, заключающиеся в нарушении приведенных правил. Так, несоблюдение первого из них способно привести к неполному делению, когда перечисляются не все виды делимого родового понятия, либо к делению с лишними членами³. При нарушении второго правила возникает ошибка, имеющая название «сбивчивое деление»⁴. Суть данной ошибки заключается в том, что избранный в начале в качестве основания отдельный признак на одном из шагов деления подменяется другим признаком⁵. Нарушение третьего правила по сути дела в своей основе является следствием нарушения правила второго. Полученные при делении понятия имеют общие элементы, т.е. и здесь произошло смешение различных оснований деления⁶. Наиболее типичную ошибку в нарушении правила о непрерывности деления обычно называют «скачком» в делении. При ней исследователь,

¹ См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2008. – С. 54-58.

² Подробнее об этом см., например: Ивлев Ю.В. Логика: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2005. – С. 180-181.

³ См. например: Гетманова А.Д. Логика для юристов: Учебное пособие. – 2-е изд. – М.: Омега-Л, 2005. – С. 75.

⁴ См.: Ивлев Ю.В. Указ. соч. – С. 181.

⁵ См.: Ивин А.А. Логика: Учебное пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 2004. – С. 65, 67.

⁶ См.: Гетманова А.Д. Указ. соч. – С. 75-76.

осуществляя деление, переходит от родового понятия к видовым понятиям разного уровня¹.

Отметим далее, что не всякое деление понятий может считаться классификацией. Учеными подчеркнута, что «классификация представляет собой вид последовательного деления и образует развернутую систему, в которой каждый ее член (вид) делится на подвиды и т.д. От обычного деления классификация отличается относительно устойчивым характером»². Устойчивой научную классификацию делают ее свойства. К таким свойствам принято относить следующие характеристики:

Свойство 1. Классификация является системой последовательных делений, которые произведены с точки зрения признаков, существенных для решения теоретической или практической задачи.

Свойство 2. Заключается в том, что при классификации предметы делятся по группам таким образом, что по их месту в ней можно судить об их качествах.

Свойство 3. Результаты классификаций могут быть представлены в виде таблиц или схем³.

С учетом изложенного, а также целей настоящего исследования, взяв за основу лишь наиболее важные критерии, представляется целесообразным предложить следующие типы классификаций изучаемого объекта.

Так, по значению обстановки для решения вопросов международного права следовало бы выделить: 1) обстановку, влияющую на решение вопроса о пределах действия международного права; 2) способную повлиять на решение вопроса об основаниях международной ответственности и 3) обстановку, способную повлиять на объем таковой. Соответственно, второй и третий из выделенных видов обстановки могут подвергаться и дальнейшей классификации. Скажем, обстановка, влияющая на решение вопроса об основаниях международной ответственности, может быть подразделена с учетом направленности влияния как раз на образующую международно-противоправное деяние и исключаящую такую противоправность. Применительно к обстановке, влияющей на объем ответственности, следовало бы, думается, указать следующие члены деления: обстановку, способную увеличивать объем ответственности, и, обстановку, способную сужать такой объем. Причем относительно каждого члена деления возможно продолжение классификации. Так, обстановка, увеличивающая объем ответственности, может быть увеличивающей объем международно-правовых последствий деяния (возмещение вреда, различные виды принуждения в отношении правонарушителя) в рамках соответствующих правил и процедур и обстановкой, учитываемой при построении (определении) квалифицированного состава международного правонарушения. Сужающая объем ответственности обстановка может быть обстановкой, гуманизирующей ответственность, и обстановкой, освобождающей от таковой, а также от последствий, с нею связанных. Надо сказать, что указанное явление учитывалось уже на ранних стадиях зарождения международного права. В специальной литературе отмечается, что древнему международному праву был известен институт освобождения от ответственности субъекта, который действовал по праву, но своими действиями нанес вред другой стороне или который в силу неблагоприятных обстоятельств не мог действовать согласно с международным правом⁴.

¹ См.: Ивлев Ю.В. Указ. соч. – С. 181.

² Гетманова А.Д. Указ. соч. С. 79.

³ См.: Ивлев Ю.В. Указ. соч. – С. 183-184.

⁴ См.: Буткевич О.В. У истоков международного права. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридич. центр «Пресс», 2008. – С. 325.

С точки зрения характера влияния международной обстановки на уровень общественной опасности деяния следует различать обстановку совершения международно-противоправного деяния как дифференцирующее международную ответственность обстоятельство, т.е. влияющую на характер и типовую степень общественной опасности деяния, и обстановку как индивидуализирующее международную ответственность обстоятельство, т.е. обстановку, характеризующую уровень индивидуальной степени общественной опасности конкретного правонарушения.

Применительно к международной обстановке, служащей дифференцирующим обстоятельством, думается, вполне возможным также построение группировки ее видов с учетом фактических свойств такой обстановки, объясняющих влияние ее на объем международной ответственности. Именно с учетом классификации видов подобной обстановки и целесообразно построить настоящую работу.

Так, анализ отношений, возникающих в сфере права международной ответственности, позволяет сделать предположение о наличии трех различающихся по характеру видов международной обстановки, оказывающих значительное воздействие на объем таковой.

В первом случае речь должна вестись об обстановке принуждения. В ней основным звеном выступает предшествующее правонарушению противоправное воздействие на конкретного участника международного правоотношения, исходящее от другого субъекта и имеющее целью заставить субъекта, на которого оказывается воздействие, вопреки его желанию удовлетворить требование агрессивной стороны. При этом в качестве способа воздействия, а, следовательно, и достижения цели служит не что иное, как угроза причинения вреда правоохраняемым интересам принуждаемого лица. Благодаря данной угрозе существенно ограничивается выбор варианта поведения субъекта, выступающего в качестве принуждаемого. Однако для констатации наличия факта принуждения необходим тщательный анализ всех обстоятельств, поскольку вполне может оказаться, что имелась значительная свобода для маневра, позволяющего избежать какого-либо неправомерного, с позиций международного права, варианта поведения. В юридической литературе справедливо отмечается, что если один субъект принуждает другого к совершению противоправного деяния, то он несет ответственность за это деяние, тогда как принуждаемый субъект освобождается от нее. Основное условие – наличие такой «атмосферы», при которой принуждение не оставляет принуждаемому реальной альтернативы нарушению обязательства. Если же принуждение лишь затрудняет выполнение обязательства, то это не избавляет принуждаемого субъекта от ответственности. Не исключается возможность существования ситуаций, когда ответственность принуждаемого исключается лишь частично. В таких случаях оба субъекта несут ответственность за соответствующее деяние¹. В подобного рода ситуациях имеет место исключительное действие правила *quamvis coactus volui at tamen volui* (пожелал будучи принужденным, тем не менее пожелал).

Второй вид международной обстановки может быть обозначен как обстановка, носящая критический² характер. Ключевым понятием философии экзистенциализма,

¹ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2-х т. – Т. I. Заключение... – С. 285-286; *Он же*. Современное право международных договоров: В 2-х т. – Т. II. Действие международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 337-338; *Он же*. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 162.

² Данная лексическая единица является производной от понятия «кризис». В справочной литературе находим следующее определение: «Кризис (от греч. *krísis* – решение, поворотный пункт, исход) – переломный момент, тяжелое переходное состояние, обострение, опасное неустойчивое положение» (Большая Советская Энциклопедия: в 30-ти т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Т. 13. – С. 425).

которую также иногда называют «философией кризиса»¹, является пограничная ситуация², означающая моменты глубочайших потрясений³. Причиной многих потрясений, чаще всего, является человек, который, по мнению некоторых ученых, изначально несет в самом себе элементы опасности и риска⁴. Категория «риск» давно известна науке. У. Бек полагает, что риски являются предметом распределения и создают различные по своей природе ситуации, в том числе и ситуации риска⁵. К. Лиховидов указывает: «Анализ встречающихся в юридической литературе определений риска позволяет дать следующую формулировку: под риском понимается объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при которой неизвестно, наступит этот вред или нет»⁶. Ученый также делает верный вывод: «Поскольку правовые категории «риск» и «ответственность» между собой взаимосвязаны, то в правоприменительной практике зачастую возникает необходимость в установлении степени проявления риска для определения объема ответственности»⁷. Логично предположить, что обстановка, носящая критический характер, может быть охарактеризована как определенного рода явление, при котором совершается международно-противоправное деяние, отличающееся тем, что факторы внешней среды образуют такое сочетание, при котором участник международных отношений ввиду испытываемого воздействия неблагоприятных обстоятельств находит затруднительным для себя выбор правомерного варианта поведения, возможность которого, вместе с тем, не исключается. В противном случае речь должна вестись о состоянии необходимости.

Собственную нишу в этой классификации должно занять основание, которое значительно отличается по характеру обстановки от оснований, входящих в две другие

¹ См. об этом подробнее: Радугин А.А. *Философия: Курс лекций*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр, 1997. – С. 225.

² Именно пограничные ситуации, когда вопрос о существовании вообще приобретает наиболее радикальные формы, вынуждают общество задуматься о смысле и содержании жизни, переоценить ценности (См. об этом: Миронов В.В. *Философия: Учебник*. – М.: ПБОЮЛ Григорян А.Ф., 2001. – С. 118; *Философия: Учебник* / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 192; *Современная буржуазная философия* / Под ред. проф. А.С. Богомолова, проф. Ю.К. Мельвиля, проф. И.С. Нарского. – М.: МГУ, 1972. – С. 549-550). В данной связи определенный интерес вызывает само значение термина «ситуация». Философская наука располагает следующим толкованием данного термина: «Ситуации суть поле деятельности человека и даже содержательный базис всей его этической жизни вообще. Их разнообразие и образует всю полноту содержания его существования...» (*Краткая философская энциклопедия*. – М.: Издат. группа «Прогресс-Энциклопедия», 1994. – С. 415-416). Применительно к теории международного права это означает, что, во-первых, возникновение международных ситуаций хотя объективно и происходит исключительно между государствами, но все же крайне редко обходится без участия в них так называемого человеческого фактора. Во-вторых, они вызывают острую необходимость придания им внимания первостепенной важности, поскольку могут повлечь возникновение весьма негативных последствий в плане ухудшения обстановки как в конкретном регионе, так и во всем мире, что будет способствовать возрастанию уровня международной напряженности.

³ См.: Спиркин А.Г. *Философия: Учебник*. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2005. – С. 185; *Философская энциклопедия: В 4-х т.* / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 282.

⁴ См.: Большаков А.В., Грехнев В.С., Добрынина В.И. *Основы философских знаний*. – М.: Общество «Знание России», 1994. – С. 140.

⁵ См.: Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*: Пер. с нем. В.Седельника и Н.Федоровой; послесл. А.Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 30.

⁶ Лиховидов К. Риск как условие дифференциации объема и мер юридической ответственности // *Законность*. – 2001. – № 12. – С. 33. Сходное мнение см.: Солнцева Г.Н. О психологическом содержании понятия «риск» // *Вестник Московского университета*. – Сер. 14. Психология. – 1999. – № 2. – С. 16; Баргесян С.Г. Прогнозирование рисков и угроз как аспект оптимизации правоохранительной деятельности // *Закон и право*. – 2004. – № 5. – С. 59; Бехман Г. Современное общество как общество риска // *Вопросы философии*. – 2007. – № 1. – С. 30.

⁷ Лиховидов К. Указ. соч. – С. 33.

группы. Внешние обстоятельства в данном случае вряд ли носят довлеющий характер. Отчасти виновный сам их создает. Поскольку главным звеном среди этих обстоятельств выступает согласие потерпевшего на совершение в отношении него определенных действий, то в целом такую обстановку можно воспринимать как обстановку согласия, предполагающего наличие особых взаимоотношений между субъектами международного права. В словарях русского языка приводится множество значений, раскрывающих смысл слова «согласие»¹. Однако из контекста смысла рассматриваемого здесь согласия ясно, что востребованным окажется только одно из них. Все оттенки именно этого значения отражены в толковании, предложенном В. Далем. Здесь согласие есть «... разрешение, дозволение, изволение, одобрение, утверждение, как прямое желание согласившегося на что или как уступка его»². Отсюда важным представляется сделать 2 следующих вывода:

1. Согласие на совершение действий, создающих какую-либо опасность, может отражать не только взаимное желание совершить подобные действия, но и быть уступкой.

2. Согласие всегда предметно, оно предполагает дозволение, разрешение совершить именно те действия, создающие опасность, которые были совершены потерпевшим. Согласие должно быть добровольным. Вряд ли могут быть сомнения в том, что слова «добровольный», «добровольность» являются родственными слову «воля». По В. Далю «добровольный» означает «произвольный, соизвольный, сделанный кем по своей воле, непринужденный, невынужденный, неизнудный; по свободе своей»³. Можно утверждать, что признак добровольности предполагает процесс принятия самостоятельного решения без фактора принуждения, в условиях свободы выбора варианта поведения участником международных отношений, отдающим отчет своим действиям и понимающим значение происходящего. Безусловно, что исключает добровольность согласия всякое применение незаконных способов любого, в том числе физического или психического, воздействия, а также обман. Значительно сложнее однако оценить ситуацию, когда субъект дал согласие, будучи неумышленно введенным в заблуждение. Само по себе это утверждение верно. Однако и добровольным согласие, полученное под влиянием ошибки, вряд ли может считаться. Ведь и здесь действительная воля потерпевшей стороны не соответствует волеизъявлению. В связи с этим весьма убедительным представляется тезис о том, что «согласие должно быть юридически действительным»⁴.

Для констатации существования названных видов международной обстановки необходимо будет установить наличие, по крайней мере, двух групп условий:

– во-первых, условий, позволяющих субъекту действовать по собственной воле;

¹ См., например: Евгеньева З.Е. Указ. соч. – С. 505; Ожегов С.И. Указ. соч. – С. 660; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1998. – С. 650; Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – С. 54; Толковый словарь русского языка: В IV т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Изд-во «Астрель», ООО «Изд-во «АСТ», 2000. – Т. IV. – С. 347; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 2002. – С. 598.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 1. – С. 258.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 1. – С. 444.

⁴ Лукашук И.И. Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 2 [6]. – С. 33. Более подробно с некоторыми аспектами «юридически действительного согласия» можно ознакомиться: *Он же*. Право международной ответственности. – С. 169-170.

– во-вторых, условий либо существенно ограничивающих выбор виновным варианта поведения (при наличии обстановки принуждения и обстановки, носящей критический характер), либо во многом предопределяющих этот выбор поведением потерпевшего (обстановка согласия).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что характеризующие обозначенные виды международной обстановки взаимодействующие условия, отражающие многообразие окружающего мира, в которых осуществляется правонарушение, не влияя на характер общественной опасности последнего, значительно уменьшают степень такой опасности (а в некоторых случаях и степень общественной опасности лица, это посягательство совершающего).

Двухсотлетие Декларации Независимости Венесуэлы

*Обзор выступлений профессора К.Бооркес и
Президента Боливарианской Республики Венесуэла
во время их визита в Москву в октябре 2010 г.*

Е.Е. Рафалюк¹

В своем выступлении профессор К.Бооркес² отметила, что Россию и Венесуэлу связывают разносторонние сферы сотрудничества, как торгово-экономическая, так и культурная. У истоков развития отношений России и стран Латинской Америкой стоял Франсиско Миранда, один из первых руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке³. Намереваясь использовать в борьбе с Испанией поддержку европейских государств, Ф.Миранда совершил путешествие по странам Европы, а в 1786-1787 гг. посетил Россию. Екатерина II благосклонно отнеслась к иностранному гостю и перед его отъездом вручила Ф.Миранде циркулярные письма на имя дипломатических представителей России в европейских государствах с предписанием оказывать подателю содействие, а также даровала право носить мундир полковника российской армии; кроме того он получил векселя и наличные деньги на сумму 15 тыс. рублей.

Война за независимость испанских колоний продолжалась с 1810 по 1826 гг. Итогом национально-освободительного движения стало образование независимых государств – современной Мексики, Венесуэлы, Перу, Чили, Боливии, Аргентины и других. Началу войны за независимость способствовали пробуждение национального самосознания, влияние войны за независимость в США, Великой французской революции, восстания рабов в Сан-Доминго.

Освободительная война в Латинской Америке началась с восстаний в основных административных центрах, и первым был Каракас – Родина национального героя

¹ *Рафалюк Елена Евгеньевна* – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Российской академии правосудия.

² Кармен Л.Бооркес получила степень д-ра ист. наук с наибольшим почетом (Summa Cum Laude) в Университете Сорбонны в 1996 г. Также получила степень д-ра Honoris Causa (степень д-ра философии без защиты диссертации, присуждаемая на основании значительных заслуг соискателя перед наукой или культурой) в Университете Сулия в 2009 г. Автор более 70 статей, посвященных истории и философии Латинской Америки, в том числе автор книги Франсиско де Миранда: предвестник независимости Латинской Америки. Paris. L'Harmattan, 1998 и др.

³ См.: Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. – М., 1986.

Латинской Америки Симона Боливара. Благодаря усилиям патриотов к концу 1810 г. большая часть Венесуэлы была освобождена от испанцев; в 1811 г. прошли выборы в Национальный конгресс – первый в истории страны законодательный орган. Конгресс принял важнейший акт – «Декларацию прав народов», согласно которой всем жителям бывшей колонии гарантировались свобода, равенство, соблюдение прав собственности, отмена расовой дискриминации. Важнейшими результатами победы революционных сил стали провозглашение 5 июля 1811 г. независимости Венесуэлы, принятие Декларации (Акта) о независимости Венесуэлы (оригинальный текст не сохранился; принятие акта относят к 5-8 июля 1811 г.), а также в декабре того же года – первой Конституции. Она устанавливала республиканскую форму правления, упраздняла сословные привилегии, декларировала демократические свободы, запрещала торговлю и расовую дискриминацию, однако рабство сохранялось. Первая и Вторая Венесуэльские республики пали; уже к концу 1815 г. испанцам удалось восстановить свое господство на территории Южной Америки. В 1816 г. начался второй этап войны за независимость. Лидеры революционного движения извлекли урок из своего недавнего поражения. Боливар и его сторонник убедились, что успех войны зависит, прежде всего, от поддержки большинства населения колоний, иначе невозможно создать массовую боеспособную повстанческую армию и добиться победы. Один из наиболее известных документов того времени – воззвание Боливара к венесуэльцам, в котором он объявляет о полной отмене рабства, ликвидированного к тому времени только на Гаити. Освободительная война, развернувшаяся на всем континенте под руководством Боливара, дала свои результаты: были освобождены от испанского господства Новая Гранада (1819 г.), Венесуэла (1821 г.), Кито (1822 г.). Под руководством Сан-Мартина была освобождена Ла-Плата (1816 г.), а также Чили (1818 г.), Нижний Перу (1821 г.). В 1821 г. было ликвидировано испанское господство в Мексике, в 1824-1826 гг. под руководством Антонио Хосе де Сукре были разбиты последние испанские гарнизоны в Верхнем Перу. В результате войны все испанские колонии в Америке, кроме Кубы и Пуэрто-Рико, получили независимость¹.

История показывает: путь латиноамериканского народа к освобождению от колониального гнета был долгим и трудным. Однако эта борьба сформировала и укрепила такие его черты, как непримиримый дух ко всякого рода угнетению; перманентное стремление к свободе и независимости; романтический порыв к революции.

Венесуэла сегодня – это революционная Венесуэла. Понять причины и цели современной Боливарианской Революции можно только в том случае, если исходить из контекста, в котором она возникла. Капиталистическая стадия развития общества достигла своего апогея, и сегодня человечество стоит перед выбором между капиталом и жизнью. Избрав путь сохранения жизни, люди должны осознать – необходима альтернатива капитализму.

Без сомнения, современный революционный процесс в Венесуэле «питается» революционным опытом борьбы латиноамериканского народа. Однако, кроме этого, большое значение имеет опыт социалистического развития других стран – Советского Союза, Кубы, Китая, Северной Кореи, Вьетнама. То общество, которое строит сегодня венесуэльское правительство, можно назвать социализмом XXI века. В его центре – человек и его личность, а не капитал. «Мы глубоко убеждены в том, что такое общество возможно и необходимо, – подчеркнула К.Бооркес, – потому что попытки его создания обусловлены стремлением латиноамериканского народа выжить».

¹ См.: Посконина О. История Латинской Америки (до XX в.). – М., 2005. – С. 129-143.

В 1998 г. Уго Чавес приходит к власти в Венесуэле; в декабре 1999 г. принимается новая Конституция¹, признающая и гарантирующая права народов, а не элиты. Согласно Конституции Венесуэлы власть делится на пять ветвей: законодательную, исполнительную, судебную, электоральную (избирательную) и гражданскую. Так, например, гражданская власть осуществляется Республиканским советом по вопросам нравственности (Consejo Moral Republicano), который состоит из Защитника народа, Генерального прокурора, Генерального контролера республики. Гражданская власть независима и пользуется функциональной, финансовой и административной независимостью. С этой целью в рамках общего бюджета государства гражданской власти выделяется определенная его часть, ежегодно обновляемая. Электоральная власть осуществляется Национальным электоральным советом (Consejo Nacional Electoral) как руководящим органом и подчиненными ему структурами – Национальной электоральной Хунтой, Комиссией по гражданской и электоральной регистрации, Комиссией по политическому участию и финансированию. В компетенцию электоральной власти входят: упорядочивать избирательные законы и разрешать сомнения и пробелы, которые они содержат; декларировать недействительность выборов полностью или частично; издавать директивы по финансированию и рекламе политико-избирательной кампании и налагать санкции в случае, если директивы не соблюдаются.

По Конституции 1999 г. закреплены права коренного индейского населения, и этому посвящена целая восьмая глава. «Государство признает существование индейского народа и индейских общин, их социальной, политической и экономической организации, их культуры, обычаев и традиций, языков и религий, а также их право на среду обитания, права на земли, которые они традиционно и исконно занимают и которые им необходимы для того, чтобы развивать и гарантировать их формы жизни. При участии Национальной исполнительной власти и индейского народа произвести демаркацию границ и гарантировать право коллективной собственности на их земли, которое будет неотъемлемым, и передача земель может осуществляться в соответствии с настоящей Конституцией и законом», – гласит статья 293 Конституции.

Коренное индейское население представлено в Национальной Ассамблее и в советах, а индейская женщина в настоящее время является Вице-Президентом Национальной Ассамблеи. Важно отметить, что недавно было создано два новых министерства – по делам женщин и гендерному равенству; по делам индейцев.

Преобразования коснулись и экономической сферы. Произошла диверсификация экономики, положен конец латифундиям, оказывается поддержка малому и среднему бизнесу. Субъектами экономической деятельности, создающими добавочный продукт, признаны домохозяйки. Национализированы вода, свет, энергетический и металлургический секторы. Запрещена приватизация объектов, являющихся «общим достоянием». В стране проведена аграрная реформа. Постепенно уменьшаются показатели бедности: с 1998 по 2009 гг. – на 19 %. Согласно Программе ООН Венесуэла перешла от страны среднего уровня развития к стране высокого уровня развития.

В медицинской сфере сейчас работает программа интегральной медицины, и 25 млн. человек (89% населения) воспользовались этой программой. С помощью Кубы в стране создана Латиноамериканская школа медицины, где ведется подготовка врачей. Пенсия равна минимальному размеру заработной платы. Признаны права инвалидов, язык жестов стал официальным языком. В Венесуэле почти полностью ликвидирована безграмотность. Страна вышла на 5-е место в мире по количеству людей, получивших высшее образование. В 2010 г. из государственного бюджета было выделено 50%

¹ См.: Constitución Venezolana de 1999. URL: http://es.wikisource.org/wiki/Constituci%C3%B3n_venezolana_de_1999 (дата обращения: 16.10.2010).

на социальные нужды. Несомненно, все это влияет на осознание личностью своего достоинства, своих прав и свобод.

Для продолжения намеченного курса необходимо постоянно включать народ в процесс принятия решений. Общественно-политический режим, который строит Венесуэла, можно назвать «партиципативной демократией действия». Смысл ее заключается в том, что любой человек может продвигать свою кандидатуру во власть. Нельзя не признать: в настоящее время в Венесуэле вершится революция. «Что мы делаем против оппозиционных сил?» – поставила вопрос профессор К.Бооркес. «Мы удваиваем наши усилия», – заключила она же. Идеи Ф.Миранды и С.Боливара продолжают жить. Целями новой революции являются жизнь, свобода, интеграция Латинской Америки и Карибского региона, независимость, мир, справедливость.

В форуме «Два века независимости Латинской Америки и Боливарианская революция» принял участие Е.А. Ларин, заведующий центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор¹. В своем выступлении он коснулся взаимоотношений России, Испании и Латинской Америки во время колониального периода. С.Боливар и латиноамериканский народ, по мнению выступающего, никогда не считали Россию врагом, а, наоборот, видели в ней своего союзника.

Президент Боливарианской Республики Венесуэла Уго Рафаэль Чавес Фриас² от своего имени и от имени всего венесуэльского народа поприветствовал Россию и ее граждан. Его всегда восхищала героическая история нашей страны.

Современный мыслитель Ф.Фукуяма сказал, что «истории пришел конец». Однако, напротив, мы возвращаемся к истории. В Латинской Америке мы наблюдаем процесс, который набирает силу и разворачивается все стремительнее. Он совпадает с тем процессом, который происходил на континенте двести лет тому назад. В то время латиноамериканский народ восстал против экспансии явной и открытой. Сейчас перед нами угроза «скрытого» захвата посредством навязывания американского образа жизни, моделей поведения, стереотипов, торговых марок, продукции. Однако Южная Америка, как в прошлом, так и в настоящем, – это тот континент, где вызревают новые силы для противостояния. С.Боливар говорил: «Народ и правительство черпают вдохновение из революции». В свою очередь, У.Чавес подчеркнул: «Сегодня история наших народов пишется теми, кому это было запрещено».

История повторяется, и необходимо извлекать из нее уроки, делать выводы. В сентябре 1828 г. совершено покушение на Боливара в Боготе; ныне – военный переворот в Эквадоре, есть жертвы, на какое-то время был захвачен Президент страны Рафаэль Корреа. Латинская Америка находится в состоянии готовности противостоять внешней экспансии. Двести лет тому назад авангардные позиции заняли Ф.Миранда, А.Сукре, С.Боливар. «Мы продолжаем их дело, – заявил докладчик, – и полны решимости достичь независимости, чего бы нам это ни стоило».

Итак, процесс освобождения, имеющий двухсотлетнюю историю, реанимируется. С.Боливар когда-то сказал: «Меня тащит за собой ураган революции». В сентябре 2000 г. началась Боливарианская революция, и мы видим, что революционная буря разворачивается во всю мощь. Только объединяя усилия, Латинская Америка сможет стать свободной и воплотить идею о свободе многих людей.

¹ Е.В. Ларин является автором ряда научных работ по истории Латинской Америки, среди них: «Всеобщая история Латинской Америки» (2007); «История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 г.)» (2005); «Куба конца XVII – первой трети XIX вв.» (1991) и др.

² См.: Строки размышлений Чавеса. – М.: ИПЦ «Глобус», 2010.

Мысли о справедливом устройстве общества, гуманизме, всеобщем благоденствии и счастье, мудрых правителей, высказанные Т.Мором, Т.Кампанеллой и другими философами, сегодня не утратили своего значения. Можно спорить о том, какой должна быть модель современного общества: социалистической или иной, однако бесспорным остается тот факт, что в его центре должен быть человек, его личность, права и свободы. Государство и его режим так же, как и другие общественно-правовые явления, меняются со временем. В связи с этим, латиноамериканская конструкция социализма XXI века заставляет обратить на себя внимание.

Актуальным остается вопрос о «цене» революции: она как ураган, сметающий все на своем пути во имя утверждения нового мира. Революционная идеология призывает побеждать во что бы то ни стало. Всегда есть опасность в нарушении императива И.Канта: «Поступай так, чтобы человечество ... непременно употреблялось как цель и никогда как средство»¹.

Международно-правовые основы мирного урегулирования Ближневосточного конфликта

А.Аль-Ахмад²

Арабо-израильский конфликт – одна из важных международных проблем, всеобъемлющее и справедливое решение которой способствовало бы установлению подлинного мира и безопасности всех народов Ближнего Востока. Но он и по сию пору остается неурегулированным. Многоплановость, периодическое перерастание в опаснейшие для международного мира кризисные стадии, сложное переплетение интересов различных игроков превратили конфликт в системообразующий фактор на Ближнем Востоке и обусловили его международную значимость [4, с. 8].

Организация Объединенных Наций, ее Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности являются теми международными органами, где проблема ближневосточного урегулирования ставилась и обсуждалась неоднократно [5, с. 150].

Попытки ООН и других международных организаций были нацелены на поиск путей выхода из нынешней тупиковой ситуации посредством разблокирования ближневосточного урегулирования, основой которого могли бы стать общеарабская мирная инициатива, выдвинутая в 2002 г., предусматривающая полную нормализацию отношений всего арабского мира с Израилем в обмен на его уход со всех оккупированных арабских территорий на границе 4 июня 1967 г., а также проект «Дорожной карты» 2003 г., позволяющий достичь некоторых договоренностей по отдельным вопросам (палестино-израильский конфликт), что дает возможность подойти к сложной теме (сирийско-ливано-израильский конфликт) в относительно благоприятных условиях.

Среди важнейших попыток урегулирования конфликта после окончания Второй мировой войны является решение Генеральной Ассамблеи ООН о разделе территории Палестины на два самостоятельных государства – арабское и еврейское (резолюция № 181/II от 29 ноября 1947 г.).

¹ История философии. – Ч. 1. – М., 2006. – С. 190.

² Амад Хассан Аль-Ахмад – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Современные предлагаемые решения с целью урегулирования конфликта на Ближнем Востоке как общеарабская мирная инициатива и дорожная карта составлены с учетом создания независимого палестинского государства и ухода израильских войск с признанных международным правом оккупированных территорий до границ 4 июня 1967 г.

Соответственно в этом русле, как я уже отмечал, то есть с учетом существования двух субъектов международного права на бывшей подмандатной Палестине, данные решения по своему содержанию близки к решениям на основе создания независимого государства Палестина наряду с суверенным государством Израиль и международно-признанных границ.

Необходимо подчеркнуть, что международно-признанная нормативная база ближневосточного урегулирования по существу ограничивается лишь резолюциями Совета Безопасности ООН 242 (1967 г.) [9, с. 449-450] и 338 (1973 г.) [10, с. 10], которые содержат сформулированные в самом общем виде ориентиры мирного процесса на Ближнем Востоке. В основе мирного урегулирования ближневосточного конфликта должно лежать взаимоприемлемое решение проблем, связанных с надлежащим обеспечением озабоченностей в сфере безопасности всех государств, вовлекаемых в мирный процесс.

С точки зрения международного права резолюция Совета Безопасности является обязательным для выполнения международно-правовым актом органа ООН, на который в соответствии с ее Уставом возлагается основная ответственность за поддержание мира и безопасности [1, с. 59].

ООН с самого начала своего существования проявила особое внимание к ближневосточному вопросу. Она разрабатывает принципы мирного его решения и продолжает выступать с поддержкой инициатив, направленных на справедливое решение одного из самых острых международных конфликтов. Значительные усилия в целях мирного урегулирования ближневосточного конфликта предпринимались также такими международными организациями, как Лига Арабских Государств (ЛАГ), Организация Исламской Конференции (ОИК), Европейский Союз (ЕС) и т.д.

Организация Объединенных Наций – это универсальная организация, способствующая обеспечению мира и безопасности на Земле путем содействия установлению дружественных отношений между государствами на основе равноправия, устранения применения силы или угрозой силой как средств решения международных проблем, а также созданию условий, при которых могли бы урегулировать конфликты мирными средствами в рамках Устава ООН.

Трудно себе представить современный мир без Организации Объединенных Наций. Сторонники укрепления ООН и повышения ее авторитета, трезво оценивающие ее реальные возможности, убеждены в том, что в нашем сложном мире она может и должна сыграть важную роль в мирном урегулировании как ближневосточного конфликта, так и конфликтов и кризисов во всем мире.

Важно отметить, что основная цель принятия резолюции № 242 и 338 заключается в следующем:

Прекращение состояния войны между конфликтующими сторонами и вывода войск с оккупированных территорий.

Установление мира и безопасности между вовлеченными в конфликт сторонами.

Поэтому в современных условиях, учитывая закономерности резолюций Совета Безопасности ООН, в частности № 242 и 338, эти резолюции приобретают особую актуальность и остроту в ближневосточном урегулировании.

Однако существуют определенные трудности правового анализа резолюции Совета Безопасности ООН 242, связанные с толкованием содержания данной резолюции.

Имели место и различия в толковании резолюции Совета Безопасности ООН № 242. Арабские государства исходили из того, что резолюция предусматривает полный вывод израильских войск со всех оккупированных Израилем в 1967 г. арабских территорий. Израиль же давал одностороннее толкование духа и буквы резолюции [3, с. 162]. Израиль считал, чтобы упоминаемая ссылка на резолюцию № 242 интерпретировалась так, как понимают ее израильтяне, в смысле ухода его войск с «оккупированных территорий», а не «всех территорий» [6, с. 180].

Возможно разное толкование резолюции № 242. Израиль считает, что ни в английском, ни во французском вариантах текста резолюции № 242 не говорится о том, что должны быть освобождены «все» оккупированные территории.

Замутненность, представленная англичанами в качестве «баланса, который будет нарушен любыми изменениями», достигалась за счет отсутствия в формулировке определенного артикля английского языка «the»; наличие этой грамматической формы недвусмысленно указывало бы на «все» оккупированные Израилем территории. Поэтому еще до голосования по данному проекту делегат Индии предложил документально закрепить интерпретации относительно необходимости возвращения всех захваченных в ходе войны 1967 г. районов арабским государствам. Характерно, что английская делегация категорически выступала против формального закрепления такого толкования представленных формулировок, которое обозначило бы обязательность их выполнения в соответствии с Уставом ООН [11, с. 91].

Соединенные Штаты Америки проголосовали за резолюции № 242, а в дальнейшем во многих своих дипломатических документах подтверждали приверженность достижению ближневосточного урегулирования на основе этой резолюции.

Любые попытки разблокирования ближневосточного конфликта должны быть основаны на основополагающих резолюциях Совета Безопасности ООН, действенность и необходимость которых была подтверждена многолетней практикой. К примеру, планы и инициативы могли бы опираться на резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338, принятые в процессе мирного урегулирования. Совет Безопасности в указанных резолюциях предлагал правовое и политическое решение ближневосточного конфликта. Их суть заключается в следующем: 1) прекращение огня; 2) недопустимость приобретения территорий путем войны; 3) подтверждение необходимости вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий; 4) справедливое решение проблемы беженцев; 5) необходимость прекращения всех претензий или состояния войны и уважение и признание территориальной целостности, политической независимости каждого государства в регионе и права жить в мире, в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или ее применению.

Поэтому следует отметить, что резолюция № 242 является главной из всех резолюций Совета Безопасности ООН, ориентированных на ликвидацию последствий агрессии Израиля, так как обеспечивает реализацию резолюции № 181(II).

Юридический анализ резолюции № 242 показывает, что она служит хорошей международно-правовой основой, о чем свидетельствует, в частности, содержание приведенной выше преамбулы [2, с. 16-21].

Несмотря на свой компромиссный характер и некоторую неопределенность, в частности, в вопросе о сроках вывода израильских войск и по палестинской проблеме, которая трактовалась как проблема беженцев (а не как проблема создания палестинского государства), резолюция № 242 являлась важной международно-правовой базой для справедливого урегулирования конфликта [8, с. 370].

Принятие резолюции Совета Безопасности ООН № 242 (1967 г.) явилось новым важным этапом в борьбе за справедливый мир на Ближнем Востоке. Помимо того, что это резолюция в сжатой, хотя и компромиссной, форме указывала на основные аспекты ближневосточного урегулирования.

Связь между резолюциями Совета Безопасности ООН № 242 и № 338 объясняется тем, что после начала военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. Совет Безопасности в резолюции № 338 от 22 октября 1973 г. призвал находящиеся в конфликте стороны прекратить огонь и сразу же после этого приступить к полному осуществлению резолюции № 242 (1967 г.). Совет Безопасности постановил также, что одновременно с прекращением огня под эгидой соответствующего лица должны начаться переговоры между заинтересованными сторонами, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

Необходимо подчеркнуть, что напряженная ситуация на Ближнем Востоке является следствием невыполнения резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г., касающейся вывода израильских войск с арабских территорий.

Что касается отношения палестинцев к резолюциям Совета Безопасности ООН № 242 и № 338, можно сказать, что эти резолюции подтвердили право палестинцев на создание своего государства в международно-признанных границах, поскольку данные резолюции потребовали вывода израильских войск со всех оккупированных территорий.

Необходимо отметить, что прекращение состояния войны между находившимися в конфликте государствами – это не только акт нормализации соответствующих отношений, но и важный фактор упрочения международного мира [7, с. 532].

Международно-правовая база урегулирования ближневосточного конфликта – резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338 (предусматривают освобождение оккупированных Израилем в 1967 г. арабских территорий), Мадридский принцип «земля в обмен на мир», «дорожная карта» (представляет собой подробный план продвижения к урегулированию палестино-израильского конфликта; ее международно-правовой статус закреплен резолюцией № 1515 Совета Безопасности ООН), а также общеарабская мирная инициатива, принятая в 2002 г. и подтвержденная всеми последующими межарабскими совещаниями в верхах (предусматривает полную нормализацию отношений всего арабского мира с Израилем в обмен на его уход с оккупированных в 1967 г. территорий). Всем государствам и народам региона – как арабам, так и Израилю – будет обеспечена равная и надежная безопасность.

В настоящее время практически все государства, включая государство Израиль, признают резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и № 338 как международно-правовую базу урегулирования ближневосточного конфликта. Как известно, эти резолюции содержат в себе принцип «территории в обмен на мир». Эта формула подтвердила необходимость освобождения захваченных ранее и оккупированных арабских территорий, что соответствует принципам и нормам международного права. Согласно основным принципам современного международного права захват чужой территории считается незаконным, даже если это произошло в ходе справедливой оборонительной войны.

Следует отметить, что именно на основе резолюций № 242 и № 338 были созданы Международные мирные конференции по Ближнему Востоку в Женеве (декабрь 1973 г.) и Мадриде (октябрь 1991 г.), которые были призваны положить конец оккупации и способствовать установлению мира и безопасности на Ближнем Востоке; было предложено несколько вариантов урегулирования данного конфликта; приняты и подписа-

ны определенные документы; состоялось участие ООН в лице Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

Необходимо подчеркнуть также, что все государства, большие и малые, должны быть заинтересованы в достижении тех целей, ради которых ООН была создана.

Следует отметить, что немалый вклад внесла Организация Объединенных Наций в решении ближневосточной проблемы. Например, разработанные и принятые в ООН и ее органах документы, способные достичь мирного урегулирования конфликта, а также принятие на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, которые имели рекомендательный характер, но, тем не менее, во многом способствовали процессу урегулирования этой проблемы в рамках ООН.

Необходимо подчеркнуть, что нужно строить мир на прочном фундаменте правового подхода к решению всего комплекса проблем на Ближнем Востоке с целью обеспечения мира и безопасности всех государств региона.

Таким образом, мирное урегулирование ближневосточного конфликта приводит к четкому выводу: установление прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке должно основываться на таких международно-правовых положениях и документах, которые могут быть разработаны и в дальнейшем осуществлены только с учетом неотъемлемых национальных прав арабского народа Палестины и с учетом необходимости уважения и гарантирования безопасности Израиля. Решение этих проблем на справедливой основе – главнейшее условие нормализации обстановки в целом на Ближнем Востоке, ликвидации там очага постоянной напряженности.

Библиографический список:

1. Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров / конфликтов. – Ленинград, 1975.
2. Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве. – М., 1977.
3. Борисов Р.В. США: Ближневосточная политика в 70-е годы. – М.: Наука, 1982.
4. Дауров Р.Д. Долгая шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. – М., 2009.
5. Дмитриев Е., Ладейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке. – М.: Междунар. отношения, 1974.
6. Медведко Л.И. ...Этот Ближний бурлящий Восток. Документальное повествование. – М.: Политиздат, 1985.
7. Международное право: Учебн. для вузов / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.
8. История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987: В 3-х т. / [Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М.: Междунар. отношения, 1986. – Т. 2: 1945-1970 / [Антюхина-Московченко В.И., Ахтамзян А.А., Ахтамзян И.А. и др.] / Под ред. Г.В. Фокеева, 1987.
9. Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г. СССР и ближневосточное урегулирование, 1967-1988: Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР [редкол.: Ю.М. Воронцов (пред.) и др., вступит. ст. Р.Ш. Трудиева. – С. 3-19]. – М.: Политиздат, 1989.
10. Резолюция № 338 (1973 г.) от 22 октября 1973 г. – Резолюции и решения Совета Безопасности за 1973 г. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Двадцать восьмой год. Нью-Йорк, Организация Объединенных Наций, 1974.
11. Хазанов М.Е. ООН и ближневосточный кризис. – М.: Международные отношения, 1983.

Международно-правовые аспекты миграционного сотрудничества стран евразийского пространства: Опыт и перспективы

Ястребова А.Ю.¹

Современные условия взаимодействия постсоветских государств позволяют говорить о продолжении процессов вынужденной и добровольной миграции. Исследователи говорят о том, что для России «международная миграция стала привычным фактом повседневности и в то же время породила множество реальных или мнимых проблем, глубоко затрагивающих области экономики, политики и, по существу, все сферы социальной жизни»². Как известно, предмет комплексной науки прав человека предполагает сочетание права государства и права индивида. Чтобы найти этот баланс в миграционных правоотношениях, нужно проанализировать составляющие их компоненты.

С точки зрения международного права данный институт составляют правоотношения между государствами, участвующими в миграционном обмене, и право международных межправительственных организаций, действующих в области миграции. В этой сфере государства Евразийского пространства объединены общими универсальными механизмами защиты отдельных категорий иммигрантов. К ним относятся: Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967 г.; IV Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.; Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.; Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, 1985 г. и Декларация о территориальном убежище 1967 г. Перечисленные международно-правовые документы устанавливают такие термины, как беженцы; лица, ищущие убежище; перемещенные из своей страны вследствие военных действий; трудящиеся-мигранты; обычные иностранные граждане, и наделяют эти группы соответствующим юридическим статусом.

Представляется, что совместной областью регулирования международного и конституционного права являются правовые отношения между индивидом и государством его иммиграции. Собственное иммиграционное законодательство государства устанавливает определенный порядок въезда и пребывания для отдельных категорий и регламентацию их правового статуса. При этом существуют такие особо защищаемые международно-правовыми нормами статусные группы, как беженцы, апатриды и перемещенные во время войны лица. При отсутствии национального законодательства по их протекции будут применяться напрямую действующие нормы международного права, к которым присоединилось принимающее государство³.

¹ Ястребова А.Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дипломатической Академии МИД России.

² Заойончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. – М., 2009. – С. 9.

³ Подробнее об этом см.: Ястребова А.Ю. Международно-правовые основы миграции и иммиграционная практика Российской Федерации и стран Европейского Союза // Семья через призму этносоциальных процессов в Сибири: социальная практика. – Барнаул, 2009. – С. 17-31.

Переходя к концепции становления Евразийского экономического сообщества, нужно отметить, что миграционная сфера данного регионального пространства еще только закладывается странами-участницами. Пока определенными приоритетами их сотрудничества являются пресечение незаконной миграции, согласно Договору об охране внешних границ сообщества 2003 г., и безвизовое передвижение в соответствии с Минским Соглашением о безвизовых поездках граждан 2000 г., в котором участвуют РФ, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Как известно, наглядным примером регионального международного сотрудничества государств в области миграции служит механизм Шенгенских Соглашений 1985 и 1990 гг. Основы единого «европейского пространства свободы, безопасности и правопорядка» направлены на фактическое упразднение внутренних границ государств Европейского Союза (ЕС) для своих граждан. Соглашения формируют требования по унификации иммиграционного контроля над въездом и пребыванием граждан третьих стран.

Договоры о реадмиссии (возврате, транзите и приеме) незаконных мигрантов, которые были заключены ЕС со странами Центральной и Восточной Европы, Балтии и СНГ, имеют целью установить правовые границы для приема граждан не Шенгенских стран. Принятое 15 июля 2009 г. Положение о пребывании иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче в соответствии с международными договорами РФ (утверждено Постановлением Правительства РФ № 555), предусматривает содержание таких лиц до исполнения решения о реадмиссии в специальных учреждениях ФМС. Предполагается, что подобные договоры о реадмиссии РФ будет инициировать со странами транзита или исхода вынужденных мигрантов на постсоветском пространстве. Значит, вопрос возвращения мигрантов нужно будет решать и в рамках ЕврАзЭС.

Напомним, что большинство стран ЕС являются участниками Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. П. 1 ст. 31 Конвенции 1951 г. освобождает беженцев от взысканий за нелегальный въезд и пребывание при условии, что они без промедления сами явятся к властям и представят удовлетворительные объяснения. Значит, необходимо проводить специальные процедуры определения статуса для тех лиц, которые заявят о намерении искать убежище. Таков механизм действия норм Конвенции 1951 г., которые теоретически продолжают применяться.

Тем не менее, эти проблемы возложены на страны, являющиеся партнерами ЕС по таким соглашениям о реадмиссии. Представляется, что тогда доступ к определению статуса беженца в Шенгенском пространстве будет закрыт для граждан третьих стран. Эксперты отмечают «стремление Европы договориться с не входящими в ЕС соседними странами о возвращении мигрантов на родину, их депортации и политике повторной миграции»¹. Стоит отметить, что сегодня некоторые страны Шенгена, к примеру Франция, активно борются против приема лиц, ищущих убежище, прибывших из Туниса и Ливии и уже легализованных для пребывания на территории Шенгенского пространства Италией как страной первичного приема.

Действующие международно-правовые нормы дают возможность формировать принципиально разные подходы к вынужденной и добровольной миграции. Т.Н. Юдина определяет правовой статус беженцев таким образом: «В настоящее время при решении вопроса о предоставлении иностранному гражданину защиты от юрисдикции другого государства, что составляет основную суть института убежища, необходимо

¹ Дювель Д. Транзитная миграция в Европу: обзор // Ф.Дювель, И.Молодикова. Сравнительный подход в исследовании феномена транзитной миграции. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования. – М., 2009. – С. 42.

обращение к международному праву, которое предусматривает предоставление защиты на территории государства на основе его суверенитета»¹. Несмотря на то, что Евразийское экономическое сообщество было создано изначально с целью унификации таможенных, трудовых и транспортных основ взаимодействия стран-участниц, его последующие соглашения должны

включать в себя определенные принципы сотрудничества в области вынужденной миграции, так как она представляет собой особый предмет правового регулирования.

Прекращение действия Бишкекского Соглашения 1992 г., создававшего единое безвизовое пространство для передвижения граждан СНГ, в 2000 г. поставило и перед Евразийским экономическим сообществом вопрос сохранения упрощенного иммиграционного обмена. Кстати, действующий Федеральный закон о правовом положении иностранных граждан в РФ в основном использует унифицированные нормы по оформлению пребывания иностранных граждан из дальнего и из ближнего зарубежья. Согласно поправкам к Федеральному закону о гражданстве РФ (ФЗ № 127 от 28 июня 2009 г.), наши бывшие соотечественники по СССР, не входящие в перечень лиц, пользующихся упрощенным порядком, по ряду позиций практически уравниваются с выходцами из стран дальнего зарубежья при приобретении гражданства РФ.

Соглашение Евразийского экономического сообщества о взаимных безвизовых поездках граждан 2000 г. действует с приложениями от 24 марта 2005 г., где предлагается перечень национальных документов, обеспечивающих передвижение граждан государств-участников. Кроме того, остаются в силе двусторонние договоры РФ (с Арменией, Азербайджаном, Украиной, Молдовой) о взаимных безвизовых поездках граждан. Действующие иммиграционные механизмы определяют режим наибольшего благоприятствования для передвижения граждан стран СНГ по отношению к третьим странам. В самом Минском Соглашении проводится идея о «заинтересованности принять необходимые меры к дальнейшему упрочению интеграционных связей Сторон» и максимальном облегчении «условий взаимных поездок граждан по территории Сторон».

Более того, Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации № 173, принятый в 2004 г., содержит определение и принципы таких основ. Под основами законодательства ЕврАзЭС «понимаются правовые акты, которые устанавливают единые для Сторон нормы правового регулирования в базовых сферах правоотношений», имеющие форму соглашений (ст. 1). Главным принципом разработки Основ законодательства ЕврАзЭС являются их «соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права» и «всесторонняя проработка правовых, социально-экономических и иных последствий действия» (ст. 2). Разработка основ законодательства ЕврАзЭС Договором о его учреждении 2000 г. возложена на Межпарламентскую Ассамблею (ст. 7). Основы иммиграционного законодательства ЕврАзЭС в виде открытого для других региональных участников соглашения могли бы стать правовой базой создания единой системы управления миграцией на евразийском пространстве.

Помимо этого, ст. 2 Договора о сотрудничестве в охране внешних границ государств – членов ЕврАзЭС 2003 г. включает их сотрудничество в борьбе с незаконной миграцией.

Определенные сложности в формировании региональных иммиграционных механизмов связаны с высоким уровнем трудовой миграции на территорию РФ как наиболее притягательной страны приема. Постановление Правительства РФ № 895 от 12 ноября 2010 г. устанавливает на 2011 г. квоту на выдачу иностранным гражданам 1 745 584 разрешений на работу в РФ. При этом российские и международные экс-

¹ Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. – М.: РГСУ, 2007. – С. 15.

перты оценивают нелегальную составляющую трудовой иммиграции в РФ от 1,5 до 5 млн. человек¹.

Казалось бы, введение уведомительного порядка миграционного учета трудовых мигрантов и возможность личного получения разрешений на работу, согласно нормам федеральных законов № 109 и 110-ФЗ, должны были упростить перемещение на территорию РФ из стран ЕврАзЕС. Такой порядок ориентирован, прежде всего, на грамотные действия самих мигрантов. Учитывая их общий образовательный уровень и преобладание установок работодателей на неквалифицированный труд, можно предположить активное участие посредников в процессе легализации. При этих условиях преобладает частная сторона трудовых правоотношений, которая остается вне поля зрения сотрудничающих стран, и, соответственно, повышается риск незаконной миграции.

Если говорить об основах законодательства ЕврАзЕС в сфере трудовой иммиграции, то здесь должны быть сформулированы общие подходы. Представлялось бы полезным использовать нормы и принципы Международной Конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. (Конвенция вступила в силу в 2003 г., РФ в ней не участвует.) Ст. 7 Конвенции обязывает участвующие государства уважать и обеспечивать права всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, находящихся на их территории или под их юрисдикцией, без какой бы то ни было дискриминации. Ст. 25 требует использовать в отношении трудящихся-мигрантов принцип равного обращения в условиях занятости (национальный режим). В рамках СНГ принята Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей 2008 г., во многом воспроизводящая нормы Конвенции ООН 1990 г. (РФ подписала, но пока не ратифицировала Конвенцию 2008 г.)/

Подобные правовые подходы крайне важны для тех стран ЕврАзЕС, которые продолжают пользоваться нормами национального трудового законодательства в области внешней трудовой миграции. Так, к примеру, Трудовой кодекс (ТК) РФ не предлагает специальных гарантий защиты для работников-иностранцев. Общий принцип недискриминации, закрепленный в ст. 3 ТК, обозначает, что к иностранным трудящимся-мигрантам в РФ применим национальный режим защиты труда и его социальных гарантий. Региональные основы законодательства о трудовой занятости граждан ЕврАзЕС способствовали бы созданию специальных норм на национальном уровне и одновременно имели бы правовой приоритет при регулировании цивилизованной трудовой миграции. В этой ситуации его участники перешли бы к договорным способам межгосударственного контроля над процессами трудовой миграции. По этому пути уже пошли инициаторы Конвенции СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов, предусмотрев в ней ст.ст. 5-13, где содержится основной перечень прав и гарантий для этих лиц.

Что касается создания специального законодательства в РФ, Л.В. Андриченко и Л.Н. Васильева предлагают «рассмотреть положительно предложения о принятии отдельного федерального закона, имеющего своим предметом правовое регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации»².

Ст. 18 Европейской социальной Хартии 1961 г. также предоставляет гражданам стран-участниц право на выезд с целью осуществления трудовой деятельности, при

¹ Migration in the Russian Federation: A Country Profile 2008. IOM, 2008. – P. 55-56.

² Андриченко Л.В., Васильева Л.Н. Привлечение и использование иностранной рабочей силы: международные стандарты и законодательство Российской Федерации // Международно-правовые стандарты в конституционном праве / Под. ред. И.А.Конюховой. – Ч. II. – М., 2007. – С. 77.

этом весь список социальных прав трудящихся-мигрантов применяется только к законно пребывающим иностранцам. Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей более либерально подходит к вопросу об их незаконном пребывании. Прежде всего, ч. 1 ст. 68 Конвенции призывает стран-участников к сотрудничеству по поводу «предотвращения или пресечения незаконных или тайных переездов и найма трудящихся-мигрантов, не имеющих постоянного статуса», и принятия «мер в рамках юрисдикции каждого заинтересованного государства». Конвенция СНГ 2008 г. о правовом статусе трудящихся-мигрантов требует от принимающей страны и страны постоянного проживания принятия «всех возможных мер по вопросам возвращения трудящихся-мигрантов» после истечения периода их пребывания или в случае нарушения ими миграционного законодательства, в том числе и в форме соглашений о реадмиссии (ч. 2 ст. 16).

Координация совместных усилий стран ЕврАзЕС по обеспечению цивилизованного миграционного обмена, подготовка межгосударственных соглашений на региональном уровне и унификация национального иммиграционного законодательства будут направлены на соблюдение универсального права человека на свободу передвижения. Представляется, что современные межгосударственные подходы к управлению миграцией должны формироваться на основе принципов взаимной экономической выгоды, исполнения принятых международно-правовых обязательств и обеспечения правовой защиты граждан в процессе перемещения.

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Толстых В.Л., Международные гибридные суды и трибуналы: обзор

*Решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные по делам из Российской Федерации в 2009-2010 году

**Международные гибридные суды и трибуналы
(общий обзор)**

В.Л. Толстых¹

Общая характеристика. Рубеж тысячелетий отмечен новым феноменом в сфере международного уголовного права – появлением международных уголовных судов «третьего поколения» – судов, создаваемых совместно ООН и затронутым государством, в состав которых помимо национальных входят международные судьи. В доктрине эти суды стали обозначаться как «интернационализованные», или «гибридные». К их числу относят Специальный суд по Сьерра-Леоне², Палату по военным преступлениям Государственного суда Боснии и Герцеговины, Специальные палаты по Восточному Тимору, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи³, Специальный трибунал по Ливану⁴, суды, учрежденные Временной администрацией ООН в Косово (например, Специальную палату Верховного суда Косово, рассматривающую гражданские и административные дела⁵), и иногда – суд, рассматривающий дело об инциденте над Локерби.

В какой-то степени гибридные суды представляют собой реакцию на проблемы, обнаруженные в деятельности судов «второго поколения» – международных уголовных трибуналов по Югославии и Руанде. Основными заявленными преимуществами новых институтов являются:

1. Легитимность на международном уровне и на национальном уровне. Первая обеспечивается волеизъявлением международного сообщества, от имени которого выступает ООН; вторая – волеизъявлением национального правительства. Волеизъявление международного сообщества оформляется посредством резолюций Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и иных уполномоченных органов ООН, а также соглашений между ООН и национальным правительством; волеизъявление национального правительства – посредством упомянутых соглашений и национальных нормативных правовых актов.

Так, Специальный суд по Сьерра-Леоне действует на основании Соглашения между ООН и правительством Сьерра-Леоне от 16 января 2002 г. во исполнение резолюции Совета Безопасности № 1315 (2000) от 14 августа 2000 г.; Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи – Закона о создании Трибунала 2001 г., Резолюции Генеральной Ассамблеи № 57/228 В от 13 мая 2003 г. и Соглашения между ООН и Королевским правительством Камбоджи; Специальный трибунал по Ливану – Резолюции Совета

¹ Толстых Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор.

² Устав Специального суда см.: www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter_sierra.pdf

³ www.eccc.gov.kh; www.unakrt-online.org

⁴ www.un.org/russian/law/lebanontribunal; www.stl-tsl.org

⁵ <http://specialchamber.info>

Безопасности № 1757 (2007) от 30 мая 2007 г., Соглашения между ООН и Ливаном, Устава Специального трибунала; Специальная палата Верховного суда Косово – Регламента UNMIK № 2002/13 и Регламента UNMIK № 2008/4, дополняющего его¹.

2. Процессуальная эффективность, обеспечиваемая за счет смешанного состава судей, тесной связи с национальными правоохранительными органами, близости к социальной среде. Большинство гибридных судов находится в той стране, в которой были совершены рассматриваемые ими правонарушения. Исключением является Специальный трибунал по Ливану, который в силу соображений справедливости и беспристрастности, а также безопасности и административной эффективности находится в городском районе Гааги (Нидерланды). Своеобразным исключением также является процесс по делу Тейлора, проводимый Специальным судом по Сьерра-Леоне. 3 апреля 2006 г. Тейлор, который запросил убежище в Нигерии, по просьбе нового президента Либерии был задержан и передан в Суд². Однако Председатель Суда заявил, что Суд, по-видимому, не сможет провести процесс по делу Тейлора во Фритауне по соображениям безопасности. Он запросил помощь МУС, с тем чтобы Суд смог провести процесс в Гааге. 13 апреля 2006 г. оба суда подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросу о процессе по делу Тейлора, а 16 июня 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1688 (2006) по этому вопросу. В результате разбирательство по данному делу ведется Судом, а МУС обеспечивает содержание под стражей и обслуживание зала заседаний, а также помещения для процесса³.

3. Положительное влияние на национальную правовую систему за счет введения в нее международных процессуальных и материально-правовых стандартов.

4. Близость к населению затронутых государств, неподверженность влиянию местной либо международной политической конъюнктуры.

Исторические рамки. За исключением Специального суда по Ливану, гибридные суды были созданы в государствах, пострадавших от внутренних вооруженных конфликтов либо тоталитарных режимов.

Специальный суд по Сьерра-Леоне полномочен осуществлять преследование лиц, несущих наибольшую ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 г., в том числе тех лидеров, которые при совершении таких преступлений поставили под угрозу становление и осуществление мирного процесса в Сьерра-Леоне. С 23 марта 1991 г. в стране начались военные действия между Объединенным революционным фронтом во главе с Ч.Тейлором, поддерживаемым Либерией, и приходящими друг другу на смену правительствами, поддерживаемыми Нигерией и ЭКОВАС. В марте 1996 г. в стране состоялись выборы, а 30 ноября 1996 г. новое правительство во главе с президентом Кабба подписало с ОРФ Абиджанское мирное соглашение. Однако в феврале 1997 г. конфликт вспыхнул с новой силой, а 25 мая 1997 г. произошел переворот, в результате которого к власти пришел Революционный совет вооруженных сил, пытающийся сотрудничать с ОРФ. На помощь смещенному правительству пришли миротворцы из соседних стран (Нигерии, Ганы, Гвинеи). В результате 10 марта 1998 г. правительство Кабба вновь заняло столицу (Фритаун). В начале 1999 г. ОРФ попытался захватить Фритаун, при этом в ходе операции использовались «живые щиты» и наемники (в основном украинцы и французы). В мае 1999 г. было

¹ UNMIK – United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (Временная администрация ООН в Косово).

² Fox H. International Law and Restraints on The Exercise of Jurisdiction by National Courts of States // International Law. Edited by Malcolm D. Evans. Second edition, 2006. – P. 369.

³ Доклад МУС за 2005-2006 гг. (пар. 59-60) см.: www.iccnw.org/documents/ICCReportUN_3Aug06_russian.pdf

подписано соглашение о прекращении огня, а 7 июля – мирное соглашение, по итогам которых было сформировано смешанное правительство. В соответствии с мирным соглашением участники вооруженных действий получили полное прощение. ООН и некоторые НПО выступили против положений об амнистии, военные действия продолжались. В этих обстоятельствах 12 июня 2000 г. правительство Сьерра-Леоне обратилось к Совету Безопасности с просьбой о создании международного трибунала. В общей сложности в ходе 8-ми лет войны погибли около 50 тыс. человек, 450 тыс. стали беженцами, 700 тыс. – внутренне перемещенными. Имели место убийства с особой жестокостью, изнасилования, угоны детей, ампутации конечностей¹.

Юрисдикция Чрезвычайных палат в судах Камбоджи ограничивается высокопоставленными руководителями Демократической Кампучии и теми, кто несет наибольшую ответственность за преступления, которые были совершены в период с 17 апреля 1975 г. по 6 января 1979 г. В 1953 г. Камбоджа стала независимой. В конце 60-х гг. в стране началась гражданская война, в которую вмешивались США, Северный Вьетнам и Южный Вьетнам. В 1975 г. к власти пришел режим «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, взявший курс на автаркию и аграрный социализм. Городские жители принудительно переселялись в сельскую местность, где их заставляли работать в крайне тяжелых условиях. Закрывались и разрушались школы, больницы, заводы, храмы. Режим проводил репрессии против всех слоев общества: политических оппонентов, крестьян, интеллигенции, торговцев, служащих, врачей, национальных меньшинств (китайцев и вьетнамцев). В 1977 г. была развязана война со Вьетнамом. В 1978 г. вьетнамская армия вошла в Камбоджу, в январе 1979 г. режим «красных кхмеров» пал, однако его сторонники продолжили партизанскую войну, опираясь на поддержку США, Китая и Таиланда. Всего за годы правления режима было уничтожено примерно 1,7 млн. человек (по другим данным – около 3 млн.; население страны в 1975 г. составляло 7,3-7,9 млн.), нередко казни осуществлялись с особой жестокостью. В 80-х гг. власть принадлежала провьетнамскому правительству, в 1989 г. вьетнамский контингент был выведен. В 1991 г. было подписано Соглашение о всестороннем политическом урегулировании камбоджийского конфликта, учредившее Переходную администрацию ООН в Камбодже (UNTAC). Часть красных кхмеров была амнистирована. В мае 1993 г. в стране были проведены выборы. В июле 1997 г. состоялся суд над Пол Потом, его приговорили к пожизненному заключению, процесс, однако, был подвергнут критике со стороны западных СМИ как политизированный. В апреле 1998 г. Пол Пот умер под домашним арестом. В сентябре 1996 г. король предоставил помилование Йенг Сари – другому лидеру красных кхмеров. В письме от 21 июня 1997 г., адресованном Генеральному Секретарю ООН, власти Камбоджи попросили содействия ООН и международного сообщества в придании правосудию лиц, ответственных за геноцид и преступления против человечности в период правления красных кхмеров с 1975 по 1979 гг. Генеральный Секретарь назначил группу экспертов для исследования вопроса. После согласования позиций в январе 2001 г. Генеральная Ассамблея Камбоджи одобрила создание трибунала, а в августе 2001 г. король промульгировал закон о создании специального смешанного суда. После долгих и сложных переговоров был подготовлен проект Соглашения между ООН и Камбоджей, в марте 2003 г. он был одобрен правительством Камбоджи, а в мае – Генеральной Ассамблеей ООН².

¹ Bantekas I., Nash S. International Criminal Law. Second edition. Cavendish Publishing Limited, 2003. – P. 397-398; Beigbeder Y. International Justice against Impunity: Progress and New Challenges. Martinus Nijhoff Publishers, 2005. – P. 114-116; www.conflictologist.narod.ru/cwsl.html

² <http://genocide.ru/lib/genocides/cambojian.htm>; Beigbeder Y. Op. cit. – P. 129-135.

Специальные палаты по Восточному Тимору обладают исключительной юрисдикцией по рассмотрению серьезных преступлений, совершенных в период между 1 января и 25 октября 1999 г. (геноцида, военных преступлений, преступлений против человечества, сексуальных преступлений, пыток). Восточный Тимор был самоуправляющейся территорией под администрацией Португалии. 28 ноября 1975 г. Восточный Тимор провозгласил независимость, 7 декабря в страну вошли индонезийские силы и оккупировали ее. За время оккупации (до 2002 г.) было убито от 100 до 250 тыс. человек (общее население составляло 600 тыс.). 5 мая 1999 г. Индонезия и Португалия подписали Общее соглашение по вопросу Восточного Тимора, а 30 августа 1999 г. состоялся референдум, в ходе которого 78,5% населения высказалось за независимость. После этого в стране произошли столкновения между сторонниками автономии, с одной стороны, и индонезийскими вооруженными силами и сторонниками интеграции с Индонезией – с другой. В результате столкновений было убито от 1 до 2 тыс. человек, 500 тыс. лишились крова. В Резолюции № 1264 (1999) от 15 сентября 1999 г. Совет Безопасности, сославшись на Главу VII Устава, уполномочил «создание многонациональных сил под единой командной структурой во исполнение просьбы правительства Индонезии, переданной Генеральному Секретарю 12 сентября 1999 г., со следующими задачами: восстановить мир и безопасность в Восточном Тиморе, обеспечить защиту и поддержку МООНВТ при осуществлении ею своих задач и в рамках возможностей сил содействовать операциям по оказанию гуманитарной помощи». Эти силы должны были быть развернуты в Восточном Тиморе до их скорейшей замены миротворческой операцией ООН. После выполнения задач INTERFET Совет Безопасности учредил Переходную администрацию ООН (UNTAET, Резолюция № 1272 от 25 октября 1999 г.), в задачи которой входило в том числе создание эффективной судебной системы. Переходная администрация приняла Регламент 2000/11, в соответствии с которым в рамках Окружного суда Дили были созданы Специальные Палаты, состоящие из международных и тиморских судей. В мае 2002 г. Восточный Тимор стал независимым государством. Для оказания ему помощи ООН учредила Миссию поддержки (Mission of Support in East Timor – UNMISSET, Резолюция Совета Безопасности № 1410), которая также занималась администрированием Специальных Палат¹.

Палата по военным преступлениям Государственного суда Боснии и Герцеговины обладает юрисдикцией в отношении наиболее серьезных военных преступлений. В 1995 г. после окончания гражданской войны на территории бывшей Югославии было подписано Дейтонское мирное соглашение, среди прочего учредившее Офис Высокого представителя, назначаемого Советом Безопасности ООН. По совместной инициативе Офиса и МУТЮ в Боснии и Герцеговине была создана Палата по военным преступлениям Государственного суда, начавшая работать в марте 2005 г. Палата тесно взаимодействует с МУТЮ, последний может передавать в нее дела, возбужденные против исполнителей низшего уровня².

По окончании войны между Югославией и НАТО Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1244, в соответствии с которой была учреждена Миссия ООН в Косово (UNMIK), которая должна была управлять Косово до определения его окончательного статуса. В качестве временной администрации Миссия создала суды, рассма-

¹ www.un.org/russian/peace/pko/untact/untactchronology.htm; *Bantekas I., Nash S.* Op. cit. – P. 401-404; *Beigbeder Y.* Op. cit. – P. 139-141; *Orentlicher D.* Striking a Balance: Mixed Law Tribunals and Conflicts of Jurisdiction. Justice for Crimes Against Humanity. Edited by *M. Lattimer* and *Ph. Sands*. Hart Publishing, 2003, – P. 219-221.

² *Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurst E.* An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge University Press, 2007. – P. 159-160.

тривающие как гражданские, так и уголовные дела¹. Одним из них стала Специальная палата Верховного суда Косово, юрисдикция которой действует в отношении жалоб на решения и действия Тростового агентства, в том числе связанные с назначением штрафов; исков к Агентству о возмещении финансовых потерь, вытекающих из управления Агентством организаций; исков против организаций, управляемых Агентством, и др.

Специальный трибунал по Ливану обладает юрисдикцией над лицами, виновными в совершении нападения 14 февраля 2005 г., в результате которого погиб бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, а также погибли или были ранены другие лица. Харири погиб в результате взрыва бомбы. Общественное мнение в Ливане возложило вину за этот акт на Сирию, оккупирующую Ливан с 1976 г., и просирийское правительство Ливана, некоторые газеты – на США. В причастности к террористическому акту подозревалась также «Хезболла», поддерживаемая Ираном и Сирией. США и Совет Безопасности ООН потребовали вывода сирийских войск из Ливана, что в итоге было сделано. ООН создала комиссию по расследованию, которая в мае 2009 г. возложила ответственность на «Хезболлу». 1 марта 2009 г. Трибунал начал свою работу.

В качестве гибридного иногда рассматривается суд, рассматривающий дело об инциденте над Локерби (Lockerbie, Шотландия). 21 декабря 1988 г. в следовавшем из Лондона в Нью-Йорк самолете «Боинг-747», принадлежавшем компании «Pan American World Airways», была взорвана бомба. Части самолета упали в районе г. Локерби (Lockerbie, Шотландия). 259 человек, находившихся на борту, и 11 жителей Локерби погибли. По итогам расследования были установлены подозреваемые, которыми оказались два гражданина Ливии. Были сделаны запросы об их выдаче для предания суду в Великобритании или США, которые Ливия отказалась удовлетворить. В Резолюции № 748 (1992) от 31 марта 1992 г. Совет Безопасности признал действия ливийского правительства угрозой международному миру и безопасности и ввел в отношении Ливии санкции. В 1992 г. Ливия обратилась в МС ООН, обвинив США и Великобританию в нарушении Монреальской конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. Ливия утверждала, что она выполнила свои обязательства по установлению юрисдикции в отношении предполагаемых преступников; ответчики не должны препятствовать осуществлению данной юрисдикции; она вправе не выдавать предполагаемых преступников, поскольку они являются ее гражданами. В 1998 г. благодаря инициативе Президента ЮАР Нельсона Манделы удалось договориться о придании обвиняемых суду. В 2000 г. начался процесс по данному делу, который проходил в шотландском суде, заседающем в Нидерландах. 31 января 2001 г. было вынесено решение, в соответствии с которым один из обвиняемых был признан виновным и приговорен к пожизненному тюремному заключению, а другой – был оправдан. По мнению I. Bantekas и S. Nash, данный суд, не имея мандата Совета Безопасности, «является уникальным учреждением, адаптированным к особым потребностям дела, демонстрирующим гибкость, являющуюся редкой для международной уголовной юстиции»².

Природа гибридных судов. Вопрос о природе гибридных судов имеет большое практическое значение. Признание за ними статуса международных судов означает распространение на них некоторых положений международного права, не действующих в отношении национальных судов.

Международные суды и национальные суды имеют параллельную юрисдикцию; при этом они имеют верховенство над национальными судами. На любой стадии су-

¹ Orentlicher D. Op. cit. – P. 219.

² Bantekas I., Nash S. Op. cit. – P. 409.

дебного разбирательства они могут официально просить национальные суды передать им производство по делу (ст. 8 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне, ст. 4 Устава Специального суда по Ливану).

Международные суды не обязаны учитывать должностные иммунитеты обвиняемых; данный принцип подтвержден Решением МС ООН от 14 февраля 2002 г. по делу об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.

В отношении международных судов, возможно, не действует принцип недопустимости выдачи собственных граждан: данный вопрос обсуждался в связи с ратификацией государствами Статута МУС.

При обращении за правовой помощью международные суды опираются на авторитет ООН, а не на договоры о правовой помощи с участием затронутого государства (правовой базой, возможно, могут служить положения Устава ООН).

На деятельность международных судов не оказывают влияние акты национально-го правительства (об амнистии и др.).

Последний тезис был рассмотрен Специальным судом по Сьерра-Леоне. Ст. 10 его Устава гласит: «Амнистия, предоставленная любому лицу, подпадающему под юрисдикцию Специального суда в связи с преступлениями, указанными в статьях 2-4 настоящего Устава, не является препятствием для уголовного преследования». Защита Morris Kallon и Brima Bazzy Kamara сформулировала предварительные возражения, основанные на необходимости соблюдать амнистию, предоставленную ст. IX Мирного Соглашения Ломе. Обвинение заявило о том, что Суд связан ст. 10, а Соглашение Ломе, будучи соглашением между двумя национальными субъектами, не является международным договором и его эффект ограничен национальным правом. Также оно утверждало, что в соответствии с международным правом правительство не может предоставлять амнистию в отношении международных преступлений. 13 марта 2004 г. Апелляционная палата постановила, что Соглашение Ломе создает права и обязанности, которые должны регулироваться национальным правом. Следовательно, оно связывает правительство, но не международный суд¹.

Специальный суд по Сьерра-Леоне несколько раз анализировал собственную природу.

В Решении по делу Morris Kallon, Sam Hinga Norman, Brima Bazzy Kamara от 13 марта 2004 г. Апелляционная палата Суда сформулировала следующие выводы: Палата компетентна рассматривать вопрос о том, может ли Суд определять правомерность своего создания; Суд является основанным на договоре судом *suí generis*, обладающим смешанной юрисдикцией и составом²; Соглашение об учреждении Суда было должным образом заключено ООН и правительством; Суд не является частью судебной системы Сьерра-Леоне, но Соглашение об учреждении Суда инкорпорировано в правовую систему Сьерра-Леоне; Суд обеспечивает гарантии справедливого судопроизводства; Суд является международным трибуналом, осуществляющим юрисдикцию в международной сфере, а не в системе национальных судов Сьерра-Леоне³.

В Решении по делу Augustine Gbao от 25 мая 2004 г. Апелляционная палата Суда указала: «Судебная власть, осуществляемая Специальным судом, не является властью Сьерра-Леоне, а является властью самого Специального суда, отражающей интересы международного сообщества» (пар. 6).

В Решении по делу Тейлора от 31 мая 2004 г. Апелляционная палата Суда согласилась со следующими утверждениями профессора Санда (Sands), выступавшего

¹ *Beigbeder Y. Op. cit. – P. 124.*

² Формулировка, использованная в докладе Генерального Секретаря 2000 г.

³ *Beigbeder Y. Op. cit. – P. 122.*

в качестве *amicus curiae*: «а) Специальный суд не является частью судебной системы Сьерра-Леоне и не является национальным судом; б) Специальный суд учрежден договором и имеет характеристики, общие с классическими международными организациями (включая правосубъектность, способность вступать в соглашения с другими международными лицами, регулируемые международным правом; привилегии и иммунитеты; и автономную волю, отличную от воли его членов; с) компетенция и юрисдикция *ratione materiae* и *ratione personae* во многом схожи с компетенцией и юрисдикцией МУТЮ, МУТР и МУС, включая положения, подтверждающие отсутствие права любого лица на иммунитет; d) соответственно, нет причин для утверждения, что Специальный суд должен рассматриваться как что-то иное, чем международный трибунал или суд, со всем, что вытекает для вопроса об иммунитете действующего главы государства» (пар. 41). Сославшись на п. 2 ст. 6 своего Устава, в соответствии с которым «должностное положение любого обвиняемого, будь то глава государства или правительства или ответственный государственный чиновник, не освобождает такое лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания», а также на Решение МС ООН от 14 февраля 2002 г. по делу об ордере на арест от 11 апреля 2000 г., Суд отметил, что «принцип государственного иммунитета вытекает из равенства суверенных государств и таким образом не распространяется на международные уголовные трибуналы, которые не являются органами государства, а получают свой мандат от международного сообщества» (пар. 51). На этом основании Суд счел, что Президент Либерии Ч.Тейлор не обладает иммунитетом от его юрисдикции.

C. Damgaard выделяет следующие критерии, позволяющие определить международный характер суда: 1) Правовой основой международного уголовного суда является либо международный договор между двумя и более государствами, либо Резолюция Совета Безопасности, принятая в соответствии с главой VII Устава, либо соглашение между ООН и одним или более государствами, либо дополнение к Уставу ООН; 2) Международный уголовный суд не является частью судебной системы (*judiciary*) одного единственного государства; 3) он применяет международное уголовное право; 4) его юрисдикция *ratione materiae* и *ratione personae* является международной; 5) его решения являются обязывающими (*binding*). Автор делает вывод, что Специальный суд по Сьерра-Леоне является международным для целей применения норм, регулирующих снятие иммунитетов. Суды же в Камбодже, Восточном Тиморе, Косово, Боснии и Герцеговине и Ираке не могут считаться международными, прежде всего, потому что они встроены в судебную систему государств. Суд по Ливану также не может считаться международным, хотя он и не встроен в судебную систему государства, – он не применяет международное право и его юрисдикция не является международной¹.

В дополнение можно было бы отметить следующее. Международный суд представляет собой продукт воли ООН или государств, выступающих в качестве представителей международного сообщества, а не в качестве субститута национального правительства, отсутствующего или недееспособного в конкретный момент. В этой связи суды, учрежденные миссиями ООН, выполняющими функции миростроительства, вряд ли могут считаться международными. Заключение же соглашения между ООН и отдельным государством представляется вполне легитимным способом создания международного суда; ООН, действительно, представляет интересы всех государств-членов, а Совет Безопасности наделен соответствующими полномочиями.

Состав гибридных судов. В состав гибридных судов входят как международные, так и национальные судьи. Первые назначаются Генеральным Секретарем ООН либо

¹ *Damgaard C.* Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes: Selected Pertinent Issues. Springer, 2008. – P. 270.

другим институтом, представляющим ООН (например, Специальным представителем Генерального Секретаря ООН); вторые – государством, в отношении которого действует юрисдикция суда. Такой подход призван обеспечить нейтрализацию политических влияний, соблюдение международных стандартов при одновременном учете местных особенностей отправления правосудия и общественных отношений. В этом смысле гибридные суды более легитимны и компетентны по сравнению с МУТЮ, МУТР и МУС. Одновременно такой подход таит в себе вероятность конфликта между международными и национальными судьями либо, по меньшей мере, недолжного распределения функций – когда национальные судьи в большей степени будут заниматься фактами, в то время как международные – вопросами права.

Общий принцип, в соответствии с которым состав гибридных судов должен быть смешанным, имеет несколько модификаций. В Специальном суде по Сьерра-Леоне большинство судей – международные. В состав Судебной камеры входят трое судей: один – национальный, двое – международных. В состав Апелляционной камеры входят пятеро судей: двое – национальных, трое – международных. Большинство международных судей имеется и в Специальном трибунале по Ливану, Специальных палатах по Восточному Тимору, Палате по военным преступлениям Государственного суда Боснии и Герцеговины¹, Специальной палате Верховного суда Косово.

В Чрезвычайных палатах в судах Камбоджи, наоборот, большинство судей – национальные. В Судебную палату входят трое камбоджийских и двое международных судей; в Палату Верховного суда, которая служит как апелляционная палата и палата первой инстанции, входят четверо камбоджийских и трое международных судей. Более того, назначение международных судей контролируется на национальном уровне: они назначаются Верховным советом магистратуры из числа кандидатур, выдвинутых Генеральным Секретарем. Для того чтобы международные судьи не оказались в положении простых консультантов, не обладающих возможностью влиять на принятие решения, ст. 4 Соглашения между ООН и Камбоджей предусматривает так называемое правило «супер-большинства» (*super-majority*), в соответствии с которым судьи пытаются добиваться единогласия в своих решениях; если это невозможно, решение Судебной палаты требует, чтобы, по крайней мере, четверо судей голосовали «за»; решение Палаты Верховного суда требует, чтобы, по крайней мере, пятеро судей голосовали «за».

Политически данная формула обусловлена желанием камбоджийского правительства сохранить контроль за отправлением правосудия, что, в свою очередь, позволяет достичь нескольких целей: ограничить юрисдикцию Палат лишь несколькими высокопоставленными обвиняемыми, что, по мнению правительства, будет способствовать процессу национального примирения; сохранить в силе помилование одного из лидеров красных кхмеров – Ieng Sary. Очевидно, что в данной формуле были заинтересованы красные кхмеры, которые перешли на службу новому правительству, прежде всего премьер-министр Hun Sen, а также государства, поддерживающие режим, – США, Китай и Таиланд (в целом следует признать, что умаление «международного элемента» укрепляет легитимность гибридного суда на национальном уровне и в большей степени располагает правительство к его созданию).

В этой связи Генеральный Секретарь ООН в 2003 г., некоторые НПО и специалисты выразили свое несогласие с ней и опасения, что она повлечет за собой утрату

¹ Первоначально в Палате имелось двое международных судей и один – национальный, в соответствии с переходной стратегией к концу 2009 г. международные судьи должны были быть выведены из состава Палаты. *Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmschurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge University Press, 2007. – P. 160.*

контроля за Палатами со стороны ООН и отход от международных стандартов. Так, «Международная амнистия» подвергла критике проект Соглашения между ООН и Камбоджей по следующим основаниям: громоздкий механизм принятия решения (supermajority) чреват возможными конфликтами; положения, относящиеся к жертвам и защите свидетелей, недостаточны; положения о возмещении отсутствуют. Она также полагала необходимым полностью исключить возможность амнистии или помилования. В целом «Международная амнистия» выразила убеждение в провале Суда по причине отсутствия независимости камбоджийской судебной системы и того, что большинство судей будут камбоджийцами¹.

D. Orentlicher отмечает, что участие в деятельности смешанных трибуналов представляет собой определенный риск для репутации ООН; однако в случае с Палатами у ООН не было возможности создать подконтрольный ей орган². *Y. Beigbeder* считает положительным то, что некоторые лидеры красных кхмеров будут осуждены, а факты геноцида станут публичными. Если же правительство Камбоджи попытается влиять на Палаты, ООН сможет публично осудить это³. В соответствии со ст. 28 Соглашения между ООН и Камбоджей о преследовании в соответствии с камбоджийским правом за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии, «если Королевское правительство Камбоджи меняет структуру или организацию чрезвычайных палат или каким-либо иным образом заставляет их функционировать в порядке, не согласующемся с положениями настоящего Соглашения, Организация Объединенных Наций резервирует за собой право прекратить предоставлять финансовую или иную помощь в соответствии с настоящим Соглашением».

Специальный суд по Сьерра-Леоне рассмотрел интересное дело, иллюстрирующее проблему правового положения международных судей. В 27 февраля 2004 г. защитник одного из обвиняемых (генерала Issa Sesay, бывшего временного лидера ОРФ) заявил ходатайство об отводе судьи Робертсона из Апелляционной палаты на том основании, что Робертсон «выразил ясное предубеждение против Объединенного революционного фронта (ОРФ) и Революционного совета вооруженных сил (РСВС) и тем самым проявил недостаток беспристрастности по отношению к лицу, обвиняемому в качестве члена этих групп». Ходатайство основывалось на книге, опубликованной Робертсоном в 2002 г. и озаглавленной «Преступления против человечности: борьба за глобальную справедливость» («Crimes Against Humanity – The Struggle for Global Justice»), в которой он написал, что ОРФ является виновной в совершении соответствующих преступлений. С точки зрения защиты Робертсон тем самым предрешил некоторые центральные вопросы рассматриваемого дела. 12 марта Робертсон выразил свое несогласие с ходатайством, заявив, что Правила предусматривают лишь отвод судьи от слушания конкретного дела и не предусматривают возможности возражений подобного рода, направленных на отстранение судьи от всех слушаний в отношении всех обвиняемых. По его мнению, удовлетворение такого отвода противоречило бы принципу судебной независимости, в соответствии с которым судья должен быть защищен при исполнении своих обязанностей, несмотря на право сторон требовать его отвода в конкретном деле или право его коллег требовать его удаления в данном деле. 13 марта Палата сочла, что Робертсон прав, утверждая, что Правила не содержат положений, предусматривающих удаление судьи из Суда, исключая те случаи, когда судья

¹ *Beigbeder Y. Op. cit.* – P. 139.

² *Orentlicher D. Op. cit.* – P. 217-218. Автор приводит интересный пример, относящийся к деятельности косовских судов, учрежденных миссией ООН (UNMIK). Председателем одного такого суда, рассматривающего дела о геноциде, был швед, в то время как другие члены были косовскими албанцами. Сотрудники ООН столкнулись со сложностями при рекрутировании в данные суды сербов. – P. 219.

³ *Beigbeder Y. Op. cit.* – P. 139.

является явно непригодным, например, в силу плохого здоровья или предъявления уголовного обвинения. Однако Палата постановила, что Робертсон должен быть отстранен от вынесения решения по данным возражениям, а также по делам, затрагивающим ОРФ, когда они рассматриваются Палатой¹.

Применимое право. Правовой базой для деятельности гибридных судов, как правило, являются и нормы международного права, и нормы национального законодательства. Так, Специальный суд по Сьерра-Леоне полномочен осуществлять судебное преследование лиц, нарушивших статью 3, общую для Женевских конвенций 1949 г., и Дополнительный протокол II 1977 г., а также лиц, которые совершили преступления по законодательству Сьерра-Леоне. К предметной юрисдикции Чрезвычайных палат в судах Камбоджи относятся: преступление геноцида, как оно определено в Конвенции 1948 г.; преступления против человечности, как они определены в Римском статуте МУС 1998 г., а также серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. и такие другие преступления, которые определены в главе II Закона об учреждении чрезвычайных палат 2001 г.

Специальный трибунал по Ливану, наоборот, опирается только на положения национального уголовного права; это связано с тем, что он рассматривает не международные уголовные преступления, как другие суды, а преступления международного характера. В частности, он применяет положения УК Ливана, касающиеся преследований и наказаний за акты терроризма, правонарушений против жизни и личной неприкосновенности, незаконных объединений и недонесения о правонарушениях, и статьи 6 и 7 Закона Ливана «Об усилении наказаний за ведение подрывной деятельности, гражданскую войну и межконфессиональную вражду» от 11 января 1958 г. Палата по военным преступлениям Государственного суда Боснии и Герцеговины также действует на основании национального уголовного кодекса.

Очень интересен вопрос о связанности гибридных судов практикой предшествующих международных судов. В соответствии со ст. 19 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне «при определении срока лишения свободы Судебная камера по мере необходимости обращается к практике в отношении назначения наказаний в виде лишения свободы в Международном уголовном трибунале по Руанде и национальных судах Сьерра-Леоне». В соответствии со ст. 20 «Судьи Апелляционной камеры Специального суда руководствуются решениями Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии и по Руанде»; одновременно «при толковании и применении законов Сьерра-Леоне они руководствуются решениями Верховного суда Сьерра-Леоне».

Решение Суда по делу Обвинитель против Alex Tamba Brima, Brima Bazzy Kamara и Santigie Borbor Kanu от 1 апреля 2004 г. гласит: «...Судебная палата подчеркивает, что ее применение судебной практики МУТЮ и МУТР не является следствием уставного императива, определенного вышестоящим положением этих международных уголовных трибуналов, учрежденных Советом Безопасности ООН, по отношению к Специальному суду... Тем не менее, между Специальным судом и международными трибуналами предполагались специальные отношения, поскольку каждый институт учрежден для осуществления преследования *inter alia* «серьезных нарушений международного гуманитарного права». Как таковые, международные трибуналы, Специальный суд и Международный уголовный суд принадлежат к единой и еще возникающей системе международной уголовной юстиции» (пар. 22). И далее: «Специальный суд должен применять решения МУТЮ и МУТР по причине их убедительной силы (*persuasive authority*) с необходимыми модификациями и адаптациями, учитывая особые обстоятельства Специального суда. Судебная палата, однако, когда она сочтет это

¹ *Beigbeder Y. Op. cit. – P. 122.*

необходимым или особенно полезным, будет проводить собственный независимый анализ состояния международного обычного права или общего принципа права... Дополнительно в делах, в которых Судебная палата полагает, что ее анализ некоторых вопросов или принципов права может отличаться от анализа МУТЮ или МУТР, она должна основывать свои решения на собственном обоснованном анализе» (пар. 25).

Уставная или казуальная ссылка на практику международных судов вполне обоснована – гибридные суды рассматривают аналогичные правонарушения и применяют аналогичные нормы. В широком смысле данная ссылка ставит два важных вопроса – вопрос об усилении концепции прецедента в международном праве и вопрос о становлении *системы* международного уголовного правосудия. Обе тенденции проявлены вполне отчетливо, однако об окончательном их закреплении говорить пока что рано; для этого недостаточно инициативы «снизу», желательны ясно выраженная позиция ООН, одобрение доктрины и, возможно, институциональные изменения – например, наделение МУС апелляционной функцией.

Следует также отметить, что вышеупомянутая ссылка обеспечивает дополнительную легитимность гибридных судов – они позиционируются не как институт *ad ovo*, а как один из элементов уже существующей системы международного уголовного правосудия.

Вопрос о процедуре не решается единообразно. Суд по Сьерра-Леоне руководствуется Правилами процедуры и доказывания МУТР и субсидиарно законодательством Сьерра-Леоне; суды по Камбодже и Ливану, наоборот, – национальным правом и субсидиарно международными стандартами. Правила процедуры Специальной палаты Верховного суда Косово утверждаются Специальным представителем Генерального Секретаря с учетом норм Европейской конвенции по правам человека и общепризнанных международных стандартов.

Финансирование гибридных судов. Гибридные суды финансируются в основном за счет добровольных пожертвований государств, а не из регулярного бюджета ООН (как МУТЮ или МУТР).

В финансировании Специального суда по Сьерра-Леоне принимает участие более 30 государств, 4 из них (Канада, Нидерланды, Великобритания и США) предоставили две трети средств первого годового бюджета, составившего 19 млн. долл.¹. Общая сумма взносов на поддержание деятельности Чрезвычайных палат в судах Камбоджи со стороны государств – членов ООН в 2005-2008 гг. составила 73 млн. долл., из которых 40 млн. предоставлено Японией, 5 – Германией; 5,5 – Францией; 6,3 – Австралией. 51% расходов Специального трибунала по Ливану покрывается за счет добровольных взносов государств, а 49 % – правительством Ливана. По состоянию на 29 января 2008 г. общая сумма, внесенная в целевой фонд, покрыла 64,3% запланированной сметы на первый год функционирования (35 млн. долл. США), включая взнос правительства Ливана. Взятые на тот момент обязательства в сочетании с депонированной суммой довели этот показатель до 83%.

Данная система имеет как преимущества, так и недостатки. Она позволяет снять нагрузку с ООН, распределить финансовое бремя между заинтересованным государством и государствами-донорами и тем самым облегчает принятие решения об учреждении суда. С другой стороны, данная система вносит элемент непредсказуемости в деятельность суда – он начинает работать только тогда, когда доноры сформируют его бюджет, и работает постольку, поскольку они продолжают делать добровольные взносы. Отправление правосудия, таким образом, ставится в прямую

¹ *Beigbeder Y. Op. cit. – P. 120.*

зависимость не от международного сообщества, олицетворяемого ООН, а от конкретных государств, у которых могут иметься конкретные политические интересы. Конечно, чаще всего эти государства, делая взносы, преследуют благородные цели, однако элемент волонтаризма, который при этом присутствует, безусловно, отрицательно влияет на имидж суда и его легитимность. *R. Cryer* отмечает по поводу Специального суда по Сьерра-Леоне следующее: «Ключевой вопрос финансирования представляет собой то, что может сильно ограничить Специальный суд, так как он финансируется посредством добровольных взносов, а не из общего или миротворческого бюджета ООН. Это привело к отсрочкам при создании Суда и существенно ограничивает его практический мандат»¹.

Соответствующие проблемы были рассмотрены Апелляционной палатой Специального суда по Сьерра-Леоне 13 марта 2004 г. Палата отклонила предварительное возражение, сформулированное для защиты обвиняемого Sam Hinga Norman. По мнению защиты, право обвиняемого на справедливое разбирательство нарушается, поскольку условия финансирования Суда отрицательно влияют на его независимость. Защита полагала, что эти условия и деятельность Комитета управления (Management Committee), состоящего из представителей государств-доноров, создают обоснованные опасения вмешательства в правосудие посредством экономических манипуляций. Утверждалось, что государства-доноры могут высказывать свое недовольство решением Суда, приостанавливая выделение средств. Обвинение, в свою очередь, полагало, что Суд защищен от проявлений предвзятости благодаря процессу отбора судей, их дипломатическому иммунитету и консультативной природе Комитета управления. Палата сочла, что простая жалоба на условия финансирования Суда не может служить основанием для предположения реальной вероятности влияния на судью. Должно быть установлено, что соответствующие условия способны создать у среднего человека реальное и разумное понимание того, что судья, вероятно, не способен судить справедливо. Палата указала, что обязанность Суда выплачивать судьям вознаграждение не обусловлена тем, способны ли стороны Соглашения о создании Суда делать добровольные взносы, в этой связи предположения защиты являются искусственными и безосновательными. Государства, которые сделали взносы, должны были сделать это, поскольку они верят в справедливое разбирательство и право, а Комитет управления не имеет причин для оказания влияния и не может в рамках своей роли влиять на Суд в части рассмотрения дел. Судья Робертсон приложил отдельное мнение, в котором, соглашаясь с доводами большинства, отметил, что интерес государств-доноров состоит в том, чтобы Суд был успешен; этот успех следует понимать не как успех в осуждении, а как успех в отправлении быстрого и справедливого правосудия².

¹ *Cryer R. Prosecuting International Crimes: Selectivity and the International Criminal Law Regime. Cambridge University Press, 2005. – P. 64.*

² *Beigbeder Y. Op. cit. – P. 123-124.*

**Обзоры Постановлений Европейского Суда по правам человека,
вынесенных в отношении России****2009 год**

В 2009 году Европейский суд вынес 219 постановлений по жалобам заявителей против Российской Федерации.

7 постановлений вынесено в пользу государства, поскольку не установлено нарушений Конвенции; 2 дела исключены из производства, так как заявители перестали отвечать на письма Суда.

В январе было вынесено первое пилотное постановление по делу Бурдов против России. Информация об этом представлена в конце обзора.

По-прежнему множество постановлений вынесено по так называемым «клонным» делам – жалобы с аналогичными нарушениями, уже рассмотренные Судом. Например, это жалобы на длительное рассмотрение или длительное неисполнение решений национальных судов, а также отмена вступивших в законную силу решений в порядке надзора. Кроме того, к однотипным постановлениям можно отнести дела о гибели, исчезновении родственников заявителей из Чеченской Республики и Республики Ингушетия, которые рассмотрены ниже в отдельной группе.

В итоге по всем постановлениям 2009 года Европейский Суд обязал Россию выплатить 5600 791 евро в счет компенсации морального вреда; 1 039 517 евро, 30 919.40 долларов, 748 214 рублей – в счет возмещения материального ущерба; а также 42 1985.49 евро, 2650.25 фунтов стерлингов – за судебные издержки.

Далее предлагается обзор всех постановлений, подготовленный по статьям Европейской Конвенции.

Статья 2 (Право на жизнь)

Нарушение ст. 2 Конвенции за убийство сожителя заявительницы милиционерами после его драки с подростками обнаружено Судом в деле *Голубева против России (Golubeva v. Russia) от 17/12/2009*.

Статья 3 (Свобода от пыток)

Нарушения ст. 3 Конвенции были обнаружены в следующих делах за жестокое обращение при задержании и содержании под стражей и отсутствие эффективного расследования за эти нарушения: *Владимир Федоров против России (Vladimir Fedorov v. Russia) от 30/07/2009*; *Евгений Корнев против России (Yevgeniy Kornev v. Russia) от 30/07/2009*; *Гладышев против России (Gladyshev v. Russia) от 30/07/2009*; *Генералов против России (Generalov v. Russia) от 09/07/2009*; *Алибеков против России (Alibekov v. Russia) от 14/05/2009*; *Полонский против России (Polonskiy v. Russia) от 19/03/2009*; *Барабаничиков против России (Barabanschicov v. Russia) от 08/01/2009*.

Плохие условия содержания под стражей также стали причиной нарушения ст. 3 в делах: *Питалев против России (Pitalev v. Russia) от 30/07/2009*; *Ананьин против России (Ananyin v. Russia) от 30/07/2009*; *Штейн против России (Shteyn (Stein) v. Russia) от 18/06/2009*; *Косошкина против России (Kokoshkina v. Russia) от 28/05/2009*; *Губкин против России (Gubkin v. Russia) от 23/04/2009*; *Попов и Воробьев против России (Popov and Vorobyuev v. Russia) от 23/04/2009*; *Григорьевских против России (Grgoryevskikh v. Russia) от 09/04/2009*; *Любименко против России (Lyubimenko v. Russia) от 19/03/2009*; *Александр Макаров против России (Aleksandr Makarov v. Russia) от 12/03/2009*; *Бычков против России (Bychkov v. Russia) от 05/03/2009*; *Новинский против России (Novinskiy v. Russia) от 10/02/2009*; *Малта-*

барь и Малтабарь против России (Maltabar and Maltabar v. Russia) от 29/01/2009; Андреевский против России (Andreyevskiy v. Russia) от 29/01/2009; Бахмуцкий против России (Bakhmutskiy v. Russia) от 25/06/2009; Антипенков против России (Antipenkov v. Russia) от 15/10/2009; Бордюков против России (Bodrikov v. Russia) от 08/10/2009; Бужинаев против России (Buzhinaev v. Russia) от 15/10/2009; (Nazarov v. Russia) от 26/11/2009; Шилбергс против России (Shilbergs v. Russia) от 17/12/2009; Скоробогатых против России (Skorobogatykh v. Russia) от 22/12/2009.

В деле *Денисенко и Богданчиков против России (Denisenko and Bogdanchikov v. Russia) от 12/02/2009* в отношении двоих граждан, отбывающих срок в Саратовский области, Суд установил нарушение ст. 3 Конвенции за жестокое обращение с первым заявителем, отсутствие эффективного расследования в связи с этим, плохие условия содержания под стражей в СИЗО-77/2 в Москве и за его условия присутствия в Хамовническом райсуде Москвы во время суда.

Нарушение ст. 3 Конвенции за жестокое обращение с заявителем, не проведение расследования властями в связи с этим и плохие условия содержания под стражей в СИЗО/25/5 в Уссурийске были установлены в деле *Антропов против России (Antropov v. Russia) от 29/01/2009*.

В деле *Торпков против России (Torpokov v. Russia) от 01/10/2009* Суд установил нарушение ст. 3 Конвенции за не проведение властями надлежащего расследования по поводу предполагаемого жестокого обращения с гражданином (отбывающим срок в Кировской области) в милиции.

Неоказание помощи милиционерами заявителю, который был избит неизвестными лицами, и неадекватная медпомощь в горбольнице № 33 г. Москва явились нарушением 3 ст. в деле *Денис Васильев против России (Denis Vasilyev v. Russia) от 17/12/2009*.

Двое граждан из Республики Ингушетия в деле *Хадисов и Цечоев против России (Khadisov and Tsechouev v. Russia) от 05/02/2009* признаны судом жертвами жестокого, практически зверского, обращения со стороны российских военных.

Статья 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность)

Незаконное задержание и содержание под стражей признано несоответствующим п. 1 ст. 5 Конвенции в делах: *Денисенко и Богданчиков против России (Denisenko and Bogdanchikov v. Russia) от 12/02/2009; Евдокимов против России (Evdokimov v. Russia) от 17/09/2009* в связи с тем, что заявитель провел в тюрьме 7 лишних дней после окончания срока его заключения.

В постановлении *Нолан и К. против России (Nolan and K. v. Russia) от 12/02/2009* Суд установил, что ночное задержание г-на Нолана в аэропорту без законного основания после его попытки вернуться в Россию нарушило ст. 5 п. 1 и п. 5 Конвенции.

В делах *Московец против России (Moskovets v. Russia) от 23/04/2009; Царков против России (Tsarkov v. Russia) от 16/07/2009; Авдеев и Веряев против России (Aavdeyev and Veryayev v. Russia) от 09/07/2009* Судом установлено нарушение ст. 5 п. 1(с) и п. 3 Конвенции за незаконное и неразумно длительное содержания под стражей до суда.

В постановлениях *Эминбейли против России (Eminbeyli v. Russia) от 26/02/2009; Худякова против России (Khudjakova v. Russia) от 08/01/2009* Суд установил нарушение ст. 5 п. 1 (f) и п. 4 Конвенции за незаконное содержание под стражей, поскольку первый заявитель (гражданин Азербайджана) имел статус беженца и не подлежал экстрадиции по запросу своей страны, а также за незаконное содержание под стражей до экстрадиции гражданки с г. Петрозаводск (Республика Карелия) и за неразумный срок

рассмотрения жалоб заявителей о законности их задержания. Аналогичные нарушения Суд обнаружил в деле *Джураев против России (Dzhurayev v. Russia) от 17/12/2009*.

В деле *Юдаев против России (Yudayev v. Russia) от 15/01/2009* Суд также усмотрел нарушение п. 1 и п. 4 ст. 5 Конвенции за незаконное содержание под стражей и за слишком долгое рассмотрение (71 день) кассационной жалобы заявителя областным судом на определение суда содержания под стражей.

Неразумный срок содержания под стражей до суда, а также необоснованное продление срока содержания под стражей признаны нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции в делах: *Сорокин против России (Sorokin v. Russia) от 30/07/2009*; *Сергей Медведев против России (Sergey Medvedev v. Russia) от 30/07/2009*; *Быков против России (Bykov v. Russia) от 10/03/2009*; *Елизаров против России (Yelizarov v. Russia) от 26/03/2009*; *Шкилев против России (Shkilev v. Russia) от 19/03/2009*; *Любименко против России (Lyubimenko v. Russia) от 19/03/2009*; *Полонский против России (Polonskiy v. Russia) от 19/03/2009*; *Кондратьев против России (Kondratev v. Russia) от 09/04/2009*; *Кокоскина против России (Kokoshkina v. Russia) от 28/05/2009*; *Кононович против России (Kononovich v. Russia) от 09/07/2009*; *Александр Макаров против России (Aleksandr Makarov v. Russia) от 12/03/2009*.

В делах *Ананьин против России (Ananyin v. Russia) от 30/07/2009* и *Попов и Воробьев против России (Popov and Vorobyev v. Russia) от 23/04/2009* Суд установил нарушение п. 3 и п. 4 ст. 5 Конвенции за неразумный срок содержания под стражей до суда, медленное рассмотрение судом жалоб первого заявителя за это содержание под стражей в СИЗО 34/1 Волгограда, а также за отказ российских судов выпустить на свободу заявителей по второму делу до суда из СИЗО-25/1.

В деле *Алехин против России (Alekhin v. Russia) от 30/07/2009* Суд признал гражданина из г. Санкт-Петербург жертвой нарушения п.п. 3-5 ст. 5 Конвенции за неразумный срок содержания под стражей до суда, медленное рассмотрение судом его жалоб, а также содержание под стражей и невозможность получить компенсацию за эти нарушения в российских судах.

Нарушение п.п. 1(с), 3 и 4 ст. 5 Конвенции за незаконное нахождение под стражей до суда некоторых периодов, неразумный срок содержания под стражей до суда, задержки в рассмотрении жалоб заявителей на содержание под стражей Суд установил в постановлениях: *Ламажик против России (Lamazhyk v. Russia) от 30/07/2009*; *Губкин против России (Gubkin v. Russia) от 23/04/2009*; *Штейн против России (Shteyn (Stein) v. Russia) от 18/06/2009*; *Бахмуцкий против России (Bakhtutskiy v. Russia) от 25/06/2009*; *Назаров против России (Nazarov v. Russia) от 26/11/2009*; *Макаренко против России (Makarenko v. Russia) от 22/12/2009*.

Постановлением *Бутусов против России (Butusov v. Russia) от 22/12/2009* Суд установил нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции за рассмотрение его жалобы на определение суда о содержании под стражей в его отсутствие и его адвоката, и за неразумный срок рассмотрения другой его жалобы, также на определение суда о содержании под стражей.

Статья 6 (Право на справедливое судебное разбирательство)

Процедура судебного надзора вновь была признана нарушением ст. 6 в гражданских делах: *Алексеев против России (Alekseyenko v. Russia) 74266/01 от 08/01/2009*; *Бодров против России (Bodrov v. Russia) от 12/02/2009*; *Калиниченко против России (Kalinichenko v. Russia) от 12/03/2009*; *Алексей Захаров против России (Aleksy Zakharov v. Russia) от 12/03/2009*; *Николенко против России (Nikolenko v. Russia) от 26/03/2009*; *Кузьмина против России (Kuzmina v. Russia) от 02/04/2009*; *Кравченко*

против России (Kravchenko v. Russia) от 02/04/2009; Сенченко и другие и 35 других дел «якутских пенсионеров» против России; 90 пенсионеров с Республики Якутия (Саха) (Senchenko and others and 35 other «Yakut pensioners» cases v. Russia) от 28/05/2009; Тарнопольская и другие против России (Tarnopolskaja and others v. Russia) от 09/07/2009; Клименко и Остапенко против России (Klimenko and Ostapenko v. Russia) от 23/07/2009; Сутяжник против России (Sutyazhnik v. Russia) от 23/07/2009; Хотулева против России (Khotuleva v. Russia) от 30/07/2009 и в уголовных делах: Шаромов против России (Sharomov v. Russia) от 15/01/2009; Эдуард Чистяков против России (Eduard Chistyakov v. Russia) от 09/04/2009; Финков против России (Finkov v. Russia) от 08/10/2009; Гончарова и другие (и 68 других дел «пенсионеров-льготников») против России (Goncharova and others (and 68 other «Privileged pensioners» cases) v. Russia) от 26/11/2009; Крайнов и Крайнова и 9 других дел «якутских пенсионеров» против России (Kraynov and Kraynova and 9 other «Yakut Pensioners» cases v. Russia) от 17/12/2009; Талышева против России (Talysheva v. Russia) от 22/12/2009; Гудков против России (Gudkov v. Russia) от 22/12/2009.

В постановлении *Рябов и 151 других «пенсионеров-льготников» против России (Ryabov and 151 other «Privileged pensioners» cases v. Russia) от 17/12/2009* Суд установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за отмену вынесенных в пользу пенсионеров вступивших в силу судебных решений (право на льготную пенсию за тяжелые условия труда) по так называемым «вновь открывшимся обстоятельствам». Причем под «вновь открывшимися обстоятельствами» ПФР заявил, а российские судьи это приняли за основу – «изменившуюся судебную практику» ВС РФ по толкованию пенсионного закона по этому вопросу по другим делам конкретным (частным) делам.

Нарушение ст. 6 Конвенции за отмену в порядке судебного надзора по уголовному делу вступившего в силу приговора, поскольку отмена не преследовала целью исправления фундаментальных ошибок или осуществления правосудия, а только лишь для получения нового решения, а также за невозможность представить на Президиум свои письменные возражения и участвовать на заседании президиума Суд установил в деле *Федоров против России (Fedorov v. Russia) от 26/02/2009.*

Длительное неисполнение решений национальных судов Европейский Суд признал нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в постановлениях: *Нина Казмина и другие против России (Nina Kazmina others v. Russia) от 13/01/2009; Бурдов против России № 2 (Burdov v. Russia) 2 от 15/01/2009; Козодоев и другие против России (Kozodoyev and others v. Russia) от 15/01/2009; Журавлев против России (Zhuravlev v. Russia) от 15/01/2009; Лоторевич против России (Lotorevich v. Russia) от 22/01/2009; Коцарь против России (Kotsar v. Russia) от 29/01/2009; Левищев против России (Levishcheev v. Russia) от 29/01/2009; Беззубикова против России (Bezzubikova v. Russia) от 10/02/2009; Веретенников против России (Veretennikov v. Russia) от 12/03/2009; Марковцы и Селиванов против России (Markovtsi and Selivanov v. Russia) от 23/07/2009; Молодыка и другие против России (Molodyka and others v. Russia) от 23/07/2009; Прохорова против России (Prokhorova v. Russia) от 08/10/2009; Финков против России (Finkov v. Russia) от 08/10/2009; Кунашко против России (Kunashko v. Russia) от 17/12/2009.*

Длительное неисполнение с последующей отменой в надзорном порядке решений российских судов также признаны нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в делах: *Кулков и другие против России (Kulkov and others v. Russia) от 08/01/2009; Кондрашов и другие против России (Kondrashov and others v. Russia) от 08/01/2009; Блинов и Блинова против России (Blinov and Blinova v. Russia) от 30/04/2009, Игнатьева против России*

(*Ignatyeva v. Russia*) от 22/12/2009 в порядке ст. 41 Конвенции. Нарушения по данному делу были установлены постановлением Суда № 10277/05 от 03.04.2008.

В делах: *Маркова против России (Markova v. Russia)* от 08/01/2009; *Рыпакова против России (Ryapkova v. Russia)* от 08/01/2009; *Облов против России (Oblov v. Russia)* от 15/01/2009; *Боржонов против России (Borzhanov v. Russia)* от 22/01/2009; *Михайлович против России (Mikhaïlovich v. Russia)* от 12/02/2009; *Гасанова против России (Gasanova v. Russia)* от 30/04/2009; *Губкин против России (Gubkin v. Russia)* от 23/04/2009; *Елисейев против России (Yeliseyev v. Russia)* от 28/05/2009; *Сухов против России (Sukhov v. Russia)* от 18/06/2009; *Рысев против России (Rysev v. Russia)* от 18/06/2009; *Сокорев против России (Sokorev v. Russia)* от 18/06/2009; *Вдовина против России (Vdovina v. Russia)* от 18/06/2009; *Бахмуцкий против России (Bakhtmutskiy v. Russia)* от 25/06/2009; *Зайцев и другие против России (Zaytsev and others v. Russia)* от 25/06/2009; *Штейн против России (Shteyn (Stein) v. Russia)* от 18/06/2009; *Харитонов против России (Kharitonov v. Russia)* от 16/07/2009; *Светлана Орлова против России (Svetlana Orlova v. Russia)* от 30/07/2009; *Ламажук против России (Lamazhuk v. Russia)* от 30/07/2009; *Полонский против России (Polonskiy v. Russia)* от 19/03/2009; *Жаркова против России (Zharkova v. Russia)* от 17/09/2009; *Макарова против России (Makarova v. Russia)* от 01/10/2009; *Племянова против России (Plemyanova v. Russia)* от 15/10/2009; *Довидян против России (Dovidyan v. Russia)* от 15/10/2009; *Колчинаев против России (Kolchinayev v. Russia)* от 17/12/2009; *Горовая против России (Gorovaya v. Russia)* от 22/12/2009; *Леханова против России (Lekhanova v. Russia)* от 22/12/2009; *МП Кинескоп против России (MPKineskop v. Russia)* от 22/12/2009; *Макарова против России (Makarova v. Russia)* от 22/12/2009 Суд признал, что неразумный срок судебного разбирательства является нарушением ст. 6 Конвенции.

В деле *Московец против России (Moskovets v. Russia)* от 23/04/2009 незаконный состав суда и неразумный срок судебного разбирательства признаны Судом не соответствующим п. 1 ст. 6 Конвенции.

В постановлении *Менчинская против России (Menchinskaya v. Russia)* от 15/01/2009 Европейский Суд обнаружил, что в краевом суде по иску гражданки из г. Норильск на стороне ответчика (службы занятости) выступил прокурор, таким образом было нарушено равенство сторон в гражданском процессе, что, в свою очередь, не соответствует п. 1 ст. 6 Конвенции.

В постановлении *Киселев против России (Kiselev v. Russia)* 75469/01 от 29/01/2009 Суд признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в том, что судопроизводство по уголовному делу заявителя в целом было несправедливым, в частности его уголовное дело было пересмотрено российскими судами и новое наказание оказалось более суровым, нежели назначенное изначально. Аналогичные нарушения Суд установил в деле *Червоненко против России (Chervonenko v. Russia)* от 29/01/2009, в частности заявитель жаловался на то, что его уголовное дело несколько раз пересматривалось российскими судами, однако он не получил компенсацию за отбытие незаконно назначенного наказания.

В деле *Гладышев против России (Gladyshev v. Russia)* от 30/07/2009 Суд установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции за включение показаний заявителя, данных на начальных этапах следствия, в доказательную базу приговора (наряду с рядом иных непрямых доказательств) и отказ судов первой и второй инстанции признать эти доказательства недопустимыми.

Нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции за осуждение в незаконном составе суда было установлено Европейским Судом в деле: *Ларягин и Аристов против России (Laryagin and Aristov v. Russia)* от 08/01/2009.

В делах: *Сокур против России (Sokur v. Russia) от 15/10/2009*; *Шилбергс против России (Shilbergs v. Russia) от 17/12/2009*; *Скоробогатых против России (Skorobogatykh v. Russia) от 22/12/2009* Суд установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции за то, что суды не обеспечили присутствия заявителей по их гражданскому иску.

В деле *Бужинаев против России (Buzhinaev v. Russia) от 15/10/2009* неразумный срок уголовного следствия признан не соответствующим п. 1 ст. 6 Конвенции.

Нарушение требований разумного срока по уголовному делу и отсутствие адвоката на начальной стадии возбуждения уголовного дела признаны нарушением п.п. 1 и 3 (с) ст. 6 в деле *Пищальников против России (Pishchalnikov v. Russia) от 24/09/2009*.

В деле *Сахновский против России (Sakhnovskiy v. Russia) от 05/02/2009* Суд признал нарушением п.п. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции за не предоставление заявителю государством эффективной юридической помощи на кассационном слушании по его уголовному делу.

Нарушение ст. 6 п. 1 во взаимосвязи со ст. 6 п. 3 (с) Конвенции за отсутствие заявителя на кассационном слушании по его уголовному делу от 01.07.2002 г. обнаружил Суд в деле *Самохвалов против России (Samokhvalov v. Russia) от 12/02/2009*.

Невозможность участия заявителя в кассационном слушании в ВС РФ признано Судом нарушением п.п. 1 и 3 (с) ст. 6 в делах *Григорьевских против России (Grigoryevskikh v. Russia) от 09/04/2009*; *Сибгатулин против России (Sibgatullin v. Russia) от 23/04/2009*.

Отказ Верховного Суда обеспечить заявителя государственным адвокатом во время разбирательства его дела в ВС РФ признано судом не соответствующим ст. 6 (п.п. 1 и 3) Конвенции в деле *Потанов против России (Potapov v. Russia) от 16/07/2009*.

Отсутствие заявителя и его адвоката в судебном заседании по уголовному делу заявителя Суд признал нарушением п.п. 1 и 3 (с, d) ст. 6 Конвенции в постановлении *Ананьев против России (Ananyev v. Russia) от 30/07/2009*.

Не предоставление возможности заявителю опросить в судебном заседании трех свидетелей, давших показания против него по его уголовному делу, Суд признал нарушением п.п. 1 и 3 (d) ст. 6 Конвенции в деле *Макеев против России (Makeyev v. Russia) от 05/02/2009*.

Безосновательный отказ российских судов заслушивать свидетеля в пользу заявителя признан Европейским Судом несоответствующим п. 3 (d) ст. 6 в постановлении *Поляков против России (Polyakov v. Russia) от 29/01/2009*.

Ненадлежащее (запоздалое) извещение о разбирательстве в суде апелляционной инстанции и проведение апелляционного судебного разбирательства в отсутствие заявителя признаны судом нарушением ст. 6 Конвенции в деле *Сивухин против России (Sivukhin v. Russia) от 07/05/2009*. Аналогичные нарушения в кассационной инстанции обнаружены в делах *Бацанина против России (Batsanina v. Russia) от 26/05/2009*; *Зайцева против России (Zaytseva v. Russia) 11583/05 26/11/2009*. Аналогичные нарушения в надзорном порядке установлены в деле *Корнев против России (Yevgeniy Kornev v. Russia) 30/07/2009*.

Нарушение ст. 6 Конвенции за участие в деле заявителя народных заседателей, не имеющих на это никаких законных полномочий, обнаружено в деле *Илатовский против России (Ilatovskiy v. Russia) от 09/07/2009*.

Отказ суда рассмотреть по существу иск заявителя о моральном вреде за издевательства над ним во время содержания под стражей был признан Судом нарушением ст. 6 Конвенции в деле *Генералов против России (Generalov v. Russia) от 09/07/2009*.

Нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Безымянная против России (Bezmyannaya v. Russia) от 22/12/2009* ЕСПЧ усмотрел в том, что суды не рассмотрели по существу

ее иск о признании незаконным договора мужа, который отписал чужим людям некоторое имущество, в частности ресторан, поскольку суд общей юрисдикции переправил ее иск в арбитражный суд, ввиду якобы неподсудности этого иска суду общей юрисдикции, а арбитражный суд отказался рассматривать ее иск по существу ввиду того, что это иск якобы неподсуден арбитражному суду. И оказалось, что оспаривание простейшего по сути контракта в России оказалось некому.

В деле *Сергей Смирнов против России (Sergey Smirnov v. Russia) от 22/12/2009* Суд признал нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции отказ судов рассмотреть по существу его гражданский иск ввиду того, что он не имел регистрации по месту жительства.

Статья 8 (Право на уважение частной и семейной жизни)

В деле *Калачева против России (Kalacheva v. Russia) от 07/05/2009* суд признал нарушение ст. 8 Конвенции за отказ российских судов установить отцовство внебрачного ребенка на основании экспертизы ДНК. При этом Суд отклонил довод Правительства о том, что якобы заявитель должна была исчерпать такое средство правовой защиты, как обращение в суд надзорной инстанции, поскольку надзор в гражданском процессе для Суда не является средством, которое необходимо исчерпать для обращения в Суд (п. 19 Постановления).

Проведение обыска в адвокатском офисе и дома в связи с уголовным делом по клиенту заявителя признано несоответствующим ст. 8 Конвенции в деле *Колесниченко против России (Kolesnichenko v. Russia) от 09/04/2009*. Суд указал, что произведенный обыск не являлся «необходимым в демократическом обществе».

Использование властями аппаратуры подслушивания и подсматривания, которое не сопровождалось адекватными гарантиями против возможных злоупотреблений, признано Судом несоответствующим ст. 8 в деле *Быков против России (Bykov v. Russia) от 10/03/2009*.

В деле *Нолан и К. против России (Nolan and K. v. Russia) от 12/02/2009* Суд установил нарушение права на семейную жизнь вследствие 10-месячной разлуки г-на США Нолана с его малолетним сыном.

Нарушение ст. 8 Конвенции за препятствование властями общения заявителя со своей дочерью признано Судом в деле *Куимов против России (Kuimov v. Russia) от 08/01/2009*.

Перлюстрация (от лат. *perlustro* – обзреваю) корреспонденции заявителя признано нарушением ст. 8 в деле *Алексеев против России (Alekseyenko v. Russia) от 08/01/2009*.

Статья 9 (Свобода мысли, совести и религии) и статья 11 (Свобода собраний и объединений)

Нарушение ст. 9 Конвенции в свете ст. 11 за притеснения по религиозным убеждениям установлено Судом в деле *Кимля и другие против России (Kimlya v. Russia) от 01/10/2009* в отношении представителей Сайентологической церкви – двое граждан с Ханты-Мансийского АО (Сургут) и Республики Татарстан (Нижнекамск)

Статья 10 (Право на выражение собственного мнения)

В деле *Кудешкина против России (Kudeshkina v. Russia) от 26/02/2009* Суд установил нарушение ст. 10 Конвенции за свободу выражения мнения в связи с тем, что председатель Мосгорсуда Егорова оказывала на Кудешкину давление при ведении ею громкого уголовного дела, а Кудешкина высказалась об этом открыто в ряде СМИ, за

что Московская Квалификационная коллегия судей по представлению председателя Мосгорсуда Егоровой лишила Кудешкину полномочий судьи.

Журналистка с г. Ярославль в деле *Обухова против России (Obukhova v. Russia) от 08/01/2009* также признана жертвой нарушения ст. 10 Конвенции за ограничение публикации ее материала. Притеснение властями газеты за критическую статью в отношении властей также признано нарушением ст. 10 в постановлениях: *Романенко и другие против России (Romanenko and others v. Russia) от 08/10/2009*; *Побурова против России (Porubova v. Russia) от 08/10/2009*; *Александр Крутов против России (Aleksandr Krutov v. Russia) от 03/12/2009*.

Статья 11 (Свобода собраний и объединений) и статья 14 (Запрещение дискриминации)

В деле *Даниленков и другие против России (Danilenkov and others v. Russia) от 30/07/2009* Европейский Суд установил нарушение ст. 14 во взаимосвязи со статьей 11 за дискриминацию заявителей (32 члена профсоюза докеров России с Калининграда) работодателем ввиду их принадлежности к профсоюзу докеров России.

Статья 13 (Право на эффективное средство правовой защиты)

В деле *Губкин против России (Gubkin v. Russia) от 23/04/2009* Суд обнаружил отсутствие средств правовой защиты от плохих условий содержания под стражей гражданина, отбывающего срок в СИЗО-61/1 Ростова-на-Дону, и отсутствие средств правовой защиты против неразумного срока судопроизводства по делу заявителя.

В деле *Бахмуцкий против России (Bakhutskiy v. Russia) 25/06/2009* Суд установил нарушение ст. 13 за отсутствие средств правовой защиты против нарушения статей 3, 5, 6 Конвенции в отношении гражданина, отбывающего срок в колонии в Ростовской области.

Суд усмотрел нарушение ст. 13 в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты против нарушения права на справедливый суд (ст. 6) в делах: *Зайцев и другие против России (Zaytsev and others v. Russia) от 25/06/2009*; *Боржонов против России (Borzhoнов v. Russia) от 22/01/2009*; *Николенко против России (Nikolenko v. Russia) от 26/03/2009*, *Финков против России (Finkov v. Russia) от 08/10/2009*, *Вдовина против России (Vdovina v. Russia) от 18/06/2009*.

Первое пилотное постановление в отношении России по делу *Бурдов против России № 2 (Burdov v. Russia) от 15/01/2009* также констатирует нарушение ст. 13 Конвенции, выразившееся в отсутствии средств правовой защиты от задержек в исполнении трех решений суда в пользу заявителя собесом (были присуждены российскими судами долги по ВВЗ, пени и иные выплаты ВВЗ).

Отсутствие эффективных средств правовой защиты против неразумного срока уголовного следствия признано нарушением ст. 13 Конвенции в деле *Бужинаев против России (Buzhinaev v. Russia) от 15/10/2009*.

В постановлении *Денис Васильев против России (Denis Vasilyev v. Russia) от 17/12/2009* Суд установил нарушение ст. 13 Конвенции за не проведение эффективного расследования по факту избиения, неоказания ему помощи милиционерами и оказания неадекватной медпомощи в городской больнице № 33 г. Москва.

Статья 34 (Вмешательство в право на подачу индивидуальной жалобы)

Воспрепятствование заявителю тюремными властями вести переписку с Судом путем оказания давления на заявителя признано Судом нарушением ст. 34 Конвенции в деле *Новинский против России (Novinskiy v. Russia) от 10/02/2009*.

Статья 38 (Процедура рассмотрения дела с участием заинтересованных сторон)

Отказ властей России сотрудничать с Европейским Судом по делу, находящемуся в рассмотрении Суда, признано нарушением п. 1 ст. 38 Конвенции в деле *Нолан и К. против России (Nolan and K. v. Russia) от 12/02/2009*.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (Право собственности)

Суд признал нарушением права собственности изъятие у заявителей на таможене не декларированной им валюты в делах: *Сан против России (Sun v. Russia) от 05/02/2009*; *Адзигович против России (Adzhigovich v. Russia) от 08/10/2009*.

Отказ властей вернуть заявителю конфискованное у него авиационное топливо (22622 л) или выплатить ему вместо него компенсацию привело к нарушению ст. 1 Протокола № 1 Конвенции в деле *Новиков против России (Novikov v. Russia) от 18/06/2009*.

Причиной нарушения права собственности в деле *Боржонов против России (Borzhonov v. Russia) от 22/01/2009* стал отказ властей вернуть заявителю конфискованный автобус.

В деле *Бородкин против России (Borodkin v. Russia) от 17/09/2009* заявитель, проживающий в Республике Саха (Якутия), обжаловал отмену в порядке надзора решения суда, вынесенного в его пользу по иску к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации за невыполнение государством обязательства по предоставлению автомобиля по целевому чеку. Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции в совокупности со ст. 6 Конвенции

Типичная практика Суда по делам из России касается нарушения права собственности в связи с отменой в порядке надзора (по старому ГПК РФ) решения, вступившего в законную силу: *Хотулева против России (Khotuleva v. Russia) от 30/07/2009*; *Клименко и Остапенко против России (Klimenko and Ostapenko v. Russia) от 23/07/2009*; *Марковцы и Селиванов против России (Markovtzi and Selivanov v. Russia) от 23/07/2009*; *Молодыка и другие против России (Molodyka and others v. Russia) от 23/07/2009*; *Тарнопольская и другие против России (Tarnopolskaja and others v. Russia) от 09/07/2009*; *Сенченко и другие и 35 других дел «якутских пенсионеров» против России; 90 пенсионеров из Республики Якутия (Саха) (Senchenko and others and 35 other «Yakut pensioners» cases v. Russia) от 28/05/2009*; *Алексей Захаров против России (Aleksey Zakharov v. Russia) от 12/03/2009*; *Николенко против России (Nikolenko v. Russia) от 26/03/2009*; *Кравченко против России (Kravchenko v. Russia) от 02/04/2009*; *Кузьмина против России (Kuzmina v. Russia) от 02/04/2009*; *Калиниченко против России (Kalinichenko v. Russia) от 12/03/2009*; *Бодров против России (Bodrov v. Russia) от 12/02/2009*; *Финков против России (Finkov v. Russia) от 08/10/2009*.

Длительное неисполнение решений российских судов: *Беззубикова против России (Bezzubikova v. Russia) от 10/02/2009*; *Коцарь против России (Kotsar v. Russia) от 29/01/2009*; *Левищев против России (Levishchesev v. Russia) от 29/01/2009*; *Лоторевич против России (Lotorevich v. Russia) от 22/01/2009*; *Бурдов против России № 2 (Burdov v. Russia) от 15/01/2009*; *Козодоев и другие против России (Kozodoyev and others v. Russia) от 15/01/2009*; *Журавлев против России (Zhuravlev v. Russia) 5249/06 от 15/01/2009*; *Нина Казмина и другие против России (Nina Kazmina others v. Russia) от 13/01/2009*; *Кондрашов и другие против России (Kondrashov and others v. Russia) от 08/01/2009*.

В деле *Блинов и Блинова против России (Blinov and Blinova v. Russia)* от 30/04/2009, где заявителями являются двое судей (супруги) из г. Ставрополь, Суд установил нарушение ст. 6 п. 1 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за длительное (4 г и 9 мес.) неисполнение решения суда и последующую его отмену в порядке судебного надзора по жалобе Администрации г. Пятигорск (по новому ГПК), вынес решение суда в пользу заявителей. Присуждено было обеспечить из служебным жильем как действующих судей с учетом их права (каждому) на дополнительную отдельную комнату. При этом в период неисполнения Суд включил и период после отмены решения суда в порядке надзора, поскольку отмена в порядке надзора была несовместима с Конвенцией. Аналогичные нарушения были обнаружены в делах: *Кулков и другие против России (Kulkov and others v. Russia)* от 08/01/2009. При этом в некоторых делах Суд в очередной раз указал, что в России не является средством правовой защиты подача иска за моральный вред за задержку в исполнении решения суда, поскольку ч. 4 гл. 59 ГК РФ не предусматривает моральный вред за такое нарушение, при этом Суд сослался на *Мороко против России (Moroko v. Russia)* от 12.06.2008 §§ 28-29). Кроме того суд отметил, что по нарушениям Конвенции в связи с задержкой в исполнении решения суда 6-месячный срок начинается не от даты вступления решения суда в силу, а от даты полного исполнения решения суда. Суд указал также, что индексация присужденных российским судом сумм по ст. 208 ГПК РФ в России не является средством, которое позволяет утратить статус жертвы Конвенции, поскольку данное средство не предлагает моральный вред за это нарушение. Не является таким средством и подача иска за моральный вред – поскольку такое средство в России является сомнительным. Суд также отметил, что не является средством правовой защиты обжалование бездействия органа власти (в том числе и пристава), не исполняющего решение суда, поскольку такая жалоба в суд ничего в принципе не решит и исполнение решения суда не ускорится. Суд отклонил аргумент Правительства об утрате статуса жертвы заявителя по мотиву того, что заявитель отказался заключить мировое соглашение, сославшись на *Свитич против России (Svitich v. Russia, § 21)*. Суд еще раз указал, что по нарушениям Конвенции в связи с задержкой в исполнении решения суда 6-месячный срок для подачи жалобы в Суд начинается не от даты вступления решения суда в силу, а от даты полного исполнения решения суда, сославшись на *Горохов и Русяев против России (Gorokhov and Rusyayev v. Russia, § 27)*.

Статья 1 Протокола № 7 (Процессуальные гарантии в части изгнания иностранцев)

Европейский Суд установил нарушение Статью 1 Протокола № 7 к Конвенции в деле *Нолан и К. Против России (Nolan and K. v. Russia)* от 12.02.2009 г. вследствие факта, что г-н Нолан был изгнан из России прежде, чем получил возможность просить о пересмотре своего дела.

Статья 4 Протокола № 7 к Конвенции (Право не привлекаться к суду или повторному наказанию)

В деле *Сергей Золотухин против России (Sergey Zolotukhin v. Russia)* от 10/02/2009 Европейский Суд установил нарушение ст. 4 Протокола № 7 за то, что заявитель был дважды осужден за одно и то же. С одной стороны, за непристойное поведение, в том числе и в отношении задержавших его милиционеров, он был наказан судом в порядке административного производства по ст. 158 КоАП РФ, а с другой – позднее за то же самое правонарушение он был осужден судом по ст. 319 УК РФ. Жалоба Правительства РФ на Постановление Суда от 07.06.2007 г. была отклонена по существу Большой Палатой.

В следующих делах Европейский Суд не обнаружил нарушений Конвенции

Карягин, Матвеев и Королев против России (Karyagin, Matveyev and Korolev v. Russia) от 28/05/2009 – не установлено нарушений п. 1 и 3 ст. 6 Конвенции ввиду того, что по делу заявителей – граждан из г. Магнитогорск Челябинской области был утерян первичный приговор, а текст второго приговора несколько отличался от первичного оригинала.

Ленская против России (Lenskaya v. Russia) от 29/01/2009 – не установлено нарушения ст.6 Конвенции за отмену в порядке судебного надзора решения суда в пользу заявителя Президиумом Томского облсуда по спору с другим физическим лицом. Поскольку основанием для отмены Президиумом явились фундаментальные нарушения – судебные заседания были проведены в отсутствие ответчика и при ненадлежащем его уведомлении об этих судебных заседаниях.

Козлов против России (Kozlov v. Russia) от 17/09/2009 – не установлено нарушения ст.6 Конвенции за то, что гражданский иск против него был проведен в его отсутствие, ввиду того что он был в тюрьме и за то, что суд кассационной инстанции по уголовному делу не прокомментировал некоторые его доводы кассационной жалобы.

Мержоев против России (Merzhojev v. Russia) от 08/10/2009 – не установлено нарушения ст.1 и Протокола № 1 к Конвенции (потеря вкладов в Сбербанке).

Не установлено нарушения ст.1 Протокола № 1 к Конвенции за длительное неисполнение решения суда о предоставлении заявителю квартиры в постановлении *Вольных против России (Volnykh v. Russia) от 17/12/2009*. Поскольку решение суда было обращено не органу государственной власти, а к строительной организации Администрации города о предоставлении ему квартиры в конкретном строящемся доме, который эта компания не смогла достроить по финансовым причинам.

Исключены из списка дел Суда, поскольку заявители не отвечали Суду на его письма жалобы: *Малкин против России (Malkin v. Russia) от 08/10/2009*; *Шемилова и Шемиллов против России (Shemilova and Shemilov v. Russia) от 08/10/2009*.

Постановления по жалобам из Чеченской Республики и Республики Ингушетия

В делах: *Ягапова и Зубайраев против России (Vagarova and Zubirayev v. Russia) от 26/02/2009*; *Сагаев и другие против России (Sagayev and others v. Russia) от 26/02/2009*; *Хайдаева и другие против России (Khaydayeva and others v. Russia) от 05/02/2009*; *Джабаева против России (Dzhabayeva v. Russia) от 02/04/2009*; *Сайдалиева и другие против России (Saydalieva and others v. Russia) от 02/04/2009*; *Джабраилова против России (Dzhabrailova v. Russia) от 09/04/2009*; *Гакиев и Гакиева против России (Gakiyev and Gakiyeva v. Russia) от 23/04/2009*; *Битиева и другие против России (Bitiyeva and others v. Russia) от 23/04/2009*; *Исраилова и другие против России (Israilova and others v. Russia) от 23/04/2009*; *Алаудинова против России (Alaudinova v. Russia) от 23/04/2009*; *Турлуева и Хамидова против России (Turluyeva and Khamidova v. Russia) от 14/05/2009*; *Тайсумов и другие против России (Taysumov and others v. Russia) от 14/05/2009*; *Ненкаев и другие против России (Nenkayev and others v. Russia) от 28/05/2009*; *Басаева и другие против России (Basayeva and others v. Russia) от 28/05/2009*; *Магомадова против России (Magomadova v. Russia) от 18/06/2009*; *Хасуева против России (Khasuyeva v. Russia) от 11/06/2009*; *Халитова и другие против России (Khalitova and others v. Russia) от 11/06/2009*; *Пухигова против России (Pukhigova v.*

Russia) от 02/07/2009; Резванов и Резванова против России (Rezvanov and Rezvanova v. Russia) от 24/09/2009; Аманат Ильясова и другие против России (Amanat Ilyasova and others v. Russia) от 01/10/2009, Шахгириева и другие против России (Shakhgiriyeva and others v. Russia) от 08/01/2009; Джамаева и другие против России (Dzhamayeva and others v. Russia) от 08/01/2009; Арзу Ахмадова и другие против России (Arzu Akhmadova and others v. Russia) от 08/01/2009; Абдурзакова и Абдурзаков против России (Abdurzakova and Abdurzakov v. Russia) от 15/01/2009; Самбиев и Покаева против России (Sambiyev and Pokayeva v. Russia) от 22/01/2009; Долсаев и другие против России (Dolsayev and others v. Russia) от 22/01/2009; Идалова и Идалов против России (Idalova and Idalov v. Russia) от 05/02/2009; Аюбов против России (Ayubov v. Russia) от 12/02/2009; Бантаева и другие против России (Bantayeva and others v. Russia) от 12/02/2009; Хадаева и другие против России (Khadayeva and others v. Russia) от 12/03/2009; Джамбекова и другие против России (Dzhambekova and others v. Russia) от 12/03/2009; Элсиев и другие против России (Elsiyev and others v. Russia) от 12/03/2009; Газиева и другие против России (Gaziyeva and others v. Russia) от 09/04/2009; Доккаев и другие против России (Dokayev and others v. Russia) от 09/04/2009; Муцаева против России (Mutsayeva v. Russia) от 23/07/2009; Асадулаева и другие против России (Asadulayeva and others v. Russia) от 17/09/2009; Магомадова и другие против России (Magomadova and others v. Russia) от 17/09/2009; Сатабаева против России (Satabayeva v. Russia) от 29/10/2009; Вахаева и другие против России (Vakhayeva and others v. Russia) от 29/10/2009; Хантиева и другие против России (Khantiyeva and others v. Russia) от 29/10/2009. Европейский Суд установил нарушение статей 2, 3, 5, 13 Конвенции за гибель или исчезновение родственников заявителей, отсутствие эффективного расследования этих нарушений, отсутствие средств правовой защиты против этого.

В делах *Каримов и другие против России (Karimov and others v. Russia) от 16/07/2009; Абдулкадырова и другие против России (Abdulkadyrova and others v. Russia) от 08/01/2009; Заурбекова и Заурбекова против России (Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia) от 22/01/2009; Бабушева и другие против России (Babusheva and others v. Russia) от 24/09/2009; Устарханова против России (Ustarkhanova v. Russia) от 26/11/2009; Исмаилов и другие против России (Ismailov and others v. Russia) от 26/11/2009* помимо нарушения статей 2, 3, 5, 13 обнаружено также нарушение ст. 8 Конвенции, гарантирующей право на уважение частной и семейной жизни.

Помимо указанных нарушений статей 2, 3, 5 и 13, отказ российских властей сотрудничать с Европейским Судом стал нарушением ст. 38 Конвенции в делах: *Тайсумов и другие против России (Taysumov and others v. Russia) от 14/05/2009; Хачукаев против России (Khachukayev v. Russia) от 23/04/2009; Малсагова и другие против России (Malsagova and others v. Russia) от 09/04/2009; Докуев и другие против России (Dokuyev and others v. Russia) от 02/04/2009; Астамирова и другие против России (Astamirova and others v. Russia) от 26/02/2009; Мешаева и другие против России (Meshayeva and others v. Russia) от 12/02/2009; Хадисов и Цечоев против России (Khadisov and Tsechoyev v. Russia) от 05/02/2009; Медова против России из г. Карабулак, Республика Ингушетия (Medova v. Russia) от 15/01/2009; Тайсумов и другие против России (Taysumov and others v. Russia) от 14/05/2009; Хачукаев против России (Khachukayev v. Russia) от 23/04/2009; Шахгириева и другие против России (Shakhgiriyeva and others v. Russia) от 08/01/2009.*

В дополнение к вышеуказанным нарушениям в делах *Арзу Ахмадова и другие против России (Arzu Akhmadova and others v. Russia) от 08/01/2009; Медова против*

России из г. Карабулак, Республика Ингушетия (*Medova v. Russia*) от 15/01/2009 установлено несоответствие ст. 34 Конвенции – вмешательство властей России в право на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд.

Нарушения ст. 2 или ст. 2 в совокупности со ст. 13 Конвенции установлено в делах: *Закриеве и другие против России (Zakriyeva and others v. Russia)* от 08/01/2009; *Дангаева и Тарамова против России (Dangayeva and Taramova v. Russia)* от 08/01/2009; *Халитова против России (Khalitova v. Russia)* от 05/03/2009; *Хумайдов и Хумайдов против России (Khumaydov and Khomaydov v. Russia)* от 28/05/2009; *Юсупова и другие против России (Yusupova and others v. Russia)* от 09/07/2009 в связи с исчезновением или гибелью родственников заявителей и отсутствием эффективного расследования этих нарушений. В деле *Забиева и другие против России (Zabiyeva and others v. Russia)* от 17/09/2009 обнаружены нарушения 2, 3 и 13 статей Конвенции.

Разрушение домов заявителей в Чеченской Республике признано нарушением права собственности, гарантированного ст. 1 Протокола № 1 Конвенции в делах: *Абдулкадырова и другие против России (Abdulkadyrova and others v. Russia)* от 08/01/2009; *Каримов и другие против России (Karimov and others v. Russia)* от 16/07/2009; *Аюбов против России (Ayubov v. Russia)* от 12/02/2009; *Бабушева и другие против России (Babusheva and others v. Russia)* от 24/09/2009.

Пилотное постановление

15 января 2009 г. вынесено первое пилотное постановление в отношении России. *Бурдов против России № 2 (Burdov v. Russia)* от 15/01/2009. В порядке применения ст. 46 Конвенции Суд постановил, что государство-ответчик обязано в течение 6-ти месяцев от даты вступления в силу постановления в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции установить эффективное внутреннее средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы адекватное и полное восстановление нарушенных прав в случае неисполнения или задержек в исполнении внутренних решений суда в соответствии с принципами Конвенции, как установлено прецедентным правом Суда; что государство-ответчик обязано предоставить такое возмещение в течение одного года от даты вступления в силу постановления всем пострадавшим от неисполнения или неразумной задержки в исполнении выплат органами государственной власти долгов по решениям суда в их пользу, подавшим такие жалобы в Суд до вынесения настоящего постановления, и чьи жалобы были коммуницированы Правительству в соответствии с Правилем 54 п. 2(b) Регламента Суда; что в ожидании принятия вышеуказанных мер Суд приостанавливает на один год от даты вступления в силу постановления производство по во всем делам, касающихся только неисполнения и/или задержки в исполнении внутренних решений суда, обязывающие органы государственной власти произвести денежные платежи, что не препятствует Суду в любой момент объявить неприемлемым любое такое дело, или исключить его списка дел Суда в случае заключения мирового соглашения между сторонами или урегулирования вопроса другими средствами в соответствии со статьями 37 или 39 Конвенции. Нарушение ст. 6 п. 1, ст. 13 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за длительное неисполнение трех решений суда в пользу заявителя собесом (были присуждены российскими судами долги по ВВЗ, пени и иные выплаты ВВЗ), а также отсутствие средств правовой защиты от этих задержек.

В 2010 году Европейский суд вынес 217 постановлений по жалобам заявителей в отношении Российской Федерации.

12 постановлений вынесено в пользу государства, поскольку не установлено нарушений Конвенции.

По жалобам о насильственных исчезновениях и гибели людей на территории Республики Ингушетия и Чеченской Республики Европейский Суд вынес 40 постановлений в 2010 году. В настоящем обзоре так называемые «чеченские» дела рассмотрены в отдельной группе.

За 2010 год Европейский Суд обязал Россию выплатить 7 459 145 евро в счет компенсации морального вреда; 1 315 645 евро – в счет возмещения материального ущерба; а также 299 210,61 евро и 3 900 фунтов стерлингов – за судебные издержки.

Ниже рассмотрены статьи Европейской Конвенции, нарушения которых обнаружены в постановлениях по жалобам в отношении России.

Статья 2 (Право на жизнь)

Нарушение ст. 2 Конвенции установлено Судом в деле *Корогодина против России (Korogodina v. Russia)* от 30/09/2010 за не проведение властями эффективного расследования по поводу смерти ее 42-летнего сына в результате врачебной ошибки (халатности).

Право на жизнь было нарушено в нескольких делах от жителей Чеченской Республики, которые рассмотрены ниже.

Статья 3 (Свобода от пыток)

Нарушения ст. 3 Конвенции были обнаружены в следующих делах за жестокое обращение при задержании и содержании под стражей и отсутствие эффективного расследования за эти нарушения: *Максимов против России (Maksimov v. Russia)* от 18/03/2010; *Слюсарев против России (Slyusarev v. Russia)* от 20/04/2010, *Шерстобитов против России (Sherstobitov v. Russia)* от 10/06/2010; *Лопата против России (Lopata v. Russia)* от 13/07/2010; *Никифоров против России (Nikiforov v. Russia)* от 01/07/2010; *Копылов против России (Kopylov v. Russia)* от 29/07/2010; *Дмитрачков против России (Dmitrachkov v. Russia)* от 16/09/2010; *Айранетян против России (Ayrapetyan v. Russia)* от 16/09/2010; *Садыков против России (Sadykov v. Russia)* от 07/10/2010; *Георгий Быков против России (Georgiy Bykov v. Russia)* от 14/10/2010; *Белобородов против России (Beloborodov v. Russia)* от 21/10/2010; *Рудаков против России (Rudakov v. Russia)* от 28/10/2010; *Александр Соколов против России (Aleksandr Sokolov v. Russia)* от 04/11/2010; *Иван Кузьмин против России (Ivan Kuzmin v. Russia)* от 25/11/2010; *Кузьменко против России (Kuzmenko v. Russia)* от 21/12/2010.

Жестокое обращение с заявителями, не проведение расследования властями в связи с этим и плохие условия содержания под стражей признаны нарушением ст. 3 Конвенции в постановлениях: *Гултаева против России (Gultyayeva v. Russia)* от 01/04/2010; *Артемьев против России (Artyomov v. Russia)* от 27/05/2010; *Эльдар Иманов и Аждар Иманов против России (Eldar Imanov and Azhdar Imanov v. Russia)* от 16/12/2010.

Неоказание адекватной медицинской помощи гражданам находящимся под стражей признано нарушением ст. 3 в делах: *Москалюк против России (Moskalyuk v. Russia)* от 14/01/2010 (туберкулез); *Ахметов против России (Akhmetov v. Russia)* от 01/04/2010 (редкая опухоль); *А.В. против России (A.V. v. Russia)* от 14/10/2010 (ВИЧ); *Захаркин против России (Zakharkin v. Russia)* от 10/06/2010 (ревматоидный артрит);

Ромохов против России (Romokhov v. Russia) от 16/12/2010; Кожокарь против России (Kozhokar v. Russia) от 16/12/2010; Гладкий против России (Gladkiy v. Russia) от 21/12/2010.

Плохие условия содержания под стражей также стали причиной нарушения ст. 3 в делах: *Мельников против России (Melnikov v. Russia) от 14/01/2010; Салахутдинов против России (Salakhutdinov v. Russia) от 11/02/2010; Кузьмин против России (Kouzmin v. Russia) от 18/03/2010; Лутухин против России (Lutikhin v. Russia) от 08/04/2010; Горощенко против России (Goroshchenya v. Russia) от 22/04/2010; Христофоров против России (Khristoforov v. Russia) от 29/04/2010; Владимир Козлов против России (Vladimir Kozlov v. Russia) от 20/05/2010; Захаркин против России (Zakharkin v. Russia) от 10/06/2010; Мухутдинов против России (Mukhutdinov v. Russia) от 10/06/2010; Губин против России (Gubin v. Russia) от 17/06/2010; Щербачев против России (Shcherbakov v. Russia) от 17/06/2010; Овчинников против России (Ovchinnikov v. Russia) от 17/06/2010; Велиев против России (Veliyev v. Russia) от 24/06/2010; Недайборщ против России (Nedayborshch v. Russia) от 01/07/2010; Александр Матвеев против России (Aleksandr Matveyev v. Russia) от 08/07/2010; Владимир Кривоносов против России (Vladimir Krivonosov v. Russia) от 15/07/2010; Данилин против России (Danilin v. Russia) от 16/09/2010; Александр Леонидович Иванов против России (Aleksandr Leonidovich Ivanov v. Russia) от 23/09/2010; Скачков против России (Skachkov v. Russia) от 07/10/2010; Волчков против России (Volchkov v. Russia) от 14/10/2010; Арефьев против России (Arfeyev v. Russia) от 04/11/2010, Роман Карасев против России (Roman Karasev v. Russia) от 25/11/2010; Светлана Казьмина против России (Svetlana Kazmina v. Russia) от 02/12/2010; Ковалева против России (Kovaleva v. Russia) от 02/12/2010; Трешакин против России (Treshashkin v. Russia) (№ 2) от 16/12/2010; Ромохов против России (Romokhov v. Russia) от 16/12/2010; Кожокарь против России (Kozhokar v. Russia) от 16/12/2010; Гладкий против России (Gladkiy v. Russia) от 21/12/2010.*

Суд посчитал, что высылка граждан в другую страну приведет к нарушению ст. 3 в следующих делах: *Клейн против России (Klein v. Russia) от 01/04/2010; Ходжаев против России (Khodzhayev v. Russia) от 12/05/2010; Косицын против России (Kositsyn v. Russia) от 12/05/2010; Хайдаров против России (Khaydarov v. Russia) от 20/05/2010; Колесник против России (Kolesnik v. Russia) от 17/06/2010; Абдулажон Исаков против России (Abdulazhon Isakov v. Russia) от 08/07/2010; Юлдашев против России (Yuldashev v. Russia) от 08/07/2010; Каримов против России (Karimov v. Russia) от 29/07/2010; Кононцев против России (Konontsev v. Russia) от 29/07/2010. Депортация граждан также признана нарушением ст. 3 в делах: *Искандаров против России (Iskandarov v. Russia) от 23/09/2010; Гафоров против России (Gaforov v. Russia) от 21/10/2010; Султанов против России (Sultanov v. Russia) от 04/11/2010; Муминов против России (Muminov v. Russia) от 04/11/2010.**

Статья 4 (Запрещение рабства и принудительного труда)

Нарушение ст. 4 Конвенции Европейский Суд обнаруживает крайне редко. Дело *Ранцев против Кипра и России (Rantsev v. Cyprus and Russia) от 07/01/2010* является первым постановлением в отношении России по запрещению рабства и принудительного труда. Суд установил нарушение со стороны России ст. 4 Конвенции за ненадлежащее расследование властями России по вопросу торговли людьми. Кроме того, Суд установил и нарушение со стороны Кипра ст. 2 Конвенции за ненадлежащее расследование обстоятельства гибели дочери заявителя, ст. 4 Конвенции за не предоставление

со стороны властей Кипра эффективной защиты от торговли и эксплуатации людьми в целом и непринятие конкретных мер для ее защиты и ст. 5 Конвенции.

Статья 5 (Право на свободу и личную неприкосновенность)

Незаконное содержание под стражей признано Судом нарушением п. 1 ст. 5 в делах: *Сабиров против России (Sabirov v. Russia) от 11/02/2010*, *Галеев против России (Galeyev v. Russia) от 03/06/2010*; *Петр Пономарев против России (Petr Ponomarev v. Russia) от 10/06/2010*; *Шапошников против России (Shaposhnikov v. Russia) от 29/07/2010*; *А.В. против России (A.V. v. Russia) от 14/10/2010*; *Иван Кузьмин против России (Ivan Kuzmin v. Russia) от 25/11/2010*.

Интересно постановление *Бик против России (Bik v. Russia) от 22/04/2010*, в котором нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции Европейский Суд установил за то, что психиатрическая больница обратилась в суд за разрешением о продлении срока лечения заявителя с задержкой установленного законом срока на два дня. При этом Европейский Суд отверг довод российских властей о допустимости подобных действий, что якобы эти два дня задержки были выходными днями, и указал, что когда стоит вопрос о свободе гражданина, государство обязано обеспечить, чтобы суды этого государства были доступны даже в выходные дни, чтобы гарантировать то, что неотложные и срочные вопросы будут рассмотрены безотлагательно и в полном соответствии с предписанной законом процедурой.

Неразумный срок следствия и судебного разбирательства признан Судом несоответствующим п. 1 и п. 3 ст. 5 Конвенции в делах: *Шерстобитов против России (Sherstobitov v. Russia) от 10/06/2010*; *Логвиненко против России (Logvinenko v. Russia) от 17/06/2010*; *Половинкин против России (Polovinkin v. Russia) от 25/11/2010*. При этом в постановлении *Самошенков и Строков против России (Samoshenkov and Strokov v. Russia) от 22/07/2010* Суд обнаружил нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в отношении Строчкова за незаконное содержание под стражей и п. 1 и 3(с) Конвенции в отношении Самсоненкова за неразумный срок уголовного следствия.

Неразумный срок содержания под стражей признан нарушением п. 3 ст. 5 Конвенции в делах: *Сычев против России (Sychev v. Russia) от 23/02/2010*; *Горошченя против России (Goroshchenya v. Russia) от 22/04/2010*; *Юрий Яковлев против России (Yuriy Yakovlev v. Russia) от 29/04/2010*; *Шеноев против России (Shenoyev v. Russia) от 10/06/2010*.

В делах *Владимир Кривоносов против России (Vladimir Krivonosov v. Russia) от 15/07/2010*; *Светлана Казьмина против России (Svetlana Kazmina v. Russia) от 02/12/2010*; *Ковалева против России (Kovaleva v. Russia) от 02/12/2010* Суд установил нарушение п. 3 и п. 4 ст. 5 Конвенции за неразумный срок содержания под стражей и длительное следствие.

Нарушение п.п.1(с), 3 и 4 ст.5 Конвенции за длительное и незаконное нахождение под стражей Суд установил в постановлениях: *Савенкова против России (Savenkova v. Russia) от 04/03/2010*, *Велиев против России (Veliyev v. Russia) от 24/06/2010*.

Незаконная экстрадиция и депортация были признаны нарушением п. 1 и п. 4 ст. 5 Конвенции в делах: *Ходжаев против России (Khodzhayev v. Russia) от 12/05/2010*, *Хайдаров против России (Khaydarov v. Russia) от 20/05/2010*; *Колесник против России (Kolesnik v. Russia) от 17/06/2010*; *Абдулажон Исаков против России (Abdulazhon Isakov v. Russia) от 08/07/2010*; *Юлдашев против России (Yuldashev v. Russia) от 08/07/2010*; *Каримов против России (Karimov v. Russia) от 29/07/2010*; *Кононцев против России (Konontsev v. Russia) от 29/07/2010*; *Гафоров против России (Gafarov v.*

Russia) от 21/10/2010; *Султанов против России (Sultanov v. Russia)* от 04/11/2010; *Муминов против России (Muminov v. Russia)* от 04/11/2010.

Постановлениями *Губин против России (Gubin v. Russia)* от 17/06/2010; *Медведев против России (Medvedev v. Russia)* от 15/07/2010; *Трепашкин против России (Trepashkin v. Russia (№ 2))* от 16/12/2010 Суд установил нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции за рассмотрение жалоб на определение суда о содержании под стражей в отсутствие адвоката и за неразумный срок рассмотрения этих жалоб.

В постановлении *Шуленков против России (Shulenkov v. Russia)* от 17/06/2010 Суд установил нарушение п. 1 ст. 5 и два нарушения п. 4 ст. 5 Конвенции за незаконное содержание под стражей и за то, что его жалобы по этому вопросу не были надлежащим образом рассмотрены.

В постановлении *Борис Попов против России (Boris Popov v. Russia)* от 28/10/2010 Суд установил нарушение п. 1 ст. 5 и п. 5 Конвенции за незаконное содержание под стражей, отсутствие компенсации за это.

Статья 6 (Право на справедливое судебное разбирательство)

Процедура судебного надзора вновь была признана нарушением ст. 6 в гражданских делах: *Анатолий Тарасов против России (Anatoliy Tarasov v. Russia)* от 18/02/2010; *Николай Зайцев против России (Nikolay Zaytsev v. Russia)* от 18/02/2010; *Коровина против России (Korovina v. Russia)* от 25/02/2010; *Мордачев против России (Mordachev v. Russia)* от 25/02/2010; *Гуляев против России (Gulyayev v. Russia)* от 12/05/2010; *Гарагуля против России (Garagulya v. Russia)* от 20/05/2010.

Длительное неисполнение решений национальных судов Европейский Суд признал нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в постановлениях: *Рыбакова и другие против России (Rybakova and others v. Russia)* от 04/03/2010; *Саликова против России (Salikova v. Russia)* от 15/07/2010; *Николай Матвеев против России (Nikolay Matveyev v. Russia)* от 25/11/2010.

В делах: *Каянкин против России (Kayankin v. Russia)* от 11/02/2010; *Куприны против России (Kupriny v. Russia)* от 25/02/2010; *Баранцева против России (Barantseva v. Russia)* от 04/03/2010; *Лелик против России (Lelik v. Russia)* от 03/06/2010; *Свидетели Иеговы Москвы против России (Jehovan's Witnesses of Moscow v. Russia)* от 10/06/2010; *Утюжникова против России (Utyuzhnikova v. Russia)* от 07/10/2010; *Ахматова против России (Akhmatova v. Russia)* от 21/10/2010; *Севостьянова против России (Sevostyanova v. Russia)* от 21/10/2010; *Джигарханов против России (Dzhigarkhanov v. Russia)* от 21/10/2010; *Георгий Николаевич Михайлов против России (Georgiy Nikolayevich Mikhaylov v. Russia)* от 01/04/2010 Суд признал, что неразумный срок судебного разбирательства по гражданским делам заявителей является нарушением ст. 6 Конвенции.

В делах: *Самошенко и Строчков против России (Samoshenkov and Strokov v. Russia)* от 22/07/2010; *Владимир Кривоносов против России (Vladimir Krivonosov v. Russia)* от 15/07/2010; *Горошченя против России (Goroshchenya v. Russia)* от 22/04/2010; *Тугаринов против России (Tugarinov v. Russia)* от 29/04/2010; *Конашевская и другие против России (Konashevskaya and others v. Russia)* от 03/06/2010; *Шеноев против России (Shenoyev v. Russia)* от 10/06/2010; *Велиев против России (Veliyev v. Russia)* от 24/06/2010; *Иван Кузьмин против России (Ivan Kuzmin v. Russia)* от 25/11/2010; *Казюлин против России (Kazyulin v. Russia)* от 25/02/2010; *Ковалева против России (Kovaleva v. Russia)* от 02/12/2010; *Светлана Казьмина против России (Svetlana Kazmina v. Russia)* от 02/12/2010; *Давыдов против России (Davydov v. Russia)*

от 25/11/2010; *Карасев против России (Karasev v. Russia) от 21/10/2010*; *Половинкин против России (Polovinkin v. Russia) от 25/11/2010*; *Поломошнов против России (Polomoshnov v. Russia) от 21/10/2010*; *Андрей Исаев против России (Andrey Isayev v. Russia) от 23/09/2010* неразумный срок уголовного следствия или рассмотрения уголовного дела в суде признан не соответствующим п. 1 ст. 6 Конвенции.

Отсутствие адвоката на разных стадиях уголовного дела признано нарушением п.п. 1 и 3 (с) ст. 6 в делах *Александр Зайченко против России (Aleksandr Zaichenko v. Russia) от 18/02/2010*; *Лопата против России (Lopata v. Russia) от 13/07/2010*; *Сахновский против России (Sakhnovskiy v. Russia) от 02/11/2010*; *Павленко против России (Pavlenko v. Russia) от 01/04/2010*; *Синичкин против России (Sinichkin v. Russia) от 08/04/2010*; *Сабиров против России (Sabirov v. Russia) от 11/02/2010*; *Шугаев против России (Shugayev v. Russia) от 14/01/2010*.

В деле *Шаркунов и Мезенцев против России (Sharkunov and Mezentsev v. Russia) от 10/06/2010* Европейский Суд установил нарушение п. 1 и п. 3 ст. 6 Конвенции в отношении второго заявителя за несправедливое судебное разбирательство по его уголовному делу.

Невозможность допросить подельника по делу в суде признана нарушением ст. 6 §§ 1 и 3 (d) Конвенции в деле *Мельников против России (Melnikov v. Russia) от 14/01/2010*.

Несоответствие п. 1 ст. 6 и п. 2 Конвенции установлено в деле *Мохов против России (Mokhov v. Russia) от 04/03/2010* за нарушение презумпции невиновности, поскольку до его осуждения официальное должностное лицо (прокурор) по телевизору заявило о его виновности, и что его жалоба по этому вопросу в суде первой и кассационной инстанции была рассмотрена в его отсутствие. Аналогичное нарушение обнаружено в деле *Кузьмин против России (Kouzmin v. Russia) от 18/03/2010* в связи с тем, что бывший губернатор Красноярского края А.Лебедь задолго до вынесения ему обвинительного приговора по телевидению заявил о виновности заявителя.

Нарушение ст. 6 Конвенции за участие в суде кассационной инстанции прокурора, ввиду чего заявитель не мог представить свои возражения на доводы прокурора, установлено в деле *Королев против России (№ 2) Korolev v. Russia (№ 2) от 01/04/2010*.

Неуведомление заявителя о протесте прокурора и судебном заседании в ВС РФ признано нарушением ст. 6 Конвенции *Сабаяев против России (Sabayev v. Russia) от 08/04/2010*.

Отсутствие прокурора в судебном разбирательстве по уголовному делу заявителя признано нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Озеров против России (Ozerov v. Russia) от 18/05/2010*.

Нарушение судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела заявителя процессуальных норм признано противоречащим п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Севастьянов против России (Sevastyanov v. Russia) от 22/04/2010*.

В делах *Ларин против России (Larin v. Russia) от 20/05/2010* и *Роман Карасев против России (Roman Karasev v. Russia) от 25/11/2010* нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции установлено за то, что пока заявители сидели под стражей (в это время к ним был предъявлен гражданский иск) судебное разбирательство по гражданскому иску против них было проведено в их отсутствие и без предоставления юридической помощи.

Нарушение ст. 6 Конвенции в связи с невозможностью личного участия заявителя в суде надзорной инстанции по его уголовному делу и невозможность его личного участия в гражданском процессе по иску потерпевших по его преступлению установлены в деле *Мухутдинов против России (Mukhutdinov v. Russia) от 10/06/2010*.

Проведение кассационного слушания по уголовному делу заявителя в его отсутствие признано нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Сергей Тимофеев против России (Sergey Timofeyev v. Russia) от 02/09/2010*.

Отказ московских судов рассмотреть по существу иск заявителя к Минфину РФ в связи с односторонним снижением Сбербанком процентной ставки по его вкладу стал нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Черничкин против России (Chernichkin v. Russia) от 16/09/2010*.

Проведение закрытого судебного разбирательства по уголовному делу заявителя на основании ходатайства в суд главы ОБОП регионального УВД ввиду того, что у него (ОБОП) якобы имелась информация о решении лидеров удмуртской организованной преступности убить одного из подсудимых за данные им показания, признано нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции в деле *Крестовский против России (Krestovskiy v. Russia) от 28/10/2010*.

В деле *Артемьев против России (Artyomov v. Russia) от 27/05/2010* установлено нарушение принципа равенства сторон (ст. 6 Конвенции) в суде при рассмотрении гражданских исков заявителя относительно условий его содержания под стражей и избиения в колонии.

Статья 8 (Право на уважение частной и семейной жизни)

Постановление *Закаев и Сафанова против России (Zakayev and Safanova v. Russia) от 11/02/2010* вынесено Судом за нарушение ст. 8 Конвенции в связи с депортацией первого заявителя в Казахстан, поскольку тем самым он был лишен возможности совместного проживания со своей семьей (женой и 4-мя несовершеннолетними детьми).

В делах *Анатолий Тарасов против России (Anatoliy Tarasov v. Russia) от 18/02/2010* и *Борис Попов против России (Boris Popov v. Russia) от 28/10/2010* перлюстрация (проверка) почты заявителей тюремными властями стала нарушением ст. 8 Конвенции.

В постановлении *Хуцаев и другие против России (Khutsayev and others v. Russia) от 27/05/2010* нарушение ст. 8 Конвенции установлено в связи с проведением незаконного обыска в доме заявителей.

Статья 9 (Свобода мысли, совести и религии)

В деле *Свидетели Иеговы Москвы против России (Jehovan's Witnesses of Moscow v. Russia) от 10/06/2010* запрет деятельности религиозной организации признан Судом нарушением ст. 9 Конвенции.

Статья 10 (Право на выражение собственного мнения)

Нарушение ст. 10 Конвенции в связи с тем, что российский суд наказал журналиста за критическую статью о депутате Государственной Думы В.Шандыбине и о начальнике образования Брянской области И.А. Геращенко, установлено Европейским Судом в постановлениях *Федченко против России (Fedchenko v. Russia) от 11/02/2010* и *Федченко против России № 2 (Fedchenko v. Russia № 2) от 11/02/2010*.

Возбуждение уголовного дела против заявителя только за то, что он пожаловался на судью в Генпрокуратуру и квалификационную коллегия судей, стало нарушением ст. 10 Конвенции в деле *Безумяннуй против России (Bezutyannuy v. Russia) от 08/04/2010*.

В постановлении *Андрушко против России (Andrushko v. Russia) от 14/10/2010* установлено нарушение ст. 10 Конвенции за публикацию материалов во время предвыборной кампании, которые не понравились властям.

Изъятие из продажи тиража газеты, содержащей статью заявителя по распоряжению главного редактора газеты, назначенного властями и владеющего активами газеты, стало нарушением ст. 10 Конвенции в деле *Салиев против России (Saliyev v. Russia) от 21/10/2010*.

Дело «Новая газета» в Воронеже против России (*Novaya gazeta v. Voronizhe v. Russia) от 21/12/2010* содержит нарушение ст. 10 Конвенции за зажим критики по поводу статьи против мэра города.

Статья 11 (Свобода собраний и объединений)

В деле *Свидетели Иеговы Москвы против России (Jehovan's Witnesses of Moscow v. Russia) от 10/06/2010* запрет деятельности религиозной организации признан Судом нарушением ст. 11 Конвенции.

Постоянные отказы властей Москвы проводить в Москве гей-парады признаны Судом нарушением ст. 11 Конвенции в деле *Алексеев против России (Alekseyev v. Russia) от 21/10/2010*.

Статья 13 (Право на эффективное средство правовой защиты)

Отсутствие эффективных средств правовой защиты против чрезмерной длительности рассмотрения дела в первом случае и задержек с исполнением решений судов в остальных признано нарушением ст. 13 Конвенции в делах *Куприны против России (Kupriny v. Russia) от 25/02/2010*; *Грибаненков против России (Gribanenkov v. Russia) от 18/02/2010*; *Бутенко и другие против России (Butenko and others v. Russia) от 20/05/2010*; *Никитина против России (Nikitina v. Russia) от 15/07/2010*; *Саликова против России (Salikova v. Russia) от 15/07/2010*; *Грибаненков против России (Gribanenkov v. Russia) от 18/02/2010*.

В постановлениях *Казюлин против России (Kazyulin v. Russia) от 25/02/2010* и *Тугаринов против России (Tugarinov v. Russia) от 29/04/2010* нарушение ст. 13 Конвенции установлено в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты против неразумного срока уголовного расследования дел в отношении заявителей.

Нарушение ст. 13 Конвенции в делах *Павленко против России (Pavlenko v. Russia) от 01/04/2010*; *Владимир Кривоносов против России (Vladimir Krivonosov v. Russia) от 15/07/2010*; *Волчков против России (Volchkov v. Russia) от 14/10/2010*; *Кожокар против России (Kozhokar v. Russia) от 16/12/2010*; *Артемьев против России (Artyomov v. Russia) от 27/05/2010*; *Губин против России (Gubin v. Russia) от 17/06/2010*; *Роман Карасев против России (Roman Karasev v. Russia) от 25/11/2010* обнаружено в связи с невозможностью обжалования плохих условий содержания под стражей.

В делах *Абдулажон Исаков против России (Abdulazhon Isakov v. Russia) от 08/07/2010*; *Юлдашев против России (Yuldashev v. Russia) от 08/07/2010*; *Каримов против России (Karimov v. Russia) от 29/07/2010*; *Кононцев против России (Konontsev v. Russia) от 29/07/2010*; *Муминов против России (Muminov v. Russia) от 04/11/2010* невозможность эффективно обжаловать незаконное заключение с целью экстрадиции признано нарушением ст. 13 Конвенции.

Суд отметил, что в деле *Алексеев против России (Alekseyev v. Russia) от 21/10/2010* необходимых юридических правил, которые бы обязывали власти принять решение о проведении шествий до даты, на которую они были запланированы, не было. Таким образом, в данном случае не было эффективного средства правовой защиты, которое позволило бы г-ну Алексееву получить адекватное удовлетворение его жалоб, следовательно имело место нарушение ст. 13.

Статья 14 (Запрещение дискриминации)

Нарушение ст. 14 Конвенции за постоянные отказы властей Москвы проводить в Москве гей-парады установлено в деле *Алексеев против России (Alekseyev v. Russia) от 21/10/2010*. Суд отметил, что основной причиной запрета гей-шествий было неодобрение властей публичных мероприятий, которые, по их мнению, способствовали распространению «гомосексуализма». В частности, Суд не может игнорировать твердую личную убежденность, которую публично выразил мэр Москвы, и неоспоримую связь между этими заявлениями и запретами. Следовательно, Суд установил, что поскольку правительство не реализовало возможность оспаривания запрета теми методами, которые соответствуют требованиям Конвенции, г-н Алексеев пострадал от дискриминации из-за его сексуальной ориентации.

В постановлении *Константин Маркин против России (Konstantin Markin v. Russia) от 07/10/2010* нарушение ст. 14 Конвенции во взаимосвязи со ст. 8 установлено в связи с не предоставлением отпуска по уходу за ребенком заявителю как действующему военнослужащему (мужчине), в то время как военнослужащим-женщинам такой отпуск предоставляется. Особое мнение высказал судья от России А.Ковлер.

Статья 34 (Вмешательство в право на подачу индивидуальной жалобы)

Воспрепятствование заявителям тюремными властями вести переписку с Судом путем оказания давления на заявителя или вскрытия его корреспонденции признано Судом нарушением ст. 34 Конвенции в делах: *Лопата против России (Lopata v. Russia) от 13/07/2010*; *Шугаев против России (Shugayev v. Russia) от 14/01/2010*; *Севастьянов против России (Sevastyanov v. Russia) от 22/04/2010*.

В деле *Захаркин против России (Zakharkin v. Russia) от 10/06/2010* нарушение ст. 34 Конвенции обнаружено в связи с тем, что его адвоката по делу в Европейском Суде не допускали к нему в СИЗО.

Неисполнение Россией решения Европейского Суда о промежуточных мерах – приостановить депортацию заявителя до рассмотрения дела Судом – признано нарушением ст. 34 Конвенции *Камалиевы против России (Kamaliyevy v. Russia) от 03/06/2010*.

Статья 38 (Процедура рассмотрение дела с участием заинтересованных сторон)

Отказ властей России сотрудничать с Европейским Судом по делам, находящимся в рассмотрении Суда, признан нарушением п. 1 ст. 38 Конвенции в делах: *Садыков против России (Sadykov v. Russia) от 07/10/2010*; *Айрапетян против России (Ayrapetyan v. Russia) от 16/09/2010*; *Сасита Исраилова и другие против России (Sasita Israilova and others v. Russia) от 28/10/2010*.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (Право собственности)

Нарушение ст. 1 Протокола № 1 *Котов против России (Kotov v. Russia) от 14/01/2010* установлено Судом в связи с тем, что при банкротстве банка ликвидационная комиссия, несмотря на то, что заявитель по российскому законодательству был кредитором первой очереди, отдала деньги в первую очередь другим категориям граждан.

В постановлениях: *СПК Димский против России (SPK Dimskiy v. Russia) от 18/03/2010*; *Тронин против России (Tronin v. Russia) от 18/03/2010*; *Мальши и другие против России (Malysh and others v. Russia) от 11/02/2010* Судом обнаружено нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции за неустановление российским правительством порядка погашения чеков «Урожай-90» и невозможность в связи с этим их реализовать.

Разрушение дома заявительницы в Республике Дагестан признано нарушением права собственности в деле *Абдурашидова против России (Abdurashitova v. Russia) от 08/04/2010*.

Отказ российских судов удовлетворить иски заявительниц о материальном ущербе, который они понесли в связи с уголовным делом их мужа (отца) – г-на Моисеева, признан Судом нарушением ст. 1 Протокола № 1 Конвенции в деле *Денисова и Моисеева против России (Denisova and Moiseyeva v. Russia) от 01/04/2010*.

В деле *Юрий Лобанов против России (Yuriy Lobanov v. Russia) от 02/12/2010* Суд обнаружил нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции за то, что российские власти путем наложения последовательных ограничений на применение законодательных и нормативных норм, устанавливающих основания для права заявителя на выкуп облигаций 1982 г. и путем отказа на протяжении многих лет установить на практике порядок осуществления этого права, поставили заявителя в состояние неопределенности, которое само по себе было несовместимо с обязательством, вытекающим из ст. 1 Протокола № 1, – обеспечить беспрепятственное пользование своей собственностью, в частности, в обязанности действовать своевременно и в соответствующей и последовательной манере там, где на карту поставлен вопрос, представляющих общий интерес.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции в совокупности со статьей 6 Конвенции

Длительное рассмотрение и длительное неисполнение решений судов признано нарушением ст. 1 Протокола № 1 и ст. 6 Конвенции в деле *Грибаненков против России (Gribanenkov v. Russia) от 18/02/2010*.

Длительное неисполнение решений российских судов установлено в делах: *Никитина против России (Nikitina v. Russia) от 15/07/2010; Маргушин против России (Margushin v. Russia) от 01/04/2010; Булычевы против России (Bulychevy v. Russia) от 08/04/2010; Ершова против России (Yershova v. Russia) от 08/04/2010; Сметанко против России (Smetanko v. Russia) от 29/04/2010; Привалихин против России (Privalikhin v. Russia) от 12/05/2010; Елдашев против России (Yeldashev v. Russia) от 12/05/2010; Галина Кузнецова против России (Galina Kuznetsova v. Russia) от 29/07/2010; Кравченко и другие (жилье военнослужащим) против России (Kravchenko and others (military housing) v. Russia) от 16/09/2010; Матвеев и другие против России (Matveyev and others v. Russia) от 30/09/2010; Ромохов против России (Romokhov v. Russia) от 16/12/2010; Бутенко и другие против России (Butenko and others v. Russia) от 20/05/2010; Аббасов против России (Abbasov v. Russia) от 18/02/2010.*

Длительное неисполнение решений российских судов с последующей отменой обнаружено в делах: *Казакевич и 9 других дел «военных пенсионеров» против России (Kazakevich and 9 other «army pensioners» cases v. Russia) от 14/01/2010; Сизинцева и другие против России (Sizintseva and others v. Russia) от 08/04/2010; Стрельцов и другие «Новочеркасские военные пенсионеры» против России (Streltsov and other «Novocherkassk military pensioners» v. Russia) от 29/07/2010.*

Отмена в порядке надзора решения, вступившего в законную силу, признана нарушением в делах: *Абдуллаев против России (Abdullayev v. Russia) от 11/02/2010; Таянко против России (Tayancko v. Russia) от 02/09/2010; Пугач и другие против России (Pugach and others v. Russia) от 04/11/2010; Залевская против России (Zalevskaya v. Russia) от 11/02/2010; Вотинцева против России (Votintseva v. Russia) от 11/02/2010; Кучеров и Фролова против России (Kucherov and Frolova v. Russia) от 11/02/2010; Андреев против России (Andreyev v. Russia) от 04/03/2010; Панасенко против Рос-*

сии (*Panasenko v. Russia*) от 01/04/2010; Царева против России (*Tsareva v. Russia*) от 01/04/2010; Коненкова и другие «пенсионеры-льготники» против России (*Konenkova and other «Privileged pensioners» v. Russia*) от 23/09/2010; Тыртова и другие «пенсионеры-льготники» против России (*Tyrtova and other «Privileged pensioners» v. Russia*) от 23/09/2010; Попова и другие «пенсионеры-льготники» против России (*Popova and other «Privileged pensioners» v. Russia*) от 23/09/2010; Колоскова против России (*Koloskova v. Russia*) от 21/10/2010; Заведеева и другие «пенсионеры-льготники» против России (*Zavedeyeva and other «privileged pensioners» v. Russia*) от 21/10/2010; Ленченков и другие против России (*Lenchenkov and others v. Russia*) от 21/10/2010; Эйдельман и другие «пенсионеры-эмигранты» против России (*Eydelman and other «emigrant pensioners» v. Russia*) от 04/11/2010.

Постановления по жалобам из Чеченской Республики и Республики Ингушетия

В делах *Ирисханова и Ирисханов против России* (*Iriskhanova and Iriskhanov v. Russia*) от 18/02/2010; *Алиева против России* (*Aliyeva v. Russia*) от 18/02/2010; *Муцолгова и другие против России* (*Mutsolgovva and others v. Russia*) от 01/04/2010; *Садулаева против России* (*Sadulayeva v. Russia*) от 08/04/2010; *Абаева и другие против России* (*Abayeva and others v. Russia*) от 08/04/2010; *Тасатаевы против России* (*Tasatayevy v. Russia*) от 08/04/2010; *Мудаевы против России* (*Mudayevy v. Russia*) от 08/04/2010; *Сериевы против России* (*Seriyevy v. Russia*) от 08/04/2010; *Умалатов и другие против России* (*Umalatov and others v. Russia*) от 08/04/2010; *Мутаева против России* (*Mutayeva v. Russia*) от 22/04/2010; *Тунчиева против России* (*Tupchiyeva v. Russia*) от 22/04/2010; *Хатуева против России* (*Khatuyeva v. Russia*) от 22/04/2010; *Шахабова против России* (*Shakhabova v. Russia*) от 12/05/2010; *Джабраиловы против России* (*Dzhabrailovy v. Russia*) от 20/05/2010; *Алапаевы против России* (*Alapayevy v. Russia*) от 03/06/2010; *Ильясова против России* (*Ilyasova v. Russia*) от 10/06/2010; *Вакаева и другие против России* (*Vakayeva and others v. Russia*) от 10/06/2010; *Батаев и другие против России* (*Batayev and others v. Russia*) от 17/06/2010; *Гелаевы против России* (*Gelayevy v. Russia*) от 15/07/2010; *Бенуева и другие против России* (*Benuyeva and others v. Russia*) от 22/07/2010; *Ахматовы против России* (*Akhmatovy v. Russia*) от 22/07/2010; *Мержуева и другие против России* (*Merzhuyeva and others v. Russia*) от 07/10/2010; *Джабраилова и Джабраилова против России* (*Dzhabrailova and Dzhabrailova v. Russia*) от 02/12/2010; *Тумаева и другие против России* (*Tumayeva and others v. Russia*) от 16/12/2010; *Таймусхановы против России* (*Taymuskhanovy v. Russia*) от 16/12/2010; *Малика Джамаева и другие против России* (*Malika Dzhamayeva and others v. Russia*) от 21/12/2010; *Гулуева и другие против России* (*Guluyeva and others v. Russia*) от 11/02/2010; *Дубаев и Берснукеева против России* (*Dubayev and Bersnukayeva v. Russia*) от 11/02/2010; *Сасита Исраилова и другие против России* (*Sasita Israilova and others v. Russia*) от 28/10/2010; *Хуцаев и другие против России* (*Khutsayev and others v. Russia*) от 27/05/2010; *Абдурашидова против России* (*Abdurashitova v. Russia*) от 08/04/2010 Европейский Суд установил нарушение статей 2, 3, 5, 13 Конвенции за гибель или исчезновение родственников заявителей, отсутствие эффективного расследования этих нарушений, отсутствие средств правовой защиты против этого.

Нарушения ст. 2 или ст. 2 в совокупности со ст. 13 Конвенции установлено в делах: *Товсултанова против России* (*Tovsultanova v. Russia*) от 17/06/2010; *Удаева и Юсупова против России* (*Udayeva and Yusupova v. Russia*) от 21/12/2010; *Сулейманова против России* (*Suleymanova v. Russia*) от 12/05/2010; *Амуева и другие против России* (*Amuyeva and others v. Russia*) от 25/11/2010; *Абуева и другие против России* (*Abuyeva*

and others v. Russia) от 02/12/2010 в связи с исчезновением или гибелью родственников заявителей и отсутствием эффективного расследования этих нарушений.

В постановлении *Садыков против России (Sadykov v. Russia)* от 07/10/2010 установлено нарушение статей 3, 13, 38 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции за жестокое обращение с ним при его задержании, кражи его автомобилей, отсутствие эффективного расследования за эти нарушения, а также за отказ властей России сотрудничать с Европейским Судом.

Не установлено нарушений Конвенции

В 11-ти случаях Суд не обнаружил нарушений Конвенции и вынес постановления в пользу России. Так, в деле *Пахомов против России (Pakhomov v. Russia)* от 30/09/2010 Суд не установил нарушения ст. 3 Конвенции за предполагаемое неадекватное оказание мед. помощи (болен туберкулезом) во время нахождения его в заключении. Ст. 3 не была нарушена и в деле *Марьин против России (Maryin v. Russia)* от 21/10/2010 на жалобы об избиении его 30.07.2005 г. тюремными надзирателями и на неэффективное расследование данного нарушения ввиду того, что по мнению Суда использование силы против заявителя в ответ на его буйное поведение было законным и совершенно необходимым.

В деле *Толстобров против России (Tolstobrov v. Russia)* от 04/03/2010 Суд не усмотрел нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 за отмену в порядке судебного надзора решения суда в пользу заявителя по жалобе ответчика (работодателя заявителя) Президиумом Архангельского областного суда в связи с тем, что отмена была осуществлена Президиумом ввиду проведения апелляционного слушания в районном суде без надлежащего уведомления ответчика в деле заявителя, а это, по мнению Европейского Суда, оправдывает отмену окончательного решения Суда в пользу заявителя.

Постановления *Рослов против России (Roslov v. Russia)* от 17/06/2010, *Васильченко против России (Vasilchenko v. Russia)* от 23/09/2010; *Антюшина против России (Antyushina v. Russia)* от 23/09/2010 и *Петр Королев против России (Petr Korolev v. Russia)* от 21/10/2010 не содержат нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции за предполагаемый неразумный срок судебного разбирательства и/или за предполагаемый неразумный срок исполнения решения суда.

В деле *Банникова против России (Bannikova v. Russia)* от 04/11/2010 Суд не обнаружил нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции за вовлечение ее сотрудником ФСБ в продажу марихуаны.

Не установлено нарушения п. 1 и п. 3(d) ст. 6 Конвенции в деле *Хаметшин против России (Khametshin v. Russia)* от 04/03/2010, поскольку заявитель фактически жаловался не на нарушения Конвенции, а на то, что суд якобы неправильно по его мнению истолковал нормы внутреннего права.

Суд решил, что дело *Мастепан против России (Mastepan v. Russia)* от 14/01/2010 не содержит нарушения ст. 8 Конвенции в связи с законным осуществлением милицией осмотра жилища заявителя.

В деле *Алексей Овчинников против России (Aleksey Ovchinnikov v. Russia)* от 16/12/2010 не установлено нарушения ст. 10 Конвенции, поскольку по мнению Суда журналист фактически высказывал не свои личные мнения, а просто оклеветал ни в чем не повинных людей.

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

*Библиография статей по международному праву в юридических журналах, опубликованных в 2010 году

*Защищенные диссертации по международному праву в 2009-2010 годах

Библиография

1. Александрина М.А. Коллизионно-правовое регулирование ответственности по обязательствам из причинения вреда в международном частном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
2. Ализаде Ф.Э. Международно-правовые основы деятельности по проведению совместных (международных) расследований в документах Организации Объединенных Наций // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 3.
3. Алонцева Е.Ю. Следственные действия по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Украины (сравнительно-правовое исследование) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
4. Андреева А.Е. Историко-правовые аспекты классификации объектов портового контроля безопасности международного мореплавания // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
5. Афанасьев С.Ф. О прямом действии постановлений Европейского Суда по правам человека в российском гражданском судопроизводстве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
6. Ахмедов Ш.М. Межотраслевой институт досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве зарубежных стран // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
7. Авдеева Т. Копенгаген-2009: провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. – 2010. – № 2. – С. 61.
8. Агейчев А., Гусева Е., Пискунова Н., Тимофеев И., Фомин И. Международные конфликты // Международная жизнь. – 2010. – № 7. – С. 150.
9. Азимов А. ОБСЕ: пришла пора Европе меняться? // Международная жизнь. – 2010. – № 2. – С. 32.
10. Акназарова Д.Р. Реформа административной юстиции в ООН: проблемы и перспективы // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 2. – С. 53-60.
11. Алиев Ш.М. К вопросу о взаимодействии Совета Безопасности ООН и Международного суда ООН // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 5. – С. 107-127.
12. Аносов М.А. Формирование европейского договорного права // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 4. – С. 120.
13. Абраменков М.С. Проблема выморочного имущества в международных наследственных отношениях // Государство и право. – 2010. – № 9. – С. 91-96.
14. Асосков А.В. Сверхимперативные нормы: различные теории, объясняющие механизм их применения (ч. I) // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
15. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Институционализация защиты и поощрения прав и свобод человека в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): комментарий к Положению о Межправительственной комиссии по правам человека АСЕАН // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.

16. Асосков А.В. Сверхимперативные нормы: различные теории, объясняющие механизм их применения (ч. II) // Московский журнал международного права. -2010. – № 2.
17. Аносов М.А. Правовое регулирование договоров торгового (коммерческого) посредничества в праве ЕС // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.
18. Анцыферов Ю.С. Особенности и порядок проведения служебно-вспомогательных буксировок в России и иностранных государствах // Вестн. С.-Петербург. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 3. – С. 37-45.
19. Андропова И.В. Региональные приоритеты внешней политики России: экономический аспект // Вестник РУДН – Международные отношения. – 2010. – № 1.
20. Александров А.А. Роль инновационной и технологической политики в развитии процесса глобализации // Право и политика. – 2010. – № 2.
21. Абдулай Кандия Барри. Исторические и культурные связи Франции с Арабским миром) // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 2.
22. Бабин Б.В. Категория развития и проблема программных актов в современном международном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
23. Баймуратов М.А. Международный правопорядок: концептуальные подходы к становлению понятийной характеристики // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
24. Баяркина Н.П. Имплементация норм международного права – главный фактор создания прогрессивной уголовно-исполнительной системы России (на основе материалов магистерской диссертации // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
25. Безбородов Ю.С., Каримов Д.А. Особенности международно-правового статуса Британского содружества // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
26. Белкин М.Л. Законодательное обоснование применения в судебной практике решений Европейского Суда по правам человека как источника права // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
27. Белковец Л.П. Из истории консульского права: ликвидация иностранных консульских представительств в СССР в конце 1930-х годов // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
28. Богустов А.А. Узуфрукт в системе ограниченных вещных прав по законодательству Польши // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
29. Богущ Г.И. Рецензия (Комментарий к Римскому статуту Международного уголовного суда) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
30. Быкова Е.В. Ислам, мусульманское право и общечеловеческие ценности // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
31. Быкова Е.В. Уголовное преследование в международном сотрудничестве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
32. Бакишев Д. Диалог во имя безопасности и процветания в Азии и мире // Международная жизнь. – 2010. – № 3. – С. 97.
33. Бокань Ю. Глобальная гуманитарная миссия России в XXI веке // Международная жизнь. – 2010. – № 2. – С. 147.
34. Богданова Н.А. Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 1. — С. 41-57.

35. Бардина М.П. Определение права, применимого к существу спора международным коммерческим арбитражем // Государство и право. – 2010. – № 9. – С. 81-90.
36. Богуш Г.И. Правовой режим Международного уголовного суда. Эссе в честь профессора Игоря Блищенко (1930-2000) / Под ред. Ж.Дориа, Х.-П. Гэссера и М.Ш. Бассиуни // Государство и право. – 2010. – № 12. – С.115-117.
37. Барциц И.Н. Становление института гражданства Республики Абхазия как нового субъекта международного права // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.
38. Бут А., Городов О.А. Процесс создания органов регулирования европейского электроэнергетического рынка – что может извлечь из этого опыта Россия? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14-2010. – Вып. 2. – С. 93-103.
39. Белицкая А.В., Лахно П.Г. Иностранцы инвесторы в сфере недропользования в Российской Федерации и зарубежных странах: правовое регулирование // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 4. – С. 44-61.
40. Безбородов Ю.С. Международно-правовые аспекты тибетского конфликта // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2.
41. Бочкова М.С. Классификация суверенитета и ее роль в политическом строительстве (зарубежная теория и практика) // Вестник РУДН – Международные отношения. – 2010. – № 1.
42. Бойм О.И. Источники международного права, действующие в сфере лизинговых отношений (на примере авиационного лизинга) // Право и политика. – 2010. – № 7.
43. Безбородов Ю.С. Истоки международного права. От jus naturale к jus gentium // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 1. – С. 25-27.
44. Бокерия С.А. Эволюция системы принятия внешнеполитических решений в Европейском Союзе // Вестник РУДН – международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 3.
45. Варавенко В.Е. Традиции и новации в коллизионно-правовом регулировании договорных обязательств в международном частном праве Китая // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
46. Виташов Д.С. О зарубежных подходах и терминологии в области контртеррористической деятельности // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
47. Войтович С.А. Международный инвестиционный арбитраж: некоторые тенденции и опыт Украины // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
48. Волеводз А.Г. О перспективах международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
49. Волеводз А.Г., Тарасенко С.М. К итогам XII конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 4.
50. Вуколов Н. А тем временем на Севере Европы // Международная жизнь. – 2010. – № 5. – С. 61.
51. Варлен М.В. Особенности конституционного статуса парламентария в международном праве и зарубежном законодательстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 3. – С. 173-181.
52. Вельяминов Г.М. Таможенный союз в правовом ракурсе // Государство и право. – 2010. – № 2. – С. 55-58.
53. Вылегжанин А.Н. Вопросы толкования и исполнения Договора о Шпицбергене 1920 года // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.

54. Вылегжанин А.Н. Юридические итоги великой победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения / А.Н. Вылегжанин, Г.В. Игнатенко, А.Ю. Скуратова // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.

55. Ван Юешэн, Ян Ли, Селецкис А.Ю. Китайско-российское инвестиционное сотрудничество: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник РУДН – Международные отношения. Россия в международных отношениях. – 2010. – № 2.

56. Виноградова К.В. Становление и развитие Союза России и Белоруссии // Вестник РУДН – Международные отношения. Россия в международных отношениях. – 2010. – № 2.

57. Вихрян А.П. Потенциал государственно-частного партнерства для управления собственностью Союзного государства России и Белоруссии // Вестник РУДН – Международные отношения. Россия в международных отношениях. – 2010. – № 3.

58. Воронков А.К. Сравнительный анализ инвестиционной политики ОАЭ и ИРИ в африканских странах // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 4.

59. Виноградова К.В. Актуальные проблемы отношений Белоруссии и Европейского Союза // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 3.

60. Галустьян О.А. О государственных переворотах (сравнительно-исторический аспект вопроса) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 3.

61. Генрих Н.В. XII Конгресс ООН и перспективы развития уголовного права // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.

62. Герасимов Ю.Е. Направления интегрирования мировых правовых семей современности // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.

63. Гетьман-Павлова И.В. Истоки науки международного частного права: школа глоссаторов // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.

64. Голец Г.А. Пробелы в национальном правовом регулировании деятельности субъектов финансового мониторинга // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.

65. Гончаров В.В. Проблемы и перспективы использования в Российской Федерации положительного опыта формирования и функционирования системы исполнительной власти за рубежом // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.

66. Грачев О.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей как фактор обеспечения интеграционных процессов России // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.

67. Гатиллов Г. «Голубые каски» ООН на службе мира // Международная жизнь. – 2010. – № 9. – С. 33

68. Грушко А. Россия – Евросоюз: механизм тонкой настройки // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 168.

69. Губанов А.И. Делимитация морских пространств между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки: нормы и перспективы // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 2. – С. 99-108.

70. Гетьман-Павлова И.В. Наука международного частного права: французская школа бартолистов XV-XVI вв. // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 84-92.

71. Гицу М.А. Международное публичное право: Учебник / Отв. ред. К.А. Бекашев. – Изд. 5-е, перераб. и доп. // Государство и право. – 2010. – № 12. – С.108-114.

72. Гуцуляк В.Н. Право Европейского Союза. Вопросы истории и теории: Учебное пособие / В.Н. Гуцуляк, М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина // Государство и право. – 2010. – № 7. – С.124-125.
73. Гарипов Р.Ш. Право коренных народов на самоопределение // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.
74. Гусев А.В. Проблемы реализации международных договоров межведомственного характера правоохранительных органов исполнительной власти (конституционный и международно-правовой аспекты) // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5.
75. Глинская И.Ю. Роль публичной дипломатии в формировании имиджа России в странах Азии и Латинской Америки) // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 2.
76. Голубев Д.С. Вариативность вовлеченности посредника в процесс урегулирования этнополитического конфликта на примере участия США в мирном процессе на Ближнем Востоке // Право и политика. – 2010. – № 12.
77. Дергачев С.А. Особенности соглашений о национальной подсудности с участием иностранного элемента // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
78. Дубровин В.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, путем компенсации со стороны государства (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 3.
79. Дубровин В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Французской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
80. Дерендяева Э.В., Солнцев А.М. Эволюция защиты экологических прав человека в Совете Европы // Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 3. – С. 162-172.
81. Девяткина А.И. Местные органы управления на пути модернизации: практика стран СНГ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
82. Дидикина А.В. А был ли опубликован международный договор? // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
83. Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 2. – С. 3-11.
84. Добродеева Т.М. Особенности установления содержания применимого права в рамках международного коммерческого арбитража // Право и политика. – 2010. – № 11.
85. Давыденко Е.В. Внешнеполитическая деятельность лейбористского правительства Т.Блэра как предпосылка поражения на выборах 2010 г. // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 3.
86. Еникеев З.Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
87. Ермолович Я.Н. Уголовная юрисдикция в отношении военнослужащих воинских формирований Российской Федерации, дислоцированных на территории иностранных государств: состояние, проблемы, перспективы развития // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
88. Есяян А.К. Угрозы экономической безопасности в сфере земельных правоотношений (законодательный опыт европейских стран – участниц СНГ, ЕврАзЭС, ШОС) // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.

89. Есин И.В. Роль актов международных конференций в становлении регулирования оборота химических веществ // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 1.
90. Есаян А.К. Международное сотрудничество стран – участниц СНГ, ЕврАзЭС, ШОС по предупреждению преступлений в сфере обеспечения экономической безопасности // *Международное публичное и частное право*. – 2011. – № 1. – С. 15-19.
91. Евтодьева М. Военно-политическое измерение ОБСЕ: состояние и тенденция развития // *Международная жизнь*. – 2010. – № 11. – С. 79
92. Есин И.В. Международные конференции и регулирование оборота химических веществ // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 2.
93. Егиян В. Г. Конвенция ООН об условиях регистрации судов 1986 г. и ее влияние на практику «открытой» регистрации судов // *Право и политика*. – 2010. – № 10.
94. Жаров А.Н., Виейра Иванильдо. ФАО и Гвинея-Бисау // *Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность*. – 2010. – № 3.
95. Жаров А.Н., Виейра Иванильдо. Африканский банк развития и Гвинея-Бисау // *Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений*. – 2010. – № 4.
96. Запесоцкий Ю. Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Международные Лихачевские научные чтения // *Международная жизнь*. – 2010. – № 4. – С. 144.
97. Зеленый Л. Космические исследования сегодня // *Международная жизнь*. – 2010. – № 12. – С. 147.
98. Змеевский А. Венские международные организации: потенциал модернизации для России и мира // *Международная жизнь*. – 2010. – № 8. – С. 62.
99. Зохранян Р.П. Формы реализации права народов на самоопределение в международном праве и доктрине // *Вестник МГУ. – Сер.11. Право*. – 2010. – № 2. – С. 75-86.
100. Зак А.Ю. Защита прав потребителей при осуществлении специальной коммерческой практики в России и ЕС // *Право и политика*. – 2010. – № 7.
101. Имранов Ш.А. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование согласно УПК Азербайджанской Республики // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 1.
102. Иванов А. Азиатско-Тихоокеанский регион и Россия: новая роль в глобальном развитии // *Международная жизнь*. – 2010. – № 8. – С. 71.
103. Исполинов А.С. Концепция *acquis communautaire* в праве Европейского Союза // *Вестник МГУ. – Сер. 11. Право*. – 2010. – № 5. – С. 68-88.
104. Иваненко В.С. Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? // *Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал*. – 2010. – № 3. – С. 135-161.
105. Иваненко В.С. Особенности правового статуса города Байконур и правовые проблемы вещания программ общероссийских телеканалов на его территории / В.С. Иваненко, М.В. Прокофьева, И.С. Логинов // *Российский юридический журнал*. – 2010. – № 4.
106. Ильина Л.Г. Распоряжение конфискованными преступными доходами в международном и европейском праве // *Право и политика*. – 2010. – № 4.
107. Ильина Л.Г. Понятие и типы конфискации имущества, полученного преступным путем, в международном и европейском праве // *Право и политика*. – 2010. – № 5.

108. Исаев Л.М., Щербович А.А. Проблемы универсализации прав человека в контексте евро-арабского сотрудничества в регионе Средиземноморского бассейна // Право и политика. – 2010. – № 12.
109. Кадникова А.Н. Применение судами Международной конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
110. Калинкина М.Ю. Инновационные подходы социальной и демографической политики: Швеция, Швейцария, Бельгия, Австрия // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
111. Камнев Р.Г. Влияние обстановки на решение вопросов международной ответственности // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
112. Кананыкина Е.С. Правовая система современной Франции // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
113. Карпович О.Г. Актуальные проблемы противодействия страховому и налоговому мошенничеству в ряде зарубежных государств // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4.
114. Карташов В.Н. О сущности и некоторых видах общепризнанных принципов международного права // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.
115. Климова Е.А. Упрощение процедуры экстрадиции: опыт Европейского Союза // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
116. Ключкова Ю.А. Конвергенция законодательств в геополитических рамках Европейского Союза // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
117. Кобец П.Н. Генезис института условного осуждения в зарубежных странах // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
118. Кожанков А.Ю. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур – международный стандарт таможенного регулирования. Принципы и содержание // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
119. Кожевников О.А. Россия должна совершенствовать работу собственных судов в соответствии с позициями Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
120. Козлов В.А. К вопросу о проблеме совершенствования института конфискации имущества в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1.
121. Кононова К.О. «Коллективные контрмеры»: к вопросу о правомерности их существования и векторе развития в международном праве XXI века // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
122. Кононова К.О. О некоторых условиях применения контрмер в современном международном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.
123. Конюхова И.А. О формировании права мира и его конституционно-правовых основ в современную эпоху // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
124. Корейво Е.В. Виды классификации в международном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.
125. Корейво Е.В. Использование преамбул в международном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
126. Корейво Е.В. Права человека в международно-правовых актах: проблемы дефинирования // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.

127. Кресин А.В. Современные тенденции и перспективы развития европейского права: опыт для Украины // *Международное публичное и частное право.* – 2010. – № 3.

128. Крючков А.А. Состояние российского конституционного права и его соответствие стандартам международного права // *Международное публичное и частное право.* – 2010. – № 2.

129. Казмин Ю. К вопросу о внешней границе континентального шельфа России в Арктике // *Международная жизнь.* – 2010. – № 3. – С. 12.

130. Клепацкий Л. Современная европейская безопасность в контексте Ялтинской конференции // *Международная жизнь.* – 2010. – № 5. – С. 61.

131. Колдунова Е. Встречаемся в АСЕМ! Теория и практика трансрегиональных отношений: памятка для России // *Международная жизнь.* – 2010. – № 5. – С. 52.

132. Конопляник А. Энергетическая хартия: почему Россия берет тайм-аут // *Международная жизнь.* – 2010. – № 1. – С. 27.

133. Кузьмин Э. Миропорядок и международное право // *Международная жизнь.* – 2010. – № 9. – С. 75.

134. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Новые границы соотношения международного и национального права как результат сотрудничества государств по противодействию терроризму // *Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал.* – 2010. – № 1. – С. 143-152.

135. Кропачев Н.М., Мусин В.А. О понятии международного терроризма // *Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал.* – 2010. – № 1. – С. 128-142.

136. Капустин А.Я. Некоторые вопросы методологии исследования категории «глобальное гражданское общество» в международном праве // *Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал.* – 2010. – № 1. – С. 71-83.

137. Каламкарян Р.А. Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартам Европейской сети детских омбудсманов (ENOC) / Р.А. Каламкарян, А.С. Автономов // *Государство и право.* – 2010. – № 8. – С. 119-120.

138. Каламкарян Р.А. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. Научн. изд. / Р.А. Каламкарян, А.С. Автономов // *Государство и право.* – 2010. – № 11. – С. 119-120.

139. Каламкарян Р.А. Теоретические и методологические основы использования основных правовых режимов в период вооруженных конфликтов / Р.А. Каламкарян, В.В. Алешин, Н.В. Остроухов // *Государство и право.* – 2010. – № 3. – С. 124-125.

140. Каламкарян Р.А. Взаимодействие России и Европейского Союза: позитив международно-правового опыта // *Государство и право.* – 2010. – № 12. – С. 51-59.

141. Каламкарян Р.А. Всеобщая декларация прав человека. Место, роль и значение в миропорядке на основе верховенства права – Rule of law // *Государство и право.* – 2010. – № 6. – С. 41-48.

142. Каламкарян Р.А. Ежегодник морского права-2008. Юбилейное издание к 40-летию Ассоциации международного морского права / Отв. ред. А.Л. Колодкин // *Государство и право.* – 2010. – № 9. – С. 126-127.

143. Каламкарян Р.А. Международное сотрудничество Российской Федерации в деле всеобъемлющего обеспечения прав человека. Права инвалидов в общей системе прав человека (По материалам Всероссийской научно-практической конференции) // *Государство и право.* – 2010. – № 4. – С. 115-122; (Окончание) № 5. – С. 108-115.

144. Карташкин В.А. Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии / В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 37-45.
145. Ковалев А.А. К оптимуму академизма, доступности и инноваций в преподавании международного права. Международное право: Учебник / Ред. колл.: А.Н. Вылегжанин, Ю.М. Колосов, Ю.Н. Малеев, Р.А. Колодкин // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 123-124.
146. Колодкин А.Л. Презентация монографии профессора С.В. Черниченко «Очерки по философии и международному праву».
147. Каламкарян Р.А. // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 116-118.
148. Копылов М.Н. Экологические права в системе международно-признанных прав человека / М.Н. Копылов, Солнцев А.М. // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 23-32.
149. Комендантов С.В. К вопросу о возможных международно-правовых последствиях создания Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
150. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
151. Кириенков П.О. Допустимые ограничения права собственности в практике Европейского Суда по правам человека и Суда ЕС // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
152. Коссе А.А. Место международного транспортного права в системе международного права // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.
153. Кох Н. В. Свободное использование по патентному законодательству России и Японии. Сравнительный очерк // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14.-2010. – Вып. 3. – С. 46-51.
154. Курашвили А.Ю. Полномочия и стадии заключения международных договоров // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6.
155. Корейко Е.В. Виды классификации в международном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5. – С. 45-48.
156. Каримова М.Б. Особенности внешней политики Республики Таджикистан в условиях развития интеграционных процессов стран СНГ // Право и политика. – 2010. – № 2.
157. Колесникова О.В. Страхование иностранных инвестиций от политических рисков в рамках международных организаций // Право и политика. – 2010. – № 2.
158. Литвинюк О.Н. Гражданский статус личности в Швейцарии // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 4.
159. Ледях И.А. Международное гуманитарное право и защита прав человека // Государство и право. – 2010. – № 2. – С. 124-126.
160. Летова Н.В. Правовой статус ребенка // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 77-86.
161. Лимонникова М.А. Вопросы права Совета Европы: частичные и расширенные соглашения // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
162. Лебедев С.Н., Архипова А.Г. Рецензия на монографию Н.Н. Остроумова «Договор перевозки в международном воздушном сообщении» (издательство «Статут», 2009. – 267 с.) // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
163. Лившиц И.М. Реформа правового регулирования рынка ценных бумаг в Европейском Союзе // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
164. Ляхов Е.Г., Бояринова В.О. Мировое сообщество и противодействие терроризму // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.

165. Лазутин Л.А. Договоры о мерах доверия с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4.
166. Ле Ван Бинь. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии: становление и развитие // Российский юридический журнал. – 2010. – № 3.
167. Лавров С. Россия и АСЕАН могут многое сделать вместе // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 4.
168. Лавров С. Новый Договор о СНВ в матрице глобальной безопасности // Международная жизнь. – 2010. – № 7. – С. 1.
169. Лисоволик Я. В чем польза зоны свободной торговли Россия – АСЕАН? // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 75.
170. Лихачев В. Министерство юстиции Российской Федерации как международный актор // Международная жизнь. – 2010. – № 11. – С. 38.
171. Локшин Г. Путем АСЕАН // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 125.
172. Ляпичев С. Совет ООН по правам человека: происхождение и эволюция // Международная жизнь. – 2010. – № 9. – С. 54.
173. Лыжина Е.В. Обеспечивает ли Европейский Союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник РУДН – Международные отношения. Миротворчество и международные отношения. – 2010. – № 4.
174. Магеррамов А.А. Охрана атмосферного воздуха // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
175. Малиновский А.А. Судебная практика как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 3.
176. Мезяев А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном международном уголовном процессе // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 4.
177. Мещерякова А.А. Эволюция законодательства о критериях малого и среднего предпринимательства в России и Китае // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.
178. Минаева М.М. Международные правовые стандарты защиты жизни ребенка до и после рождения // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
179. Митин М.А. Правовой подход Совета Европы к регулированию вопросов компенсаций для жертв уголовных преступлений // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.
180. Моисеенко А.Г. Особенности правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в ряде зарубежных стран // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
181. Маймистова И. В. Терроризм на море и пиратство: разграничение понятий // Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 1. – С. 153-159.
182. Марочкин С.Ю. О международной составляющей правовой системы России: освоение и развитие практикой конституционного принципа // Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал. – 2010. – № 1. – С. 160-189.
183. Малько А.В. Конституционно-правовое обеспечение европейской межгосударственной интеграции (на укр. яз.) / А.В. Малько, Ю.А. Волошин // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 120-121.

184. Марочкин С.Ю. Нормы и источники международного права в правовой системе России: проблема освоения в теории и развития в законодательстве конституционного принципа // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 26-36.
185. Матузов Н.И. Право, гендер и культура в условиях глобализации / Н.И. Матузов, О.И. Цыбулевская, С.В. Ворошилова, С.В. Поленина, Е.В. Скурко // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 124-125.
186. Михайлов Н.Г. Принцип законности в толковании судей Международного трибунала по бывшей Югославии // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 63-70.
187. Маймистова И.В. Применение огнестрельного оружия как способ защиты от пиратства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 4. – С. 86-88.
188. Мещерякова О.М. Наднациональные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
189. Малышева Н.И. О проблемах поиска универсальных правовых идей // Вестн. – С.-Петерб. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 2. – С. 18-27.
190. Мажорина М.В. Право международной торговли и *lex mercatoria* // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1.
191. Минаева М.М. Международные правовые стандарты защиты жизни ребенка до и после рождения // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6. – С. 10-13.
192. Монастырский Ю.Э. Оспаривание компетенции третейских судов участниками сделок М&А в Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
193. Малетин Н. Долгая жизнь Балийского договора // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 78
194. Невский С.А. Незаконное поступление российского оружия и боеприпасов в сопредельные восточные страны (историко-криминологическое исследование) // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
195. Невский С.А. Об идеях предупреждения преступлений в Германии (по материалам работ немецких авторов 20-х годов XX в.) // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.
196. Невский С.А. Противодействие незаконному ввозу оружия и боеприпасов в Россию в начале XX в. (проблемы международного сотрудничества) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
197. Нека Л.И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
198. Носиков А.Н. Конвенция по морскому праву и Международный орган по морскому дну: взгляд США // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
199. Наджи Халифе. Безопасность на Ближнем Востоке и иранская ядерная программа // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 4.
200. Николаев Д.Г. Правовые основания международно-правового признания независимости государств // Право и политика. – 2010. – № 5.
201. Нейматов А.Я. Место и роль Саудовской Аравии в межцивилизационном диалоге // Право и политика. – 2010. – № 10.
202. Овлащенко А.В. Российские юристы-международники о приоритете открытия Антарктиды русской кругосветной экспедицией 1819-1821 гг. // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.

203. Оводов А.А. Картель как форма монополистического объединения в законодательстве и судебной практике Европейского Союза и США // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 5.

204. Остроухов Н.В. О понятии «территориальная целостность государств» как основном объекте преступлений, посягающих на безопасность государства // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 1.

205. Осипов А.В. Официальный перевод и опубликование в России решений Европейского Суда по правам человека // *Известия высших учебных заведений. Правоведение: научно-теоретический журнал*. – 2010. – № 3. – С. 49-55.

206. Остроумов А.А. Рецензия на монографию Ю.С. Ромашева «Международное правоохранительное право» // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 3.

207. Овсянников Д.П. Двустороннее торговое соглашение как основной источник правового регулирования внешней торговли Российской Федерации с зарубежными странами // *Право и политика*. – 2010. – № 9.

208. Оганесян А. СНГ: международная жизнь. – 2010. – № 4. – С. 88

209. Оганесян А. Мировое правительство через 100 лет? // *Международная жизнь*. – 2010. – № 2. – С. 42

210. Орлов А. ООН – всеобщее достояние // *Международная жизнь*. – 2010. – № 9. – С. 43.

211. Петрова Г.В. Предотвращение финансирования терроризма в международном финансово-правовом регулировании // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 3.

212. Петросян О.Ш. Криминализация преступлений в сфере обеспечения финансовой безопасности, посягающих на налоговую систему, по уголовному законодательству стран романо-германской правовой семьи // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 5.

213. Положение о Межправительственной комиссии по правам человека АСЕАН (20 июля 2009 г.) // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 2.

214. Примаков Д.Я. Особенности еврейской правовой системы на примере сравнения еврейского и мусульманского права // *Вестн. С.-Петербур. ун-та*. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 1. – С. 98-108.

215. Панков Д.О. Грузия в геополитическом раскладе на Южном Кавказе // *Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность*. – 2010. – № 2.

216. Павловский А.И. Международная деятельность в освоении космического пространства: ретроспективный анализ и современное развитие // *Право и политика*. – 2010. – № 5.

217. Павловский А.И. Международное сотрудничество в освоении космического пространства: основные проблемы и их решения // *Право и политика*. – 2010. – № 6.

218. Павлов П.В. Совершенствование законодательного регулирования в сфере приграничной торговли // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 1.

219. Паньков В. 2020 год – глобализация или деглобализация? // *Международная жизнь*. – 2010. – № 5. – С. 163

220. Паньков В. Экономическая безопасность: сущность и проявления // *Международная жизнь*. – 2010. – № 12. – С. 107

221. Рабцевич О.И. Принцип однократности привлечения к ответственности за одно правонарушение (ne bis in idem): международные и внутригосударственные аспекты // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 4.

222. Рахимов С.Ф. Правовые аспекты защиты детей в период вооруженных конфликтов (к вопросу защиты детей от оружия неизбирательного действия) // Потребительская кооперация: теория, методология, практика: Материалы междунар. научно-практич. конф. – М.: Российский университет кооперации, 2010.
223. Рубанов А.А. Международное космическое право и право России: глобальные навигационные услуги ГЛОНАСС // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 83-89.
224. Рукавишникова И.В. Совершенствование правовых форм международного сотрудничества в современных условиях (обзор IV Междунар. научно-практич. конф., посвященной 10-летию Российско-армянского (Славянского) университета) / И.В. Рукавишникова, Н.Е. Орлова // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 110-112.
225. Рашида Мрасси. Региональные, географические и стратегические факторы, влияющие на внешнеполитический курс Турции // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 2.
226. Ротич Гладис Чепкируи. Позиция Великобритании по вопросу о создании Кенийского государства) // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 2.
227. Рывкин К.А. Общее понимание основных прав в практике Европейского Суда по правам человека. К 50-летию юбилею Суда // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.
228. Рабцевич О.И. Национальное право в деятельности международных уголовных судебных учреждений // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2.
229. Русинова В.Н. Правовые аспекты применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод: до и после «дела Банковича» // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
230. Рогожин А. АСЕАН на пути к экономическому сообществу // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 56
231. Саидов А.Х., Хамдамова Ф.У. Рецензия на книгу: Development, security and human rights. Beijing: China Intercontinental Press, 2009. – 480 p. (Chief Editors: Dong Yunhu and Chen Zhengong, Executive Chief Editor: Wang Linxia, Executive Deputy Chief Editor: Ren Danhon) // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
232. Саидов Б.Н. Субъект преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления по законодательству Республики Таджикистан // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
233. Салгереев А.С. Особенности юрисдикции в международном уголовном праве // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 3.
234. Сороковая Е.А. Экономическое содержание Конституции Аргентинской Республики // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6.
235. Султанов И.Р. Политико-правовой статус международных интеграционных организаций в вопросе сближения международного и национального права // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 2.
236. Сухаренко А.Н. Противодействие транснациональному незаконному обороту оружия: состояние и проблемы // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 3.
237. Сухаренко А.Н. Российская организованная преступность в странах Юго-Восточной Азии: состояние и проблемы борьбы // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 2.
238. Салагай О.О. Отдельные правовые вопросы определения статуса человека в антенатальном периоде // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 67-75.

239. Сафаев Ф.Х. Проблемы унификации международных и национальных уголовных норм // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 102-105.
240. Степанян Г.С. Контроль Конституционного Суда РФ над не вступившими в силу международными договорами Российской Федерации // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 109-111.
241. Супатаев М.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / М.А. Супатаев, Е.А. Лукашева // Государство и право. – 2010. – № 12. – С. 103-104.
242. Саитова О.М. Практика применения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией в части антидемпингового регулирования // Российский юридический журнал. – 2010. – № 3.
243. Смбалян А.С. Влияние конфликтующего толкования и практики выбора «удобного суда» на единство системы международного права // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1.
244. Салум Хоссам Еддин. Кувейтский кризис 1990-1991 годов и его влияние на иракско-российские отношения // Вестник РУДН – Международные отношения. – 2010. – № 1.
245. Саламова Р.В. К 20-летию создания Союза Арабского Магриба // Вестник РУДН – Международные отношения. – 2010. – № 1.
246. Снисоренко П.В. Основные предпосылки и проблемы формирования эффективной международной денежно-кредитной политики // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 2.
247. Саидов А.Х., Хамдамова Ф. Рецензия на книгу: Human Rights Education in the School System of Europe, Central Asia and North America: A Compendium of Good Practice. Warsaw: Poligrafus Andkzey Adamica, 2009. – 238 p. // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
248. Смирнов Д.Л. К вопросу о понятиях «международное энергетическое право» и «энергетическое право ЕС» // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.
249. Савойский А.Г. Становление экономической дипломатии Российской империи в отношении США // Вестник РУДН – Международные отношения. Россия в международных отношениях. – 2010. – № 3.
250. Сулейманов А.В. Саудовская Аравия, Иран, Турция и Пакистан: взаимоотношения в рамках ОИК // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 4.
251. Сидорченко В.Ф. Спасание человеческих жизней и имущества на море «по-пиратски» // Вестн. С.-Петербур. ун-та. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 2. – С. 84-92.
252. Семенова Н.С. Право на образование в международном праве // Международное право – International Law. – 2010. – № 3. – С. 35-45.
253. Степанова М.М. Влияние международных норм о конкуренции на российское законодательство // Право и политика. – 2010. – № 2.
254. Спиринов Ю.П. Современные проблемы миротворчества ООН // Вестник РУДН – Международные отношения. Миротворчество и международные отношения. – 2010. – № 4.
255. Сытин А.Н. Внешняя политика Литвы на современном этапе // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010, № 4.
256. Сумский В. Модернизация России, геополитика Восточной Азии и фактор АСЕАН // Международная жизнь. – 2010. – № 10. – С. 15.

257. Табалдиева Ч.С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из других государств // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 2.
258. Тагаева А.М. Проблемы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации Кыргызской Республики в сфере противодействия экстремизму // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 6.
259. Тарасьянц Е.В. Безгражданство в Российской Федерации // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 1.
260. Токаев Т.К. Сотрудничество Республики Казахстан с Европейским Союзом // *Вестник РУДН – Международные отношения*. – 2010. – № 1.
261. Уразов А.В. Влияние международно-правовых норм на формирование российского института социального страхования // *Государство и право*. – 2010. – № 9. – С. 47-54.
262. Уваров И.А. Зарубежные концепции организации криминологической профилактики рецидивной преступности // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 6.
263. Ухарева Е.А. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных действий (по законодательству России и стран СНГ) // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 4.
264. Урляпов В. Все выше и выше. Проекты России и стран ЮВА в аэрокосмической сфере // *Международная жизнь*. – 2010. – № 10. – С. 69.
265. Урляпов В. Расширение АСЕАН: мотивы, значение, последствия // *Международная жизнь*. – 2010. – № 10. – С. 85
266. Фархутдинов Е.Т. // *Государство и право*. – 2010. – № 2. – С. 120-123.
267. Фомин А.А. Государственный герб как правовое явление и исторические предпосылки его появления // *Вестн. С.-Петерб. ун-та*. – Сер. 14. – 2010. – Вып. 2. – С. 12-17.
268. Фоменко А. Проблема коллаборационизма во Второй мировой войне // *Международная жизнь*. – 2010. – № 5. – С. 32.
269. Хаоцай Л. Возвышение общественного правления требует развития мягкого законодательства // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 6.
270. Хасселбалк О. Законотворческие традиции Дании в контексте европейского права // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 6.
271. Хасселбалк О. Мировой экономический кризис и датская система реагирования на социальные потрясения (Danish flexicurity system) // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 5.
272. Хаустов С.А. Верховный суд и права человека в США // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2010. – № 4.
273. Хачатрян А.С. Зарубежный опыт криминализации деяний, посягающих на здоровье потребителей // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 4.
274. Хлестов О.Н. Южнокурильская проблема в российско-японских отношениях // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 4.
275. Холов А.Х. Реализация штабной функции в органах внутренних дел Республики Таджикистан // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 4.
276. Хэ Минцзюнь. Условия и процедура присоединения государств к ВТО // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 4.
277. Хроника: МГИМО в космосе, в воздухе и на море // *Московский журнал международного права*. – 2010. – № 1.

278. Хассан Ахмад Мекдаше. «Кризисная дипломатия» Франции на Ближнем Востоке (на примере Ливанского кризиса) // Вестник РУДН – Международные отношения. – 2010. – № 1.

279. Хэ Минцзюнь. К вопросу о праве выхода государства из международной организации // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 6. – С. 93 -101.

280. Цимбривский Т.С. Проблема реализации принципа равноправия и самоопределения народов и верховенство права в международных отношениях // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.

281. Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия в орбите энергетической безопасности // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 3.

282. Чабаева И. С. Понятие принципов международного экономического права // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3.

283. Чернецка А.А. Участие стран в международных проектах строительства трубопроводов – новый фактор геополитики государств // Право и политика. – 2010. – № 4.

284. Чижов В. «Партнерство для модернизации» – ключевой элемент сотрудничества России и Евросоюза // Международная жизнь. – 2010. – № 8. – С. 36.

285. Чуркин В. ООН – непревзойденный игрок на мировом поле // Международная жизнь. – 2010. – № 9. – С. 26.

286. Шарипов Ф.Р. Место и роль органов внутренних дел в противодействии экстремизму в Таджикистане // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 4.

287. Шугуров М.В. Межгосударственные споры о толковании и применении конвенций по правам человека: ценностно-нормативный аспект // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.

288. Шумилов Ю.В. Вклад Латинского монетного союза и Парижской монетной конференции 1867 года в становление международного финансового права (МФП) // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1.

289. Шашкова А.В. Россия и рекомендации ФАТФ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.

290. Шестерякова И.В. Пути гармонизации трудового законодательства государств – членов ЕвразЭС // Российский юридический журнал. – 2010. – № 1.

291. Шугуров М. Межгосударственные споры о толковании и применении конвенций по правам человека: ценностно-нормативный аспект // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1. – С. 36-46.

292. Шугуров М.В. Защита прав человека в условиях современного научно-технического прогресса: политика Европейского Суда по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 1. – С. 4-7.

293. Шугуров М.В. Современный научно-технологический прогресс и вопросы кодификации права международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Право и политика. – 2010. – № 1.

294. Шинкарецкая Г.Г. Запрет злоупотребления международной судебной процедурой как фактор обеспечения судебного процесса // Право и политика. – 2010. – № 1.

295. Шинкарецкая Г.Г. Изъятие из компетенции судебных учреждений дел, относящихся к внутренней компетенции государства // Право и политика. – 2010. – № 2.

296. Шугуров М.В. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и политика. – 2010. – № 11.

297. Эврим Экен. Энергетический вектор в отношениях Турции и России: итоги и перспективы встреч премьеров В.В. Путина и Т.Эрдогана // Вестник РУДН – Международные отношения. Россия в международных отношениях. – 2010. – № 2.

298. Юхно А.С. «Зонтичные» оговорки в практике международных арбитражных трибуналов: последние тенденции // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 5.

299. Юхно А.С. Консультативный комитет Совета ООН по правам человека // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 1.

300. Юртаев В.И. Иран: регионализация и геополитика // Вестник РУДН – Международные отношения. Мир и безопасность. – 2010. – № 4.

301. Юмкелла К. ООН – коалиция всех талантов // Международная жизнь. – 2010. – № 6. – С. 22.

302. Ярышев С.Н. Национальный режим и общие принципы в едином экономическом пространстве // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2.

303. Янгель А.А. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии: экономические и политические факторы (к созданию Зоны свободной торговли Китай – АСЕАН) // Вестник РУДН – Международные отношения. История международных отношений. – 2010. – № 2.

Подготовлено к.ю.н. Рахимовым С.Ф.

Диссертации

В 2009-2010 годах были защищены следующие докторские и кандидатские диссертаций по специальности 12.00.10:

1. Антонов Игорь Петрович. «Немецкая концепция международного права: Эволюция теории и практики» – диссертация на соискание степени доктора юридических наук, 21.01.09 г. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Бирюков Павел Николаевич, Зимненко Богдан Леонидович, Фархутдинов Инсур Забирович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

2. Юрьев Евгений Евгеньевич. «Влияние права Европейского Союза на международный коммерческий арбитраж» – диссертация на соискание степени доктора юридических наук, 22.01.09 г. Научный руководитель: Торкунова Екатерина Анатольевна. Оппоненты: Шумилов Владимир Михайлович, Гудков Иван Владимирович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

3. Ларина Факия Шавкетовна. «Дипломатический протокол в праве внешних сношений» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 5.02.09 г. Научный руководитель: Курдюков Геннадий Ириархович. Оппоненты: Лихачев Василий Николаевич, Пуряева Анна Юрьевна. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. Ведущая организация: Академия государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан.

4. Шамсутдинова Рамиля Равиловна. «Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза: становление, развитие и основные формы сотрудничества государств-членов» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 5.02.09 г. Научный руководитель: Каюмова Альфия Револьевна. Оппоненты: Ляхов Евгений Григорьевич, Шайхутдинова Гульнара Раифовна. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

5. Мазитова Ильсия Раисовна. *«Система коллективных жалоб по Европейской социальной хартии»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 6.02.2009 г. Научный руководитель: Шайхутдинова Гульнара Раифовна. Оппоненты: Клемин Андрей Владимирович, Курдюков Дмитрий Геннадьевич. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: юридический факультет Академии управления «ТИСБИ» (Татарский институт содействия бизнесу). Ведущая организация: юридический факультет Воронежского государственного университета.

6. Скирда Максим Владимирович. *«Роль конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в совершенствовании законодательства Российской Федерации в области уголовного правосудия»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 6.02.2009 г. Научный руководитель: Валеев Револь Миргалимович. Оппоненты: Иванов Эдуард Александрович, Мезяев Александр Борисович. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. Ведущая организация: юридический факультет Воронежского государственного университета.

7. Баурин Константин Владимирович. *«Международно-правовые вопросы ответственности за вред, причиняемый иностранным летательным аппаратом третьим лицам в пределах земли»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.02.2009 г. Научный руководитель: Копылов Михаил Николаевич. Оппоненты: Малеев Юрий Николаевич, Котляров Иван Иванович. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

8. Сасиев Казбек Харитонович. *«Актуальные международно-правовые вопросы экологической защиты трансграничных водотоков в интересах здоровья человека»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.02.2009 г. Научный руководитель: Копылов Михаил Николаевич. Оппоненты: Мигачев Юрий Иванович, Шинкарецкая Галина Георгиевна. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России.

9. Садчикова Оксана Валерьевна. *«Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 26.02.2009 г. Научный руководитель: Энтин Марк Львович. Оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович, Алисиевич Екатерина Сергеевна. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Институт Европейского права МГИМО (Университет) МИД России. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

10. Стоякин Сергей Геннадьевич. *«Международно-правовые проблемы интеграции государств – участников Содружества Независимых Государств»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 26.02.2009 г. Научный руководитель: Саваськов Павел Васильевич. Оппоненты: Каламкарян Рубен Амаякович, Ефимов Геннадий Константинович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университет) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

11. Хамова Юлия Александровна. *«Публично-правовые аспекты туризма в европейском праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 6.03.2009 г. Научный руководитель: Бирюков Павел Николаевич. Оппоненты: Лихачев Василий Николаевич, Тюрина Наталия Евгеньевна. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: юридический факультет Воронежского

государственного университета. Ведущая организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университет) МИД России.

12. Арутюнян Давид Генрикович. *«Деятельность Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций по развитию международного права»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.03.2009 г. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Шумилов Владимир Михайлович, Иванов Дмитрий Владимирович. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России.

13. Заварзина Виктория Викторовна. *«Совершенствование международно-правового статуса таможенных союзов»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.03.2009 г. Научный руководитель: Каламкарян Рубен Амаякович. Оппоненты: Лабин Дмитрий Константинович, Антропов Роман Александрович. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

14. Попов Дмитрий Сергеевич. *«Международно-правовые аспекты членства государств в Шанхайской организации сотрудничества»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 3.04.2009 г. Научный руководитель: Лазутин Лев Александрович. Оппоненты: Клемин Андрей Владимирович, Скуратова Александра Юрьевна. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: Институт юстиции Уральской государственной юридической академии. Ведущая организация: Уральский юридический институт МВД России.

15. Куприянова Марина Владимировна. *«Международное регулирование прав не граждан»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 15.04.2009 г. Научный руководитель: Карташкин Владимир Алексеевич. Оппоненты: Мигачев Юрий Иванович, Цивадзе Наталья Аслановна. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России.

16. Антонова Инна Валерьевна. *«Современные международно-правовые проблемы деятельности»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 15.04.2009 г. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Бекяшев Камил Абдулович, Гликман Ольга Владимировна. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

17. Марусин Игорь Станиславович. *«Международные судебные учреждения, стороной разбирательства в которых вправе выступить физические лица: новые тенденции развития и совершенствования их деятельности»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.04.2009 г. Научный руководитель: Малинин Сергей Александрович. Оппоненты: Капустин Анатолий Яковлевич, Кириленко Виктор Петрович, Энтин Марк Львович. Диссертационный совет Д 212.232.04 Санкт-Петербургского ГУ. Организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Ведущая организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России.

18. Райкова Анжелика Юрьевна. *«Международно-правовые аспекты упрощения и гармонизации таможенных процедур: на примере международных таможенных конвенций по Карнетам А.Т.А.»* – диссертация на соискание степени кандидата

юридических наук, 27.04.2009 г. Научный руководитель: Кукушкина Анна Викторовна. Оппоненты: Черниченко Станислав Валентинович, Шумилов Владимир Михайлович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

19. Кононова Ксения Олеговна. «Санкционные резолюции Совета Безопасности ООН и их имплементация в национальных правовых системах государств-членов: на примере правовой системы Российской Федерации» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 20.05.2009 г. Научный руководитель: Иваненко Виталий Семенович. Оппоненты: Лихачев Василий Николаевич, Тузмухамедов Бахтияр Раисович. Диссертационный совет Д 212.232.04 Санкт-Петербургского ГУ. Организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

20. Самородова Екатерина Александровна. «Международно-правовые проблемы разработки и принятия универсальной (всеобщей) конвенции по воздушному праву» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 28.05.2009 г. Научный руководитель: Малеев Юрий Николаевич. Оппоненты: Шумилов Владимир Михайлович, Баталов Александр Александрович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

21. Сарвино Юлия Александровна. «Внутреннее право международных организаций: на примере ЮНЕСКО» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 3.06.2009 г. Научный руководитель: Коробова Маргарита Александровна. Оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович, Цивадзе Наталья Аслановна. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН Организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Ведущая организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России.

22. Сорокина Ольга Юрьевна. «Полномочия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 7.06.2009 г. Научный руководитель: Шинкарецкая Галина Георгиевна. Оппоненты: Моисеев Алексей Александрович, Грицаев Сергей Анатольевич. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

23. Орлов Алексей Сергеевич. «Международные территориальные споры: соотношение договорной и судебной форм урегулирования» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 3.07.2009 г. Научный руководитель: Игнатенко Геннадий Владимирович. Оппоненты: Вылегжанин Александр Николаевич, Мезяев Александр Борисович. Диссертационный совет ДМ 212.081.12 Казанского ГУ. Организация: Уральская государственная юридическая академия. Ведущая организация: юридический факультет Воронежского государственного университета.

24. Котов Андрей Сергеевич. «Международно-правовое регулирование инвестиционных споров» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 7.07.2009 г. Научный руководитель: Фархутдинов Инсур Забирович. Оппоненты: Алешин Владимир Васильевич, Буник Иван Владимирович. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: Московская государственная юридическая академия.

25. Голуб Кирилл Юрьевич. *«Решение суда Европейских сообществ как источник права ЕС»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 10.09.2009 г. Научный руководитель: Топорнин Николай Борисович. Оппоненты: Кашкин Сергей Юрьевич, Норкин Антон Игоревич. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Саратовская государственная академия права. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

26. Юзбашян Мариам Романовна. *«Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 10.09.2009 г. Научный руководитель: Колосов Юрий Михайлович. Оппоненты: Колодкин Анатолий Лазаревич, Котляров Иван Иванович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России.

27. Беляков Антон Владимирович. *«Международно-правовые проблемы обеспечения здравоохранения»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 15.10.2009 г. Научный руководитель: Колодкин Анатолий Лазаревич. Оппоненты: Мишалыченко Юрий Владимирович, Прокудина Надежда Владимировна. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

28. Семенов Иван Сергеевич. *«Право на жизнь: международно-правовой аспект»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 30.10.2009 г. Научный руководитель: Зимненко Богдан Леонидович. Оппоненты: Абашидзе Аслан Хусейнович, Захарова Лариса Ивановна. Диссертационный совет Д 209.001.03 Дипломатической академии МИД России. Организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России. Ведущая организация: международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней торговли.

29. Жбанков Владимир Александрович. *«Эволюция компетенции Европейского Союза и ее отражение в европейском праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.11.2009 г. Научный руководитель: Кашкин Сергей Юрьевич. Оппоненты: Энтин Лев Матвеевич, Лебединец Инна Николаевна. Диссертационный совет Д 212.123.02 МГЮА. Организация: Московская государственная юридическая академия. Ведущая организация: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

30. Тимофеева Наталья Юрьевна. *«Международно-правовые вопросы борьбы с терроризмом в Евроатлантическом регионе»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.11. 2009 г. Научный руководитель: Капустин Анатолий Яковлевич. Оппоненты: Алешин Владимир Васильевич, Дубинкина Светлана Николаевна. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

31. Семенова Елена Сергеевна. *«Роль международного Комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.11.2009 г. Научный руководитель: Соколова Наталья Александровна. Оппоненты: Капустин Анатолий Яковлевич, Гликман Ольга Владимировна. Диссертационный совет Д 212.123.02 МГЮА. Организация: Московская государственная юридическая академия. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

32. Ушаков Сергей Вячеславович. *«Вклад многосторонних органов международного правосудия в функционирование института международно-правовой от-*

ветственности государств в контексте международного процессуального права – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 2.12.2009 г. Научный руководитель: Шумилов Владимир Михайлович. Оппоненты: Каламкарян Рубен Амаякович, Комендантов Сергей Васильевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: Международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней торговли. Ведущая организация: Институт бизнеса и политики.

33. Пуртов Александр Сергеевич. *«Принцип взаимной выгоды в международном экономическом праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 17.02.2010 г. Научный руководитель: Шумилов Владимир Михайлович. Оппоненты: Стародубцев Григорий Серафимович, Комендантов Сергей Васильевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: Международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней торговли. Ведущая организация: юридический факультет Северо-Западной академии государственной службы.

34. Смирнова Елена Станиславовна. *«Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации»* – диссертация на соискание степени доктора юридических наук, 18.02.2010 г. Научный руководитель: Колодкин Анатолий Лазаревич. Оппоненты: Абашидзе Аслан Хусейнович, Малеев Юрий Николаевич, Мишальченко Юрий Владимирович. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

35. Дроздов Руслан Николаевич. *«Международно-правовые формы сотрудничества Совета Европы и Европейского Союза»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 7.04.2010. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Карташкин Владимир Алексеевич, Калининченко Пауль Алексеевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России.

36. Стовбун Виктория Дмитриевна. *Международно-правовой статус международной организации космической связи «Интерспутник»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 7.04.2010. Научный руководитель: Жуков Геннадий Петрович. Оппоненты: Колосов Юрий Михайлович, Липунов Валерий Иванович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

37. Зияд Захер Един. *«Исламская концепция борьбы с международным терроризмом»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 21.04.2010 г. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Моисеев Алексей Александрович, Мардоян Александр Владимирович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина.

38. Семкина Юлия Николаевна. *«Посредничество как международно-правовое средство мирного разрешения споров»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 21.04.2010 г. Научный руководитель: Абашидзе Аслан Хусейнович. Оппоненты: Малеев Юрий Николаевич, Дубинкина Светлана Николаевна. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Московский университет МВД России.

39. Голубок Сергей Александрович. *«Право на свободные выборы: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и формирование международно-*

правовых стандартов Содружества Независимых Государств» – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 22.04.2010. Научный руководитель: Иваненко Виталий Семенович. Оппоненты: Тиунов Олег Иванович, Алисиевич Екатерина Сергеевна. Диссертационный совет Д 212.232.04 Санкт-Петербургского ГУ, Организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

40. Володин Олег Николаевич. *«Основные правовые тенденции европейской интеграции в практике реализации энергетической политики ЕС»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.04.2010 г. Научный руководитель: Шилова Наталья Леонидовна. Оппоненты: Юмашев Юрий Михайлович, Луткова Оксана Викторовна. Диссертационный совет Д 209.001.03 Дипломатической академии МИД России. Организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

41. Шукюрюв Шукюр Нариман оглы. *«Действие основных принципов международного права в процессе урегулирования конфликта в Югославии»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук 30.04.2010 г. Научный руководитель: Родионов Константин Семенович. Оппоненты: Иванов Эдуард Александрович, Смирнов Михаил Гурамович. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

42. Мельник Татьяна Витальевна. *«Международно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма на универсальном уровне»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 30.04.2010 г. Научный руководитель: Иванов Эдуард Александрович. Оппоненты: Ромашев Юрий Сергеевич, Боклан Дарья Сергеевна. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: юридический факультет КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина.

43. Кремнев Петр Петрович. *«Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР»* – диссертация на соискание степени доктора юридических наук, 2.06.2010 г. Оппоненты: Малеев Юрий Николаевич, Моисеев Евгений Григорьевич, Автономов Алексей Станиславович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Ведущая организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

44. Родин Артем Алексеевич. *«Взаимодействие международного и внутригосударственного права в правовом регулировании государственно-частного партнерства»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 16.06.2010 г. Научный руководитель: Капустин Анатолий Яковлевич. Оппоненты: Фархутдинов Инсур Забинович, Ашавский Борис Матвеевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России.

45. Шумилов Юрий Владимирович. *«Эволюция международного финансово-го права в свете глобального финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг.»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 16.06.2010 г. Научный руководитель: Боклан Дарья Сергеевна. Оппоненты: Фархутдинов Инсур Забинович, Комендантов Сергей Васильевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней

торговли. Ведущая организация: юридический факультет Воронежского государственного университета.

46. Лимонникова Майя Алексеевна. *«Венецианская комиссия Совета Европы: правовые аспекты создания и деятельности»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 16.06.2010 г. Научный руководитель: Бирюков Михаил Михайлович. Оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович, Алисиевич Екатерина Сергеевна. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Институт Европейского права МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

47. Слепак Виталий Юрьевич. *«Правовые аспекты общей политики безопасности и обороны Европейского Союза»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 16.06.2010 г. Научный руководитель: Четвериков Артем Олегович. Оппоненты: Стародубцев Григорий Серафимович, Бекяшев Дамир Камильевич. Диссертационный совет Д 212.123.02 МГЮА. Организация: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина. Ведущая организация: Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

48. Селим Рустам Асланчериевич. *«Сравнительно-правовой анализ взаимодействия норм международного права и национального законодательства Российской Федерации, регулирующих инвестиционную деятельность»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 19.06.2010 г. Научный руководитель: Антонов Игорь Петрович. Оппоненты: Каламкарян Рубен Амаякович, Комендантов Сергей Васильевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней торговли. Ведущая организация: Институт бизнеса и политики.

49. Мохаммед Хейтем Ахмед Арраджи. *«Защита прав человека во время международных вооруженных конфликтов: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.06.2010 г. Научный руководитель: Ибрагимов Ахмед Муслимович. Оппоненты: Стародубцев Григорий Серафимович, Глотова Светлана Владимировна. Диссертационный совет Д 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Дагестанского государственного университета. Ведущая организация: Московский университет МВД России.

50. Жуков Геннадий Петрович. *«Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия и правовые проблемы его укрепления»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.06.2010 г. Научный руководитель: Жуков Геннадий Петрович. Оппоненты: Ляхов Евгений Григорьевич, Джантаев Хасан Магомедович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

51. Якубова Наталия Григорьевна. *«Международно-правовое регулирование аудиовизуальных услуг связи в рамках ВТО»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.06.2010 г. Научный руководитель: Зенкин Игорь Викторович. Оппоненты: Стародубцев Григорий Серафимович, Попов Михаил Сергеевич. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: международно-правовой факультет Всероссийской академии внешней торговли. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

52. Поливанова Диана Заурбековна. *«Международно-правовые проблемы права человека на неприкосновенность частной жизни»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 25.06.2010 г. Научный руководитель: Шинкарецкая Галина Георгиевна. Оппоненты: Моисеев Евгений Григорьевич, Прокудина

Надежда Владимировна. Диссертационный совет Д 002.002.05 ИГП РАН. Организация: Институт государства и права Российской Академии наук. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

53. Баширов Михаил Андреевич. *«Международно-правовое регулирование доступа на рынки финансовых услуг»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 10.09.2010 г. Научный руководитель: Юмашев Юрий Михайлович. Оппоненты: Шумилов Владимир Михайлович, Бордунов Виталий Дмитриевич. Диссертационный совет Д 209.001.03 Дипломатической академии МИД России. Организация: факультет права Государственного университета – Высшей школы экономики. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

54. Панюшкина Ольга Валентиновна. *«Взаимное признание и исполнение приговоров государствами Евросоюза в европейском и национальном праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 23.09.2010 г. Научный руководитель: Бирюков Павел Николаевич. Оппоненты: Ляхов Евгений Григорьевич, Четвериков Артем Олегович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: юридический факультет Воронежского государственного университета. Ведущая организация: юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

55. Юркина Елена Евгеньевна. *«Рассмотрение жалоб юридических лиц в Европейском Суде по правам человека»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 6.10.2010 г. Научный руководитель: Карташкин Владимир Алексеевич. Оппоненты: Зимненко Богдан Леонидович, Гликман Ольга Владимировна. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Институт и права Российской Академии наук.

56. Качелин Максим Сергеевич. *«Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 6.10.2010 г. Научный руководитель: Жуков Геннадий Петрович. Оппоненты: Ромашев Юрий Сергеевич, Савельев Вадим Александрович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Московский университет МВД России.

57. Носиков Андрей Николаевич. *«Современные тенденции развития правового режима Международного района морского дна»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 14.10.2010 г. Научный руководитель: Саваськов Павел Васильевич. Оппоненты: Гуреев Сергей Александрович, Буник Иван Владимирович. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

58. Дехканов Сулейман Айбекович. *«Международно-правовые аспекты защиты меньшинств»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 15.10.2010 г. Научный руководитель: Черниченко Станислав Валентинович. Оппоненты: Абашидзе Аслан Хусейнович, Захарова Лариса Ивановна. Диссертационный совет Д 209.001.03 Дипломатической академии МИД России. Организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России. Ведущая организация: Институт государства и права Российской Академии наук.

59. Мещерякова Ольга Михайловна. *«Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета»* – диссертация на соискание степени доктора юридических наук, 20.10.2010 г. Научный руководитель: Карташкин Владимир Алексеевич. Оппоненты: Кашкин Сергей Юрьевич, Юмашев Юрий Михайлович, Фархутдинов Инсур Забирович. Диссертационный совет ДМ 212.203.21 РУДН. Организация:

юридический факультет Российского университета дружбы народов. Ведущая организация: Российская академия правосудия.

60. Гиони Ина. *«Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 29.10.2010 г. Научный руководитель: Янюк Екатерина Эдуардовна. Оппоненты: Шумилов Владимир Михайлович, Хабачиров Муаед Лялюевич. Диссертационный совет Д 209.001.03 Дипломатической академии МИД России. Организация: факультет «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России. Ведущая организация: юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

61. Земскова Полина Евгеньевна. *«Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 1.11.2010 г. Научный руководитель: Тиунов Олег Иванович. Оппоненты: Черниченко Станислав Валентинович, Красиков Дмитрий Владимирович. Диссертационный совет Д 503.001.03 ИЗиСП при Правительстве РФ. Организация: юридический факультет Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. Ведущая организация: юридический факультет Казанского (Приволжского) федерального университета.

62. Тарасьянц Елена Валерьевна. *«Международная защита и поощрение прав человека в области биомедицинских исследований»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.11.2010 г. Научный руководитель: Иванов Дмитрий Владимирович. Оппоненты: Стародубцев Григорий Серафимович, Захарова Лариса Ивановна. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: юридический факультет Российского университета дружбы народов.

63. Никонов Катажина. *«Современные теоретические аспекты международной правовой защиты прав ребенка»* – диссертация на соискание степени кандидата юридических наук, 18.11.2010 г. Научный руководитель: Иванов Дмитрий Владимирович. Оппоненты: Моисеев Алексей Александрович, Алисиевич Екатерина Сергеевна. Диссертационный совет Д 209.002.05 МГИМО. Организация: Международно-правовой факультет МГИМО (Университета) МИД России. Ведущая организация: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина.

Подготовлено к.ю.н. Пашиной А.Д.

Подписано в печать 15.06.2011. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 x 84/8. Гарнитура Times. Объем 22,32 п.л.
Тираж экз. Заказ №

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13